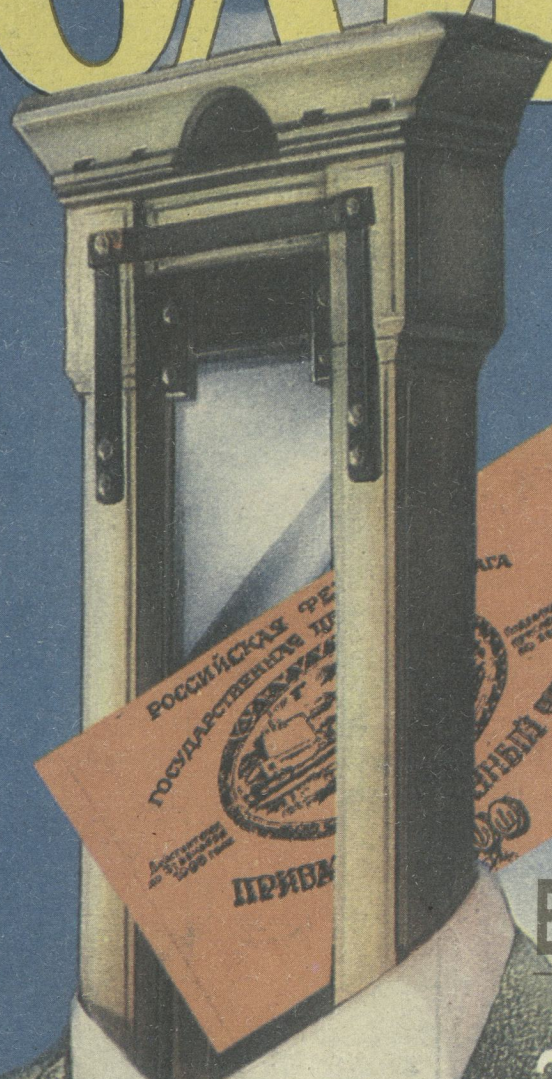

СТОЛИЦА

№ 40 (98) 1992 г.
Цена 8 руб.

ВС РОССИИ.

За
гильотинизацию
ваучеризации
всей
страны!

иллюстрированный еженедельник

ВСЕ ВИДЫ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ПРЕДОСТАВИТ «РЕСУРС-БАНК»

— Открытие расчетных счетов для юридических лиц
Расчетный счет в «РЕСУРС-БАНКЕ» — это:
Быстрое, четкое и качественное обслуживание.
Консультации клиентов по любым вопросам
финансово-хозяйственной деятельности.
Гарантированное получение наличных денег.
Прием платежных документов с 9.00 до 18.00.
Телефон: 306-68-19

— ПРИЕМ СРЕДСТВ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА
ДЕПОЗИТНЫЕ СЧЕТА С ВЫПЛАТОЙ
ВЫСОКИХ ПРОЦЕНТОВ ПО ВКЛАДУ
Телефон: 306-68-14

— ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ КРУПНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КРЕДИТОВ НА ВЗАИМОВЫГОДНЫХ
УСЛОВИЯХ
ПОЛНЫЙ ПАКЕТ УСЛУГ ПО ФИНАНСИРОВАНИЮ ИМПОРТА
(кредит, конвертация, перевод валюты инопартнёру)
Телефоны: 306-68-03, 306-79-18

— ПРИЕМ ВКЛАДОВ НАСЕЛЕНИЯ (минимальный процент по
вкладу — 46% годовых)
Телефон: 306-78-55

Открытие валютных счетов — с 1 октября 1992 года

НАШ АДРЕС: 111398, Москва, Перовская ул, д. 28.
Проезд до станции метро «Перово».

ВРЕМЯ РАБОТЫ: с 9.00 до 18.00, кроме субботы и
воскресенья.

Виктор КОПИН

В ЕДИНСТВЕ С НАРОДОМ, КАЖДЫЙ ШАГ ЕГО МУДР...

Упорное стремление президента отмежеваться от партий (он не с партиями, а с народом) перестало смущать демократический лагерь. Появилась и все больше распространяется точка зрения, что демократическое движение было использовано в борьбе за власть и после свержения М.Горбачева оно стало просто ненужным. Путч оказался последним звеном в цепи событий, когда стало ясно, что демократам не удалось «приручить» Б.Ельцина, он, по-видимому, окончательно освободился от ненужной ему опеки.

Эта точка зрения не лишена оснований, присмотримся к ней пристальнее и, по возможности, «без гнева и пристрастия», как это рекомендует уважаемая газета. Стремление объяснить по меньшей мере своеобразное поведение Б.Ельцина по отношению к демократам личностными его особенностями (в данном случае — властолюбием) грешит необъективностью или неполнотой.

Обратимся к некоторым фактам. Действительно, Б.Ельцин — прирожденный лидер, с трудом подчиняющийся правилам политической игры: он склонен сам устанавливать эти правила, и он говорит о том, что на него невозможно влиять. Многие из демократов считают, что они оказали ему значительную поддержку, за что он должен быть им хотя бы благодарен. Можно, однако, рассуждать и наоборот: «знамя Б.Ельцина» автоматически обеспечило победу каждому, кто им был освоен. Торжественная поступь блока «Демократическая Россия» явно переоценивалась, так как «демократия» генерировалась Б.Ельциным. Следует признать и то,

что роль А.Сахарова в демократическом движении была слишком интеллектуальной, чтобы быть понятой массами («права человека», «независимость экономики от государства» и т.п.). Б.Ельцин был живой легендой и великомучеником, «рабыней Изаурой» и Робин Гудом, олицетворением справедливости. Без А.Сахарова движение «Демократическая Россия» стало авторитарным, хотя представителям блока казалось, что они могут руководить опальным коммунистом, давать ему мудрые советы. Но движение уже было обречено, поскольку для него имя Б.Ельцина стало важнее идей демократии: они воспринимались народом лишь потому, что за них высказывался Б.Ельцин. В этой ситуации демократичным было все то, что отстаивал лидер движения, и наоборот: безотносительно к содержанию направленных против Б.Ельцина высказываний они были «антидемократическими», хотя, казалось бы, демократия должна была обеспечить плюрализм мнений.

Неудивительно, что демократическое движение могло лишь воспевать и оправдывать провидение, ниспославшее божественный дар. Но «Демократическая Россия» ставила себе в заслугу победу и явно ждала от Б.Ельцина соответствующей реакции. В особенности усилились притязания демократов после того, как Б.Ельцин стал Председателем Верховного Совета РСФСР. Но раздачи властных постов и полномочий не последовало. Мало того: Б.Ельцин откровенно тяготился своей неожиданной зависимостью от блока. Его решение стать президентом вызвало шок в демократическом лагере,

Фото Э. Куарвяцкого

ведь еще недавно демократам со всей убедительностью удалось показать невозможность президентской формы правления (когда президентом возглавлялся М.Горбачев). Посопротивлявшись, демократы были вынуждены подчиниться капризу — как им тогда казалось.

Посмотрим ту же ситуацию глазами Б.Ельцина. Председателем ВС он стал с минимальным перевесом, ему предстояло на протяжении пяти лет быть в зависимости от неясных сил, постоянно лавировать между коммунистами и демократами — испытание не из легких. Президентство дало прекрасную возможность уйти от политического влияния прежде всего блока «Демократическая Россия».

Худшие подозрения демократов по отношению к Б.Ельцину начали оправдываться. «Демократический» блок стал немедленно распадаться, как только его стал фактически игнорировать народный президент. Ключевые посты стали раздаваться отнюдь не звездам движения (Г.Бурбулис, С.Шахрай, С.Станкевич не шли ни в какое сравнение по популярности с Ю.Афанасьевым, Н.Травкиным, Г.Поповым, А.Собчаком и пр.). Постепенно становилось ясно, что президент не нуждается для управления государством в личностях ярких, что он вполне удовлетворится политической трескотней о «преступной КПСС» и наступившем «царстве свободы».

Путч вызвал прилив новых сил в демократическое движение. Однако его последствия оказались достаточно странными: президент подтвердил свою независимость от партии, объявил, что демократию спас «народ», которому он и будет

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Выжutowич:

До массовых самосожжений, кажется, еще не дошло, но массовые голодовки, изнурительные, до обмороков, случаются все чаще и чаще.

6

«Круглый стол» «Столицы»:

С.Митрофанов: Я понял, что «ДемРоссия» поддерживает правительственный курс, а принесет он результат или нет, пока неизвестно.

М.Шнейдер: Мы поддерживаем стратегический курс, но критикуем правительство, если оно идет вразрез с интересами населения.

Ю.Шейн: Грубейшая ошибка Гайдара: он не объясняет ни плана, ни смысла того, что же он хочет сделать.

8

Т.Чередниченко:

Демократически ориентированные газеты тоже запели, сменив, правда, веселье праздничного подъема на ироническое глумление.

12

2 ЭКОНОМИКА

П.Кудюкин: Профбюрократия ясно осознает, в чем ее сила... В условиях всеобщей «бартеризации» старые профсоюзы превратились по сути в снабженческо-распределенческие кооперативы. Не забывая себя, они делят те блага, которые поступают на предприятие по бартеру.

А.Фадин: Да, это все мало подходит на знакомую по учебникам профсоюзную классику... И напоминает что-то другое.

20

Е.Колесникова:

На АВВ нет рабочих, все только служащие. И зарплату поэтому им перечисляют раз в месяц, на счет в банке. Вот они, европейские нюансы — я бы лично согласилась хоть каждый день зарплату получать на руки, лишь бы платили. А им, видите ли, важна периодичность, и она определяет служебное ранжирование.

22

3 ЖИЗНЬ

Е.Гончаренко:

Классический имидж России в глазах иностранцев несколько изменился. Если раньше по заснеженным степям под колокольный звон скакали казаки, то теперь по тем же равнинам, под тот же звон на черных «Волгах» едут аппаратчики и генералы КГБ.

30

М.Каминарская: Вам часто приходится врать с экрана?

Д.Крылов: Я этого ужасно не люблю, но иногда приходится. И самое удивительное, что за ложью обычно следует мистическое наказание...

36

В.Грибанов:

В те годы «стиляги» на мотив своего любимого «Сан-Луи блюза» сочинили песню: Двадцатый съезд КПСС Стиляг отправил в МТС. Стиляги трактор завели. Колхоз назвали: «О, Сан-Луи!»

42

4 КУЛЬТУРА

А.Синявский:

Как говорил мне в лагере один старик: «Писателю и умирать полезно!» Но если даже умирать полезно, то почему нельзя извлечь позитивный смысл из факта эмиграции?..

48

И.Охлобыстин:

Если бы я взялся рассказывать историю человечества, я рассказал бы ее так: «До меня были: Леонардо да Винчи, Магомет, Будда и Иисус Христос».

53

Т.Окуневская:

Надо прощаться, мы выходим в холл, я протягиваю ему губы. — Прощайте, в другом веке я бы бросила все и понеслась с вами в бескрайние дали.

58

31 октября завершается подписка на «Столицу». Только для ее постоянных подписчиков страховая компания «АСКО» предоставляет льготные страховые полисы.

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоевтом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации СССР № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Григорий Вайсман

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
1211 Geneva 11 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 02.10.1992 г.
Тираж 156.300 (1—100.000)

Над номером работали: П.Смирнов, О.Проханов, Р.Катева

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 3806

служить до конца. Своим запретом КПСС он выбил последнюю опору демократов. Затем, пожелав им «единства», он начал реформистскую деятельность, одновременно вытесняя демократов из властных сфер. Можно сказать, что демократы получили сокрушительное поражение в своих амбициях влиять на президента.

В чем же дело? В характере президента? Такое объяснение было бы слишком простым, чтобы им можно было удовлетвориться. Не сложились отношения с демократами у мэров А.Собчака, Г.Попова (и теперь — у Ю.Лужкова). Почему более или менее стабильные отношения наблюдаются лишь в регионах, где и слышать ничего не желают о разделении властей? «Двоевластие» неожиданно оказалось вредным, а ведь в действие еще не вступила «третья» власть, судебная, оказавшаяся удивительно беспомощной даже в реализации указов президента о предоставлении судам помещений КПСС.

Объяснение здесь довольно простое. Не было никакого демократического движения, отчего и говорить о его «завершении» (как считает Г.Попов) нет никаких оснований. Ну да, разгромлена КПСС — и это цель демократии? В таком случае все страны Запада должны начать равняться на нас, у них пока еще сохранены остатки коммунистического движения. Первая причина уже названа: движение оказалось автократическим. Б.Ельцин был демиургом демократического движения, останься он во главе движения — это была бы партия, своими ухватками копирующая КПСС, т.е. опять-таки не было бы демократического движения. С его уходом движение рассыпалось в прах именно потому, что он был его демиургом. И удивляться тут нечему.

Все демократические движения в странах бывшего СССР в массе своей оказались националистическими, потому что никакой основы для появления демократии не было. Демократия повсеместно оказалась иллюзией, фантомом. Россия смогла как-то чудом избежать этой напасти, но причины все те же — автократизм движения. Любые попытки сеять националистическую смуту обрекались на поражение, так как затрагивали авторитет Б.Ельцина.

Но движение не могло быть демократическим и потому, что на прошедших выборах во всех уровнях Советов побеждала революционная стихия. Сейчас можно только диву даваться, как много в органах народовластия, интеллигентно выражаясь, неуравновешенных лиц. В этом процессе и сейчас много неясного, очевидным

является только то, что он каким-то образом управлялся — то ли КГБ, то ли ЦРУ. Как бы то ни было, теперь можно только радоваться, что «демократия» не одержала окончательную победу.

Есть и причина более серьезная. О какой, собственно, демократии идет речь? Ведь ее формы довольно многообразны. Но этот теоретический по сути вопрос не анализировался нарочито и принципиально: никакого «изма» больше строить никто не собирался. Действительность, тем не менее, такова, что любое управленческое решение оказывается связанным с «измами» самыми крепкими узлами. Поддержка частного сектора — один тип демократии, ставка на госсектор — другой. Нетрудно убедиться, что в советах президенту от демократов по управленческим вопросам нет недостатка, но все они — разные. В этой ситуации президент действует по собственному разумению, что приводит демократов в смущение и раздражение. И есть от чего смущаться.

Политические воззрения Б.Ельцина известны. Сам он неоднократно высказывался о симпатиях к социал-демократам. Это означает, как иногда кажется, что рушить социализм он не намерен. Однако либеральные принципы проведения реформ постоянно угрожают завоеваниям социализма, и, похоже, он в этом не заинтересован. Социализм прослеживается во всех преобразованиях. Ваучеры, например, являются попыткой уравнительного распределения госсобственности и стремлением вдохнуть в нее новую жизнь.

Тезис о социальной справедливости остается для президента слишком актуальным. Обращение к народу — конек нашего президента. Для того чтобы уяснить действие реформ, Б.Ельцин, как в обкомовские времена, «идет к народу» (а не к предпринимателям, где он мог бы получить информацию о деловой активности, — с предпринимателями он предпочитает встречаться на Западе). Отсюда и эти «неожиданные» визиты в магазины, где по свежим впечатлениям подписываются указы. Можно приводить массу примеров, из которых видно, что принципы гуманного и демократического социализма дороги президенту. И это является основной причиной аллергии на все другие демократические формы правления.

Ему меньше всего нужны советы и рекомендации радикальных демократов, он больше всего нуждается в стабильности общества и в кредитах. Частный капитал начнет

производить только после периода первоначального накопления, и это когда еще будет! Оживить производство необходимо немедленно, поэтому западные кредиты уже обещаны госсектору, который, по выражению В.И. Ленина, «рождает социализм», и в правительство приглашены опытные акушеры.

Вряд ли Б.Ельцина сейчас беспокоят «красно-коричневые» — демократическое движение шахтеров может оказаться гораздо разрушительнее. К тому же началось опустошение «закров Родины», которому способствуют «демократически выбранные» и «демократически назначенные». В подобной ситуации Робеспьер начал рубить головы, а ведь он был учеником Ж.-Ж. Руссо, проповедовавшего учение о самоценности каждой человеческой жизни. Что же говорить о Б.Ельцине, знавшем толк в методах партийного руководства?

Либерализация почему-то ведет к преступности, и уголовное законодательство приходится ужесточать. Трудовое крестьянство упорно не берет землю, и дело здесь не в законах: после революции достаточно было «Декрета о земле» — документа, сомнительного в юридическом плане, — чтобы крестьянин понял, что к чему. Сейчас полно указов президента с аналогичным содержанием — и тишина. Президент силовыми методами принуждает предприятия акционироваться (а вроде бы трудовые коллективы и сами должны этого хотеть). Можно приводить массу примеров того, как демократия буквально вдалбливается в народ, и само это «внедрение» демократических принципов есть приговор идеалам, оказавшимся сродни снам Веры Павловны. С.Станкевичу на заре демократии мечталось посылать дворников и зеленщиков за границу на стажировку — сейчас он предпочитает ездить за границу сам. Вот они, идеалы и реальность.

Следует согласиться с А.Яковлевым, высказавшимся в таком роде (может быть, иронично), что для нас оптимален просвещенный абсолютизм. А что? Свобода даруется народу, а монарх принуждает быть свободным. Народ ведь не жаждал демократии, а жаждал «царя Бориса» — вот он и не замедлил ждать. Борис — с народом! И если чаяния народные сбываются, то это не самый худший вариант развития событий. Дело привычное, да и в успехе реформ можно не сомневаться: абсолютист не ошибается, каждый его шаг — мудр, целесообразен и оправдан...

«ГРАЖДАНСКИЙ СОЮЗ» НИКУДА НЕ ЗОВЕТ: НЕ ХОЧЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?

На очередной пресс-конференции, проводимой лидерами «Гражданского союза» и близких к нему парламентских фракций, слова произносились солидно, основательно, как и подобает организации, в руководстве которой состоит вице-президент страны. Все бы хорошо, но общий стиль говорения чем-то неуловимо напоминал политинформации застойно-советских времен: все как бы правильно, но уж очень безлико и серо... Чем, собственно, намереваются лидеры «ГС» привлечь к себе внимание масс, рассчитывают ли они на их поддержку — ведь «ГС» явно претендует на серьезное влияние, то есть на власть над этими самыми массами?

Приведу свой вопрос и ответы на него.

Большевики смогли в свое время прийти к власти, кроме прочего, еще и потому, что сумели выдвинуть ряд вразумительных, хорошо звучащих и вовремя сказанных лозунгов: «земля — крестьянам», «фабрики — рабочим», «мир — народам». (Другой вопрос — насколько эти лозунги были реалистичны, собирались ли их выполнять.) Готов ли кто-нибудь из лидеров «Гражданского союза» сформулировать его программные цели так, чтобы они звучали столь же вразумительно, афористично и ярко?

В.Новиков, парламентская фракция беспартийных: Мой тезка, Владимир Ильич, в свое время сказал — есть такая партия, а я скажу — есть такие партии! Вот это основа того, что мы движемся вперед.

А.Рущкой: От лозунгов надо сегодня уходить. Потому что любые лозунги должны иметь под собой материальную основу. Сегодня мы избрали не лозунг, а формулу своих действий: «либеральные реформы и сильная власть».

В.Герасимов, парламентская фракция «Левый центр»: Вы говорили о революции большевиков, но перед вами «Гражданский союз», «Левый центр», которые отвергают революцию. Мы за реформы, а в реформах такие лозунги, которые поведут народ к «светлому будущему», не нужны.

А.Головин, парламентская

Лидер «Гражданского союза» Аркадий Вольский

фракция «Смена»: К сожалению, ваш вопрос совершенно правомерен. Но сейчас очень трудно сформулировать те 4—5—6 пунктов, которые были бы всем понятны. Прошло то время, когда достаточно было вписать в программу слова о приватизации и частной собственности и на этом получить поддержку. Все стало гораздо тоньше и сложнее. А вообще проблема привлечения населения на сторону «Гражданского союза» — это действительно серьезно.

Мой комментарий. «Есть такие партии!» — неужели можно всерьез думать, что такой лозунг способен кого-то на что-то вдохновить? И уж совершенно загадочно: отчего его выдвигает лидер фракции беспартийных (!)?

А.Рущкой, видимо, считает, что «лозунги» как таковые — это непременно беспочвенная демагогия, злоупотребление доверием народа. Что же, пусть будет не «лозунг», а «формула». Но сама формула вице-президента не только невыразительна, но и сомнительна по содержанию: ведь либеральные реформы ослабляют власть. Что же означают «сильная власть и либеральные реформы»?

«Гражданский союз» и сочувствующие депутаты не собираются революционизировать общество, они намерены проводить реформы — отлично. Но все же: значат ли что-то в этих реформах народ, его мнение, его поддержка или, наоборот, неприятие? На каком языке реформаторы из «ГС» намерены общаться с массами — ведь не секрет, что «профессорские» программы, сколь бы они ни были «фундированы», большинство людей просто не читает!

А.Головин весьма уважил меня тем, что (единственный из отвечавших) правильно

понял мой не очень «мудрый» вопрос и ответил по существу. Но его ответ вызывает новые вопросы. Да, проблемы сложны, но неужели путь их решения не может быть сформулирован вразумительно и притягательно для миллионов граждан? Или этого пути просто нет — за что же тогда борется «ГС»? К тому же я не стал бы преувеличивать непонятливость населения: то, что людям действительно интересно, то, что у них наболело, они часто понимают с полуслова. Понятно и доступно — это вовсе не обязательно вульгарно и примитивно: «кто ясно мыслит — ясно излагает».

Выводы (на выбор читателя).

1. «Гражданский союз» товарищи не очень озабочен завоеванием широкой массовой поддержки, так как «большая политика» делается, как и прежде, в узком кругу, в кулуарах и кабинетах, — тем самым становится понятной цена нынешней демократии. Неутешительный вывод.

2. «Гражданский союз» и примкнувшие к нему парламентарии всерьез озабочены как реформами, так и вовлечением в них широких масс населения, и единственное, что мешают политикам, — это, извините, бездарность. Подчеркнутый «прагматизм» реформаторов из «ГС» выражает в таком случае всего лишь их неспособность улавливать ход истории, иметь сколько-нибудь вразумительную, ясную доктрину и стратегию. Вывод еще более неутешительный.

3. Любые лозунги, цели, программы могут быть восприняты людьми только в том случае, если они отвечают их стремлениям и потребностям. Лидеры «ГС», возможно, и демократичны, и талантливы, но встать во главе массового движения, сформулировать цели, внятные для рядовых граждан, они не могут просто потому, что люди в массе дезориентированы и сами не знают, чего они хотят. Совсем неутешительный вывод.

4. Возможны, впрочем, любые комбинации из трех предыдущих выводов — в любых пропорциях. Тогда единственный утешительный вывод — в этой стране была живьем сама Марианна.

Илья РАСКИН

БОЕВАЯ МОЩЬ ОВС СНГ: ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ, 300 ЧЕЛОВЕК И МИРОТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ

Не понимаю, почему некоторым военным не нравится маршал Шапошников? Может быть, просто бояться? Как он сам заявил на встрече в МГИМО, у него в руках самое грозное оружие — стратегическое ядерное. И не беда, что он не говорит, на кого теперь, если не на США, нацелены ракеты, и не согласен с утверждением, что мир сейчас многополярный. Он, по мнению маршала, «монополярный» (так бывает?), но полюс этот не назвал! Зато он твердо знает, что если Запад не прекратит испытания своего ядерного оружия, то и мы свои возобновим.

Что же касается Объединенных Вооруженных Сил СНГ, то непонятным остается, как и с лекарствами: они есть или их нет? И хотя маршал сообщил, что из полутора сотен документов СНГ половина приходится на военные вопросы, легче от этого не стало. А еще, оказывается, создана система коллективной безопасности; смотрите из кого: Россия, Казахстан, среднеазиатские республики (без Туркмени) и Армения. И миротворческие силы есть, и готовы они уже и войти в Карабах, но только после просьб двух президентов.

Маршал считает, что хватит гробить деньги в полигоны и аэродромы. Вот он был в США, и там в летних лагерях неструганые лавочки — и ничего, служат. А строить надо жилье.

А я так думаю, нет пока никаких объединенных сил, как нет и СНГ. И Шапошников ничего не решает. Просто работает немалый аппарат для согласования военных вопросов бывшего СССР, которых тьма, обслуживает Совет министров обороны стран СНГ — так надо и сказать.

Лет пять они рассчитывают поддержаться — именно за этот переходный период и решаются все социальные вопросы военнослужащих, предполагает маршал Шапошников.

Александр КАСАТОВ

КТО ЕСТЬ WHO?

ПРЕЗИДЕНТ ГОРБАЧЕВ — НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ? ОТКАЗНИК?

Большинство судей Конституционного суда России склонились к мысли о необходимости пригласить на слушания по «делу КПСС» дополнительных свидетелей: бывшего президента СССР и генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева, а также «группу товарищей», входивших в состав высшего руководства компартии. Думаю, что суд был просто вынужден принять именно такое решение. В противном случае кое-кто наверняка мог даже обвинить КС в нежелании предать гласности информацию о не всегда законной деятельности партии, которая известна только ее бывшим лидерам.

Заявление Горбачева о том, что, даже если его приведут в Конституционный суд в наручниках, он все равно ничего не скажет, — это лишь еще одно доказательство, что бывшему генеральному секретарю ЦК КПСС есть что скрывать. И теперь для сохранения репутации судьям придется настаивать на том, чтобы самый информированный свидетель проявил уважение к высшему органу судебной власти Российской Федерации.

Председатель КС Валерий Зорькин вообще был удивлен, что человек, который провозгласил в свое время курс на строительство правового государства, вдруг говорит такое.

В случае если он откажется прийти, считает Зорькин, суд может признать явку обязательной.

Однако при обсуждении этого вопроса в кулуарах Конституционного суда доктор юридических наук эксперт Владимир Гулиев неожиданно предположил, что бывший президент СССР уже занят поиском государства, которое готово предоставить ему политическое убежище. В КС Горбачеву действительно ничто не угрожает, но в результате его свидетельских показаний вполне может быть возбуждено уголовное дело о преступлениях высших должностных лиц партии, в том чис-

ле, конечно, и самого генерального секретаря ЦК КПСС.

Кто-то даже предложил взять с Горбачева подписку о невыезде, но судья КС Виктор Лучин тут же дал справку: мол, Законом о Конституционном суде это не предусмотрено. Но если сам КС такими полномочиями не обладает, то можно обратиться с соответствующим ходатайством в Прокуратуру РФ.

Народный депутат РФ Сергей Шахрай, в свою очередь, заявил, что в случае с Горбачевым Конституционному суду нужна поддержка парламента. Однако даже Верховный Совет РФ вряд ли сможет что-либо предпринять, поскольку пока Горбачев находится за границей и, по мнению некоторых юристов, он может просто взять и не вернуться в Россию.

Почему же Горбачеву так не хочется появляться в суде?

Представитель стороны президента РФ Михаил Федотов, например, считает, что Горбачев просто не хочет вступать в этот процесс. Он убежден, что коммунистическая партия мертва, и не хочет участвовать в эксгумации трупа.

Недоброжелатели Горбачева уверены, что каждое его слово можно и нужно будет использовать против него для привлечения опального президента, распавшейся страны в последующем к уголовной ответственности. Демократы, как известно, об-

виняют Горбачева в валютных злоупотреблениях, которыми грешила КПСС, а ортодоксальные коммунисты — в умышленном развале СССР, на который он пошел чуть ли не по указанию ЦРУ.

В любом случае до тех пор, пока Горбачев держит рот на замке, он продолжает оставаться популярным (особенно на Западе) политическим деятелем, творцом перестройки, отцом демократии и гласности. Если же Горбачев начнет давать показания, то ему придется либо признаться в соучастии в преступлениях партийной элиты, либо, обеляя себя, попытаться переложить всю ответственность на плечи своего ближайшего окружения. В первом случае на его политической карьере можно поставить крест, так как общественное мнение не сможет простить ему тех беззаконий, которые творила «обновляющаяся», по его словам, партия. Во втором — его перестанут уважать как человека, предавшего своих друзей и соратников.

Но его стремление уйти от ответственности будут, скорее всего, считать непростительным малодушием. Молчание — не всегда золото.

На пресс-конференции по итогам поездки в ФРГ Горбачев сказал, что он давно хотел побывать в Латинской Америке.

...И вернуться? Правда, Михаил Сергеевич?

Константин КАТАНЯ

КУПАТЬСЯ В ЧЕРНОМ МОРЕ ОПАСНО!

В Москве накануне встречи Б.Ельцина с Э.Шварцнадзе появилась видеокассета с записью интервью россиянина, якобы наемников, служивших в абхазской гвардии. Как это проверить?

Двадцатидвухлетний москвич Александр Залучаев не читал газет. Он, правда, слышал, что в Абхазии то ли была война, то ли еще будет. Но рассказ загорелых друзей, несколько недель назад вернувшихся из Пицунды, совершенно усыпил его бдительность.

На реке Псоу, в нескольких километрах от аэропорта «Адлер», Саша, к своему удивлению, обнаружил пограничный пост, который, правда, оказался каким-то

«ненастоящим»: посмотрели документы, заглянули в сумку и пропустили. Но что-то странно на него смотрели грузины с автоматами!

Сашу арестовали в первом же населенном пункте — Леселидзе. Отвезли в отделение милиции Гагры. Немного там побили.

Начальник городской милиции (извините, полиции) господин майор Шония сказал иностранцу:

— Мальчик, если ты хочешь вернуться домой к ма-

ме, сделай, как т э б з прошу. Сейчас сюда приедут тележурналисты из Тбилиси. Расскажешь им, что собирался наниматься в абхазскую армию за большие деньги. Скажешь так, я тебя сам на российский границу отвезу.

А так как Саше очень хотелось вернуться домой и надрать уши своим приятелям, загоревшим в Пицунде, он все сделал, как сказали.

Майор сдержал свое слово.

После интервью Сашу, действительно, больше не били. Только забрали наручные часы и три с половиной тысячи. Семьсот рублей ему великодушно оставили на обратную дорогу.

И хорошо еще, что в финале истории пострадавшему посочувствовал сам проку-

роп города Сочи. Он принял от Залучаева заявление о том, как того плохо встретили в «демократическом» государстве. Но найдется ли такое же сочувствие у прокурора для вас, если, не дай бог, придется писать подобное заявление? Помните, вас предупредили.

Андрей ШИТИКОВ

Валерий ВЬЖУТОВИЧ

ИГРА В ПОЛИТИКУ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Как же сурово мы политизировались! Только и слышно: там кто-то поджег себя, тут объявили голодовку... С какой податливой готовностью, заметьте, усталый наш рассудок, хронически воспаленный митинговщиной, забастовками, межнациональными распрями, принимает подобные происшествия, все реже находя их чрезвычайными. Крайние формы политического протеста стали обиходными, едва ли не вошли в быт.

Из Гродно сообщили: в областной больнице скончался двадцатичетырехлетний В. Григорьев, совершивший акт саможжения. Около шести часов вечера он подъехал к памятнику Ленина, на глазах прохожих облил себя бензином и поджег. «Мотивы остаются неясными, — сказал мне районный прокурор. — С выводами политического характера я бы пока не спешил».

Самое простое и соблазнительное — углядеть в осторожных таких оценках трусливое чиновничье стремление затушевать подлинную подоплеку трагедии какой-нибудь сказкой для

детей пожилого возраста. Однако известная осмотрительность (не вранье, повторяю, и не подмена истинных мотивов лукавыми), с какою местная власть обычно трактует подобные происшествия, кажется мне не лишней. Очень уж все накалено. До массовых саможжений, кажется, еще не дошло, но массовые голодовки, изнурительные, до обмороков, случаются все чаще и чаще.

Это никакой не феномен. Это привычный вывих сознания, весьма характерный для времен гражданской смуты, когда игра со смертью становится средством политики.

Не будем, надеюсь, предаваться благопристойной риторике насчет того, что голодовка — не лучший, конечно же, способ политического противоборства. С этим вряд ли кто станет спорить. Но подскажите, если знаете, какие еще народные средства воздействия необходимы, чтобы радикализировать реформирование общества. Чтобы если не уговорить — это бесполезно, — так хоть чем-нибудь подтолкнуть к рынку и глубоким политическим преобразованиям тех, кто все еще надеется преобразовать нашу жизнь, ничего в ней не меняя.

Однако же нигде в мире не отправляют в отставку президента, не смещают главу правительства и не распускают парламент только на том основании, что этого, отвергая пищу, требуют авиадиспетчеры или шахтеры.

Да, политические протесты и требования, замешанные на игре со смертью, практически нигде и никогда не достигают прокламируемых сиюминутных целей. Но они показывают, а часто и определяют температуру общественных борений и страстей. Можно не ответить на один, другой,

третий отчаянный вызов. Но когда с плакатов в руках голодающих криком кричат требования самой жизни и воля, надежда, желания миллионов людей, то находящимся у власти политикам надо наконец делать выбор: либо соответствовать своему времени, либо уходить.

...Женщин из Комитета солдатских матерей можно встретить сейчас на московских улицах и площадях в любой день. Я видел их в сквере на Пушкинской площади, черных от горя, в черных платках, под черным знаменем с вышитыми на нем огромными «каплями крови». Некоторые держали в руках портреты сыновей в траурных рамках. Так день за днем длилась демонстрация (увы, с элементами дурной театральности, но упрекнуть ее скорбных участниц за это не возьму грех на душу)... чего, однако? Материнской боли за сыновей, своих и чужих, погибших в мирное время? Да. Протеста против всего того, что на армейском языке именуется «неуставными отношениями» и в натуре мало чем отличается от порядков и нравов тюремной зоны? Да. Но более всего то была демонстрация отчаянного бессилия. Женщины в черном, кажется, сами уже не верили, что их услышат, и все же пытались докричаться до министерства обороны. Докричаться не голосом — голодом!

Что есть политическая голодовка? Это, сказал бы я, своего рода торг между гражданином и властью, где обе стороны по-своему рискуют. Гражданин — здоровьем и даже жизнью, власть — положением. Что, ставки не равны? Высоконравственный читатель само собой полагает, что человеческая жизнь дороже любых резонансов политики? Но эта бесспорная, казалось бы, истина слишком благодушна, чтобы претендовать на правило. Вся наша история и современность, вплоть до сегодняшнего дня, убеждают, скорее, в обратном: жизнь человеческая — не аргумент в споре идей и принципов. Голодовка Сахарова никого и ни в чем не убедила. В пору горьковской ссылки Андрея Дмитриевича ответом властей на его протест могло быть — и было! — только одно: принудительное кормление.

Времена, говорите, меняются? Тогда позвольте еще один сюжет, не столь уж давний. Кишинев. Голодовка в летнем парке. Голодают молодые люди, протестуя против незаконных арестов своих товарищей — участников слишком бурного митинга. Они сидят на спальных мешках и одеялах, огороженные веревками, с плакатами над головой. На них приходят поглядеть, кто-то жалеет, уговаривает вернуться домой, кто-то бросает конфе-

ты, печенье, куски хлеба... Но ни один из представителей власти, проезжая дважды в день мимо этого парка, расположенного в самом центре города, не обратился к совсем, повторяю, молодым, почти юным участникам акции (среди них были и две школьницы) с совершенно естественным человеческим вопросом: что случилось, ребята?

Вспоминаю палаточный самострой у гостиницы «Россия», чьи (нет, не гостиничные) обитатели грозили миру и голодовками, и самоожжением на Красной площади, и уж не помню, чем еще. И что же? А ничего. Привыкли они, бедолаги. Привыкли мы, глядевшие на них: кто — с сочувствием, кто — с брезгливым любопытством, а кто и вовсе с безразличием. Привыкли и депутаты, ходившие на службу в Кремль мимо этих обиженных и оскорбленных судьбой, потерявших всякие ориентиры людей.

Это привыкание к крайним способам выяснения политических отношений столь же опасно для гражданина и власти, как для больного — сильнодействующее медицинское средство. Крайности входят в общественный организм, притупляя в нем боль и тревогу. Вы заметили: чем усерднее граждане прибегают к голодовкам, тем меланхоличнее реагирует власть. «Он пугает, а мне не страшно», — как с апломбом олимпийца отозвался о Леониде Андрееве Лев Толстой.

Первые сообщения о политических голодовках (кажется, они начали входить в моду году в 1987-м), вспомните, нас потрясали. Именно потрясение есть здоровый общественный отклик на всякое насилие, в том числе и совершаемое над самим собой. Теперь же известия о том, что кто-то сжег себя у памятника вождю или голодает под окнами парламента, поступают, как сводки погоды, и точно так же, как сводки погоды, воспринимаются. Чрезвычайное становится будничным, опасно расширяя территорию возможного и допустимого не только в политической, но и в жизни вообще.

Вот какое письмо направил некий координационный совет Всенародного Комитета по спасению Советской Социалистической России главному редактору столичных «Курантов» А.Панкову:

«Принимая во внимание, что газета «Куранты», а следовательно, ее главный редактор г. А.Панков, разжигает антисоциалистический, антикоммунистический, антисоветский и антирусский психоз в г.Москве, действует на руку сионистам и американским империалистам, координационный совет ВКС большинством голосов постановил:

1/ вынести смертный приговор главному редактору газеты «Куранты» г. А.Панкову;

2/ приговор привести в исполнение всенародно;

3/ приведение в исполнение приговора отложить до восстановления советской социалистической власти в России».

Раньше так не шутили. Да, судя по тону, «всенародные» мстители шутить и не намерены. Так не шутят. Так страшают. Это уже истерика, патологическое недержание злобы.

Мы слишком дорого заплатили за долговременную нерассуждающую приверженность марксистскому канону: насилие — повивальная бабка истории. Притом не только насилие над врагами — с ними чего, мол, церемониться, — но и жертвенное насилие над собой. Мы воспитаны в окованной вере, что «дело прочно, когда под ним струится кровь». Но кровью сочится вся наша послеоктябрьская история, о прочности же дела, потребовавшего громадных, ничем не оправданных человеческих жертв, даже не надо говорить — все перед глазами.

Возможность и даже необходимость политики не на жизнь, а на смерть впечатана в наше сознание фольклорным: «И как один умрем в борьбе за это...» Осознаем ли теперь самоубийственный пафос этой революционной классики, сотворенной «варварской лирой»?

Действительно, кому не дорога своя жизнь, тому дорога ли чужая? Каюсь, не думал об этом на собрании депутатов Моссовета, куда как депутат же за день до намеченного на 28 марта 1991 года митинга был приглашен решать, выводить ли людей на улицы или, зная уже о бэтэзрах, спецназе, огромном скоплении милиции, все-таки воздержаться, не рисковать.

Тем более, что митинг был запрещен правительственным указом — законно или нет, речь сейчас не об этом, но тогда, на собрании, только о том и толковали: запрет незаконен, наше дело правое, надо решаться! Не знаю, Господь ли нас хранил в тот серый день, набрякший мокрым снегом и тяжелыми грозвыми предчувствиями. Бога или всех нас вместе, грешных, благодарить за то, что мирно встретились и мирно разошлись. Но если бы хоть один провокационный выстрел, да что там, хватило бы даже плевок в лицо сержанту, кликушеского выкрика — и...

Я думаю об этом теперь, я обязан был думать тогда. Когда голосовал согласно с большинством. И, мне кажется, чем чаще новая власть, противопологающая себя тоталитарной, будет обременять себя такими размышлениями, тем больше получит оснований именоваться демократической. Отмежевание от аморальной политики, допускающей смертельное противостояние, достигается не заявлениями и декларациями, сколь бы убедительны они ни были, а иной раз простым проявлением благоразумия, и мне все равно, назовут ли его обязательским или как-то еще, лишь бы не было новых жертв, не лилась кровь, не страдали люди.

Коли уж начал о Моссовете, придется договаривать. Помню, как 17 депутатов голодовкой протестовали против политики МВД, отвергнувшего назначенного городской властью начальником московской милиции В.Комиссарова. Председатель постоянной комиссии по законности, правопорядку и защите прав граждан Ю.Седых-Бондаренко писал Б.Ельцину: цель голодовки — «привлечение внимания общественности к беззаконию и произволу союзных

структур власти». Депутаты распространили заявление, что «голодовка будет продолжаться до фактического вступления в должность единственного законного начальника ГУВД Мосгорисполкома — Комиссарова В.С.».

На восемнадцатый день врачи предупредили: у пяти голодающих вот-вот могут начаться необратимые изменения в организме. Еще через день шестеро в тяжелейшем состоянии были срочно госпитализированы. «Мы не прекратили голодовку, — объяснил Ю.Седых-Бондаренко, — а именно прервали ее. А окончательно закончим борьбу только тогда, когда органы государственной власти примут нормативный акт, дающий законные основания для формирования московской муниципальной милиции».

Отдавая дань мужеству и... еще раз мужеству моих коллег из Моссовета, не могу, однако, преклонить голову перед их, ну как бы это помягче, несгибаемостью, что ли. Кроме того, сдается мне, что политик, готовый жертвовать собой, в конце концов начинает требовать жертв и от других. Тем и опасен. В.Короленко писал А.Луначарскому: «В чем вы разошлись с вождями европейского социализма и начинаете все больше и больше расходиться с собственной рабочей средой? Ответ на этот вопрос я дал выше: он в вашем максимализме. Логически это положение самое легкое: требуй всего сразу и всех, кто оставался сразу перед сложностью и порой неисполнимостью задачи, называй непоследовательными, глупыми, а порой и изменниками...»

Игры со смертью продолжаются. Как будто без них нам не хватает трагических потрясений. Как будто мало жертв принесено и приносится в Нагорном Карабахе, Армении, Азербайджане, Приднестровье... Политический фанатизм неприступен для здравых рассуждений, сколь бы основательны они ни были. Эта свихнутость на какой-то одной идее при нашем чахлам «плюрализме» творит разрушительную работу. Тогда как богатство и разнообразие идей — не только признак здорового общества, но и отчасти залог его безопасности. Далеко нам пока до этого с нашей привычкой знать и любить «одной лишь думы власть» и ценить ее дорожке жизни. Но когда-нибудь и мы, дети переходного времени, дети страха и дети свободы, научимся выше любых политических целей ставить жизнь человеческую. Когда-нибудь научимся...

...Если останемся живы.

МЫ ОТ ВАС, «ДЕМРОССИЯ», ОЖИДАЕМ БОЛЬШЕГО!

«Круглый стол» «Столицы»

У нас в гостях пресс-атташе движения ДР Юрий Шейн и ответственный секретарь Координационного совета движения ДР Михаил Шнейдер. Ведет «круглый стол» заведующий отделом политики Сергей Митрофанов.

С.М. Насколько я понимаю, основные претензии демороссов к прессе заключаются в том, что пресса неверно освещает позиции движения, его цели и внутреннюю жизнь? И действительно, последнее время «ДемРоссию» упоминают исключительно в критических тонах. Давайте разберемся почему.

Ю.Ш. Вы знаете, я читаю большинство газет, которые выходят в Москве. Мне кажется, многие факты просто передернуты, а у людей, которые пишут о ДР, заранее сформировано негативное отношение. Именно такой настрой я обнаружил, например, в «Независимой газете». И даже в том случае, когда Александр Касатов в «Столице» совершенно справедливо отметил, что вопрос референдума, который мы собирались провести, имеет 128 вариантов ответа, это было опубликовано уже тогда, когда давным-давно мы от этого вопроса отказались. Может быть, причина этому — технология выпуска журнала, хотя в последующей большой статье у вас вполне упомянуто, что, мол, «ДемРоссия» занимается бог знает чем.

М.Ш. Что касается «НГ», то мне кажется, что она ориентирована на «Гражданский союз». По крайней мере, они пишут о нем уважительно и следят за тем, что пишут.

С.М. Я думаю, что нам нужно разговор повернуть так: поскольку мы собрались вместе, может быть, нам действительно высказать свои претензии к движению? Кстате, скажите, я член движения?

Ю.Ш. Это зависит от того, считаешь ли ты себя членом ДР.

С.М. Я задал этот вопрос не случайно. Дело в том, что, когда шла кампания по выдвижению Сахарова в депутаты, я подписывал какие-то списки ДР и так понял, что тем самым «вступил» в движение. Когда был раскол в Союзе кинематографистов, я опять «вступил» в движение вместе

с кинематографистами. Когда Ельцина выжили, то же самое. Ну уж а путч — святое дело «вступить» в ДР, и я снова «вступил».

М.Ш. Я такого не помню. Нет, у нас действительно была однажды кампания, мы раздавали карточки — очень много карточек. Человек покупал ее за рубль или за пятерку, не помню, его записывали, и он тогда становился членом движения ДР. Красивая такая карточка.

Ю.Ш. А у меня ее и нет, но я член ДР.

С.М. В общем, могу свидетельствовать, что заполнил множество карточек, но движение ни разу не обращалось ко мне, когда происходили выборы в Координационный совет или когда происходили какие-нибудь структурные изменения. Моего мнения не спрашивали, когда они, т.е. вы, подписывали свои программные заявления. Поэтому у меня сложилось такое впечатление, что ДР — это и есть некий координационный совет, который в критический момент пытается вывести на улицу массы людей, — все это и называется «ДемРоссия». Когда же доходит дело до протезирования своих людей в структуры власти, то КС просто пытается на этом уровне решить свои личные проблемы.

М.Ш. Если разговор у нас откровенный... Я хочу понять, ты специально заостряешь? Журналисты ведь иногда задают вопросы, даже когда знают правильные ответы. Если вопрос задается специально провоцирования, то я могу ответить, что это чистейшая демагогия. Но на самом деле у нас никому не запрещено участвовать в нашей работе. Вот Юра, он пришел с улицы. И я сам точно так же пришел. Спрашивал ли кто мое мнение? Конечно, никто не спрашивал. Но если бы я хотел свое мнение выразить, я всегда мог бы прийти в тот же Народный фронт или «Мемориал» и собирать подписи. Так же и ты мог бы

Сергей Митрофанов

Юрий Шейн

Михаил Шнейдер

Фото В.Шишова

собирает подписи. Ты можешь прийти на любое заседание КС. Кто у нас только не ходил на КС. Иногда у нас вообще был сумасшедший дом. Бабки с Пушкинской площади...

Ю.Ш. Сейчас редко.

М.Ш. Но одно время ходили. Если ты хочешь, начинай какое-нибудь дело, и никто тебя не выгонит. А механизма, такого, чтобы узнать мнение рядового человека, я, например, не вижу. У нас есть районные организации, теперь префектуральные. Есть несколько видов членства, есть сочувствующие. Пусть сам человек определит, кто он. Одному, например, каждый день хочется что-то делать для ДР. А другому — раз в месяц. Может, ты просто сочувствующий... Но ты можешь прийти на КС и спросить меня или Юру, любого другого. Если мы вместе с тобой решим, что проблема важна, мы напишем проект решения и вынесем его на КС. Я не знаю других способов участия, других вариантов демократии...

С.М. Извини, я хочу тебя прервать. Дело в том, что ДР считает себя самой массовой организацией в стране, по крайней мере об этом объявляет. И с этой позиции она оказывает давление на президента. Неоднократно возникали различные проекты, например, создать некий форум партий, с которым президент будет советоваться.

М.Ш. Это была не наша инициатива. Это была идея Станкевича. ДР очень осторожно восприняла эту инициативу, в результате мы хоть и подписали такой проект, но изначально чувствовали, что дело это недостаточно перспективно. Не мы были инициаторами, и это развалилось само.

С.М. Проблема не в этом. Если организация берется представлять сотни тысяч людей, то она, по крайней мере, должна иметь механизм внутренних референдумов, собраний, формы представительств.

Ю.Ш. Такой механизм есть. И, кроме того, на мой взгляд, те 300 000, которым были розданы карточки перед выборами Ель-

цина год назад, и представляют движение. Они могут обратиться в наши местные отделения, которые есть во всех регионах России. Кстати, у нас децентрализация: в местных организациях свои уставы. Где-то самый главный орган — КС, где-то Совет представителей или конференция. Местные отделения сами определяют формы своей деятельности. Люди имеют возможность делегировать представителей, а представители — выбирать руководство. Но это всегда только те люди, которые сами хотят работать. Ясно, что из 300 000 большая часть...

С.М. ...не участвует в работе...

Ю.Ш. Возможно, что не участвует. Полтора года назад было 300 000 — сколько сейчас, никто не знает. Но уникально, что все эти люди снизу и создали свои организации. Насколько мне известно, другие партии создавались сверху. Сначала появлялся Травкин, а потом вербовались сторонники...

М.Ш. Сначала появилась Вера Кригер и создала партию Травкину...

Ю.Ш. Итак, 300 000 плюс, может быть, миллионы сочувствующих, все это позволяет нам считать, что мы самая массовая партия. Но никаких доказательств у нас нет. Если завтра кто-нибудь еще объявит, что у него самая массовая партия, то нам доказать свою правоту будет нечем.

М.Ш. ...Но мы можем объявить перерегистрацию.

Ю.Ш. Главное в том, что не руководство для себя создало движение, а движение пытается самоструктурироваться. Конечно, в новых условиях все шишки валяется на нас, мол, мы у власти. Но это глубоко неверно. Нас упрекают в том, что от нас ушли лидеры типа Афанасьева, говорят, что непонятно, чем ДР сейчас занимается. Я, скажем, рассказываю про Общественные комитеты российских реформ (ОКРР), а мне: «Вы, значит, правительственные реформы пропагандируете, так это хозяйственная деятельность. Говорю об аналитических записках по фермерству, а мне: «Значит, вы не политическая партия, а

чуть ли не партхозактив». Так мне в «НГ» заявили.

С.М. Ну вот мы наконец и узнали, что ДР участвует в разработке идеологии реформ. Но вот однажды я встретился с Заславским, и он тоже так очень напористо начал: «Мы за самые радикальные реформы». Я, помню, ему сказал, послушай, в стране нет ни одного человека, который против этих самых реформ. Все за самые радикальные реформы, а вот в чем же они заключаются? Ответа жду до сих пор.

Ю.Ш. Ты и нас хочешь спросить: за какие мы реформы?

М.Ш. Тут вопрос сложный. Каждый действительно понимает реформы по-своему. Мы не скрываем, что у нас есть свое понимание. Решение о создании ОКРР мы приняли на втором съезде ДР в ноябре, и в эти комитеты шли люди, которые в принципе были согласны со стратегическим курсом правительства. Хотя, может быть, были какие-то нюансы.

Ю.Ш. В ноябре прошлого года Гайдар как раз и взялся за дело. Ему верили, хотя никто толком не знал, что будет.

М.Ш. Мы Гайдару тоже верили, но собирались с помощью ОКРР проталкивать и в правительство, и на места свое понимание этих реформ. Мы не были подпевалами и решили, что, если нам что-то не будет нравиться, будем выступать в качестве конструктивной оппозиции.

С.М. Сама идея создавать общественные комитеты реформ мне симпатична, но дело вот в чем: под реформами должны лежать какие-то концепции. Я знаю концепцию Гайдара, она может быть ложной, но по крайней мере логически завершена и начинает реализовываться. Я знаю концепцию Явлинского. Пияшева что-то пыталась сделать на московском уровне. Какая философия, какая экономическая проработка лежит под теми реформами, которые поддерживаете вы?

М.Ш. Я не могу ответить как профессионал. Но в основе лежит концепция Гайдара.

С.М. А ты не считаешь, что как раз имен-

но из-за этой позиции ДР и вызвала шквал критики в свой адрес, потому что вы поддерживаете курс правительства, а курс правительства не приносит желаемого результата, не пользуется популярностью?

М.Ш. То, что курс правительства не будет пользоваться популярностью, было очевидно с самого начала.

С.М. А было ли очевидно, что он принесет позитивные результаты?

М.Ш. Да... Я как проклятый рассылаю наши решения и аналитические сборники. Обидно, что этого никто не замечает. Люди работают как волы. А выходит заметка в какой-нибудь газете, и сообщается, что «ДР в очередной раз раскололась». Или «ДР гниет с Москвы», как вы написали.

С.М. Я пока что понял, что ДР поддерживает правительственный курс, а принесет он результат или нет, пока неизвестно.

М.Ш. Нет, мы поддерживаем стратегический курс, но критикуем правительство, когда оно идет вразрез с интересами населения. Вот, например, Ельцин вывел из-под ваучеризации целые отрасли промышленности. Мы заявили, что при всей нашей любви к Ельцину, при всем при том, сколько мы для него сделали, мы будем его критиковать, а может быть, даже и больше того...

С.М. А сейчас я выскажу свои претензии. Мне недавно одна читательница сказала: «Смотри, как интересно, мы с тобой беседуем, все понимаем, бабка на рынке тоже все понимает, что такое рынок, что такое валюта, сколько доллар стоит. А послушаешь правительство — оно ничего не понимает, то ли узнает все в последнюю очередь. Гайдар, например, говорит, я, мол, обеспечу вам конвертируемость к августу. Хотя та же наша бабка без образования чувствовала шкуркой, что не будет никакой конвертируемости ни к августу, ни потом. И тут напрашивается вывод: правительство нам просто морочит голову».

Ю.Ш. Грубейшая ошибка Гайдара: он не объясняет ни плана, ни смысла того, что же он хочет сделать.

М.Ш. Я не понимаю этого тоже... мы лоббировали страшно. Мы — Пономарев, Якунин — приходили к Полторанину. Говорили: «Ну не можем мы одни пропагандировать и проталкивать реформы. Вы тоже пройдите свою часть пути. Если вам трудно, мы поможем». С ходу давали им какие-то варианты: телепередачу, например, сделать. Но все вязнет. Мы не понимаем, то ли это попцовское телевидение такое, то ли это Хасбулатов лапу накладывает.

С.М. Весь прошлый год ДР выступала за укрепление исполнительной власти в ущерб представительной. Власть в стране должна быть укреплена, само по себе это не вызывает сомнения. Но не получилось ли, что практически на костях ДР снова укрепили исполнительную вертикаль, а потом постепенно, и об этом, кстати, свидетельствует панический факс из вашего московского отделения, деморос-

сов стали убирать из структур власти. Сама идея не нова — укрепление исполнительной власти. А она раньше, до путча или до 1985 года, была разве слаба? И что в результате? Не получается ли, что ДР восстанавливает наше государство как раз в тех формах, в которых оно существовало раньше, но без коммунистической идеологии? Конечно, я обостряю...

М.Ш. Речь идет вот о чем: когда коммунистический колосс развалился, люди перестали элементарно исполнять решения. В Москве Попов издавал одно решение, Моссовет — другое, и никто ничего не делает. Парадокс нашего разговора в том, что мы пользуемся словами, которые многозначны. В представительной власти нечего ослаблять. ДР и так выжала из выборов все, что возможно.

С.М. Нет, речь идет о другом. Что мы понимали под демократией до 1985 года? Широкое народное представительство плюс приоритет принципа защиты прав человека, века и тысячелетия так понимали, а теперь вдруг выясняется, что демократия — это президент и наместники на местах, а «ДемРоссия» — проводник этой идеологии.

Ю.Ш. Для меня любимый лозунг перестройки: «Вся власть Советам!», потому что и правда нужно было отобрать власть у КПСС и отдать ее народу. И не один из теоретиков, ни Афанасьев, ни Баткин, ни Попов, не додумался тогда, что Советы, как они задуманы и созданы, не работоспособны. И мы этого не понимали. Это наша вина, ошибка. Мы ее разделяем со всеми, увы. В идеале надо строить парламентскую республику, но это работа десятков лет. Что же касается нашего нахождения у власти, в бытность Попова первым лицом Москвы, то это заблуждение. Мы даже не смогли получить своего помещения.

С.М. Я сейчас скажу специально для записи. Каждый день я прохожу мимо Академии общественных наук. Гигантский комплекс зданий, гостиниц, залов, подземных переходов, пищеблоков. За час оттуда выходит только один человек. Я это к тому, что не понимаю, как же так: Попов все-таки был вашим человеком, Ельцин, Гайдар — тоже вроде бы ваши люди, у вас есть замечательные народные депутаты — тот же Глеб Якунин, — неужели этого недостаточно, чтобы добиться помещений для нормальной демократической общественной работы? Можно ведь ждать десятилетиями, пока у нас возникнет гражданское общество, а можно ведь попытаться его построить...

М.Ш. А кому принадлежит то здание?

С.М. Вы же у власти.

М.Ш. Не мы у власти. Реальность такова, что за аренду надо платить, а мы бедны как церковные мыши. Попов в последнее время не имел никакого отношения к ДР. Формально он являлся сопредседателем, но только однажды был на заседании КС.

Ю.Ш. Я получаю зарплату в ДР — 1000

рублей. Это не те деньги, из-за которых меня можно обозвать партийным функционером. Мне нужно искать, откуда отправить факс. Я согласен с тем, что если бы Попов и Якунин каждый день ходили, скажем, к Полторанину...

М.Ш. И так уже дошло до того, что Полторанин просит, чтобы у кураторов, которые работают в ОКРП (а они сейчас размещаются в Доме российской прессы), были включены телефоны.

С.М. Смысл в другом. Ведь к нам в редакцию никто не пришел — ни Пономарев, ни Якунин. Неужели бы мы не напечатали статью, в которой они бы написали: российское правительство не дает демократическому движению развиваться! Но, повторяю, никто еще не пришел и ничего подобного не сказал. Получается, что многих демократов, добившихся какого-то положения, это устраивает.

М.Ш. Я объясняю это тем, что у ДР нет высокооплачиваемого аппарата, который занимался бы оргработой круглые сутки. А вот в ДДР Гавриила Харитоныча (а ДДР на самом деле не движение, а совокупность аппаратных служб) эта возможность есть. Он дает указание человеку, и тот занимается только этой проблемой. Ни у Пономарева, ни у Якунина просто даже нет для этого времени. Я сам спал все эти годы по пять часов в сутки.

С.М. У меня точно такой же разговор был с Виктором Кузиным, который заведует в Моссовете подкомиссией по защите прав граждан. Я к нему прихожу, а он весь завален бумагами, щеки запали, давление выше или ниже нормы, он вообще одной ногой в могиле. Я ему говорю: «Витя, что ты разбираешься с каждым конкретным делом, это не твоё дело, ты составь доклад по состоянию правопорядка в городе, выйди с ним наверх, подготовь концепцию. Иначе ты это море не вычерпаешь». И у вас та же самая задача. Основная беда в том, что ДР не выдвинула новой надличностной мотивации. Прежде этой мотивацией всегда была защита прав человека, и важно было разобраться, что такое надо сделать в государстве, чтобы эти права были обеспечены. Чтобы у каждого был кусок хлеба, это ведь права человека. Чтобы каждый наш гражданин имел возможность перемещаться внутри страны и вовне, это ведь тоже права человека. И надо смотреть, что для этого нужно — ваучеризация, конвертируемый рубль, «землю — крестьянам» или что-то другое и в другой последовательности. И уже в заключение разговора я хочу подчеркнуть: наши претензии не от негативного к вам отношения, а потому, что мы от вас ожидаем большего.

Блестящая статья Александра Соколянского «Низвержение в Азию» («Столица», № 34) вызывает желание придаться к каждому слову — и в этом уже обречена на успех. Живость наблюдений поразительна, как и легкий шумок скандала, рождающийся от бесцеремонности, с которой автор складывает слова в фразы, предпочитая музыкальность осмысленности, а уж об ответственности речь и вовсе не может идти: это же моветон — кто отвечает за легкий светский треп?

Кто спорит, что европейское — значит, хорошее? Под всеми добрыми инструкциями Соколянского можно подписаться. Особенно когда он разъясняет, что он подразумевает под своей «европейской страной»: «уважающей индивидуальную свободу, стремящейся к демократии и помнящей, что личное, во всяком случае, не ниже общественного». Плохо другое — что неточно связаны, смешаны

раках. Но соединить светский треп с проповедничеством дурного толка, унижающим достоинство по меньшей мере половины граждан, — это ли столичные манеры?

Конечно, если покопаться, можно найти массу любопытного в статье Соколянского. Если рассматривать ее вне контекста обостренного самосознания народов, вырвавшихся из дурного мира, гарантом которого была Россия, растворенная в ненавистном Союзе ССР, то можно было бы оценить чудесную бессюжетность этого эссе. Соколянский не любит орнамент. Ему европейский прогресс подавай! Но сюжет этот сейчас крайне плох, в придачу со СПИДом и больной экологией прогресс не выглядит безусловно хорошим. И может быть, был-таки толк в бессюжетном орнаменте, в мироощущении, не насилующем природу, — был там могучий охранительный инстинкт.

Вот на этот инстинкт народного самосохранения сейчас и надежда.

А выражен он очень просто — в поговорах.

Худой мир лучше доброй ссоры.

А доброй войны и вовсе не бывает.

Слов нет, бескультурье на азиатский манер нам страшнее, чем бескультурье европейского склада. Выход, кажется, один — в том, что тьма и свет, преступление и честь во многом совпадают в рамках разных великих культур. И направление развития является в первую голову не географическим обусловленным — европейским, азиатским, — а сущностно определенным — в дикость или, наоборот, из бескультурья к признанию человеческих ценностей.

Соколянский с блеском высказывает множество личных пристрастий — например, польская «гелда» ему милее нашего азиатского базара и так далее. Творческие люди не развиваются, фильмов нет хороших и с театром дело швах — все Азия виновата. И вообще перестройка идет из Европы в Азию, а не наоборот, как надо бы.

Ну что тут сказать? Прекрасная метафора — что «Азия-с» дремлет в России, как туберкулезная палочка» не делает статью ведущего театрального критика ни глубокой, ни политической. Остается ощущение фейерверка над кладбищем. И не только потому, что идеи европейского шовинизма, этой разновидности расизма «белых людей», приказали долго жить. Грустно, что Соколянский радуется распаду страны, которая несла на себе бремя «худого мира» для многих народов Евразии. Была надежда, что мир станет добрым...

Юрий НЕЧИПОРЕНКО

ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОБРОЙ ССОРЫ

Начнем с названия: «Низвержение в Азию». Как красиво звенят две «зэ» между тремя «и»! А то, что подразумеваемое здесь кому-то может быть обидно, что само сопоставление Азии с пропастью, с бездной, со смертью может быть оскорбительно для тех, кто родился в этой самой Азии и чтит ее святыни, — это их личные трудности. И поделом им — нечего нос совать в «Столицу» — здесь акцент ставится на европейском духе, здесь предпочтение отдается идеям христианства.

Собственно, духом этого «европоянства» пронизана вся статья — и подспудно возникает ощущение простого рецепта, которым надо пользоваться при решении любой из «идейных» проблем: европейское — значит, хорошее, христианское — значит, прекрасное. Может быть, Соколянский — миссионер, проповедник? Полноте! В христианской традиции все люди — братья и нет предпочтения частям света.

Скорее, Соколянский — культуртрегер, который расставляет вещи в иерархии «истинно культурных» ценностей, объясняя, что такое хорошо и что такое плохо. В общем, воспитатель, если по-простому. Вот, например, здесь: «Есть лишь два условия, при которых современная Россия может стать действительно великой страной. Первое — отказаться от изнурительных претензий на великодержавие... Второе — остаться страной — хотя бы по духу, по вектору развития — европейской...» Улавливает интонацию?

разные понятия: представления о свободе личности и гуманизме, которые развивались и в Европе и в Азии, и в христианстве и в конфуцианстве — в общем, во всех частях света и религиях, — эти представления упорно закрепляются за одной из региональных культур. Это уже смахивает на георасизм.

Географический расизм — это что-то новенькое? Или просто оплошность быстрого пера? Нет ли здесь науськивания интеллекта на то, что представляется как бес антикультуры и обозначается уничижительным словечком «азия-с». Здесь уж надо сказать открытым текстом, не страшась совпасть в мнении с презренным Соколянскому Прохановым и всеми вредными «правыми»: негоже в стране, растянутой на два материка, ругательски ругать один из них. Здесь предпочтения сомнительны, а оскорбления никому не нужны. Мусульманский мир не хуже христианского, главное — что МИР, не будем говорить про войну... Культура человечества не дает предпочтений одной земле перед другой, одной религии перед другой.

Казалось бы, все это банальности. Ан нет, о самых фундаментальных основаниях культуры забывают самые лучшие журналисты, эссеисты, культурологи. Конечно, есть область личных пристрастий, где можно «скрещивать копыя», и так далее. Можно и проповедовать христианство, тем более что это сейчас в чести у власти, той самой, которая всегда в этой стране держала народ в ду-

Татьяна ЧЕРЕДНИЧЕНКО

СТИЛИ ГЛАСНОСТИ,

или О судьбах старосоветских газетных клише

В догласную эпоху наша пресса культивировала два состояния: солидную невозмутимость и бодрую окрыленность. Стустками соответствующих стилей были газетные заголовки. По-песенному бойкие фразы вроде «Пусть гектар расправит плечи» соседствовали с академическими уведомлениями, среди которых эталонной чистотой выделялось непреходящее: «В Политбюро ЦК КПСС».

В советской культуре образовался своеобразный песенно-газетный континуум. Газеты были газетамипеснями, а песни — песнямигазетам. Лозунг же уравнивал и то и другое. Обязательный в лозунге восклицательный знак — переключатель сухого повествования в песенно-поэтический троп. Поэтому протокольный стиль (например: «Новые мирные инициативы СССР с одобрением восприняты прогрессивной зарубежной общественностью») через лозунг («Да здравствует СССР — оплот мира!») плавно перетекал в оптимистическо-романтическое голожение («Мы за мир! И песню эту/Понесем, друзья, по свету...») и обратно. Все, что можно было читать, на что смотреть, что слушать в официальных mass media, расплзлось от лозунга в стороны респектабельной скуки или лирического взбадривания.

Информативная содержательность прессы была почти призрачна. Правда, в части читающей аудитории была развита склонность к проникновенному пониманию властной тайнописи: в легких модификациях того или иного штампованного словосочетания и едва ли не в переставленной запятой виделись симптомы грозных или обнадеживающих политических событий. В крайнем случае предметом «вчитывания» становились опечатки.

Гласность первой волны разложила на отдельные ингредиенты все составляющие стилия догласной печати. Демократически ориентированные газеты тоже запели, сменив, правда, веселье праздничного подъема на ироническое глумление. Вот подборка только из двух прошлогодних номеров «Комсомольской правды»: «Не стучите, колеса»; «Не стареет душой Команданте»; «Утро красит нежным светом стены местного кремля». «Комсомольской правде» увеселять себя пением на роду написано — как молодёжному филиалу агитпропа. Но и издания, рожденные перестройкой и стремящиеся к взрослости на новый манер, сблизь в подобие некогда описанной М.Булгаковым компании заединчиков Швондера и Шарикова, певших по любому поводу. «Коммер-

Фотоколлаж О.Смирнова

сантъ» затягивал от имени российского бюджета сентиментальный припев 70-х: «А мне всегда чего-то не хватает...». «Голос», в связи со спешной приватизацией госдач номенклатурными съемщиками, вспоминал партийный гимн. Вообще «Интернационалу» повезло. Ведь как свежо, как ярко прозвучало после путча: «Это был их последний...»

К слову — о детских призывах иронического пения газет. Способ шутить, состоящий в переименовании советских клише, особенно таких вездельных, как песенные, возобладал в возрожденном КВН. Веселые и находчивые прошлись по антологии гражданственных и лирических «хитов» — от «Мы разорили деревни и села, // Мы разорим и большие города» до «Ах, верь мне, Саш, ах, верь мне, Саш, // У нас отличный трикотаж...»

В телеимитации студенческих капустников юмор, питающийся инерцией штампов, нормален, но для претензий «четвертой власти» на интеллект такая зачарованность самодельностью — не лучшее оправдание. Стилетика, в которой нашли себя «золотые перья» первогласности, несерьезна. И не только в плане беззаботного смещения остроты проблем со способностью выдавать остроты, но и в плане инфантильности: свободомыслие маркирует свою раскрепощенность передразниванием «родительских» наставлений. Когда содержание, даже существенное, постоянно оживляют кукишами и подмигиваниями, то читатель может заподозрить издание в некоторой неосновательности.

В последнее время набирает силу вторая волна гласности. Хотя в «Комсомолке» или «АиФе» все еще поют, тонус вокала несколько снизился. Словно авторы и редакторы встали перед проблемой (воспользуемся отработанной ими стилистикой): «А где мне взять такую песню?». Обличать вроде бы нечего: современность требует лояльности, по крайней мере от тех, кто отставал ее, когда она была будущим. Следовательно, сегодня, если петь, то — с демократических позиций — не иронически. Но это значило бы по-застойному голосить (впрочем, от этих комплексов первогласная демократическая петь не особенно далеко оторвалась).

Поэтому в прессе, принадлежащей ко второй демократической волне, вызревает начала новой солидности. Они проявляются в «Независимой газете» с ее латинским эпиграфом — сигналом культурной широты. Заголовки в «Независимой» подчеркнуты

фактологичны. Они скупо указывают на содержание материала.

Очевидно, полагая, что деловитый стиль сам по себе не может пока что рассчитывать у нас на широкую популярность, новая солидность разбавляется новым типом «оживляжа», наследующим ироническому пению. Так в последнее время поступает «Коммерсантъ». Его заголовки представляют собой парафразы — но уже не только советской классики, а широкого репертуара поговорок, крылатых выражений, строк из большой поэзии, библейских афоризмов — словом, престижно-«цивилизованного» набора штампов. «Российский монетаризм: изгнание менял из храма». Рядом с библейским — ленинское: «Неплатежи как зеркало российской стабилизации». Двоеточие в середине заголовка аналогично восклицательному знаку в системе «протокол — лозунг — песня». Оно перекладывает стиль уведомления (например, «Итальянцы разморозили кредит России:...») в стиль веселого травестирования — («...чувства добрые я лирой пробуждал»), которая под маской «непосредственности» акцентирует карикатурность.

Стремясь соединить трезвость с броскостью, серьезный анализ с задором массовика-затейника, «Коммерсантъ» и его подражатели воспроизводят баланс доперестроечного официоза, но только не под мягким знаком психологического уюта, а под твердым знаком «бодрячего» дискомфорта.

В то время как в новой печати вначале пели, а теперь с холодной усмешкой рекомендуют пойти поплясать, в прессе старого закала, сперва официозной, потом оппозиционной, наступление гласности ознаменовалось энергичными телодвижениями (не совсем, правда, танцевальными), зато на второй гласной волне стало слышнее пение. Обозначился тут и свой вариант восстановления старосоветского баланса внушительности и затейливости — антипод-близнец стилистики нынешнего «Коммерсанта».

В «Правде», «Советской России» (у их меньших братьев — «Труда», «Рабочей трибуны», соответственно, меньше) долго сохранялось академическое достоинство партийного официоза. Однако чем веселее пели застрельщики покаяния, тем сумрачнее становился солидно-уведомляющий стиль на традиционалистских страницах. В конце концов он сгустился в апокалипсическую мрачность. Бесстрастное «В Политбюро ЦК КПСС» скорчилось в устрашающих конвульсиях типа «Оккупа-

ция и амбиции» или «Душат детей голодом».

«День», этот enfant terrible, прижитый гласностью с патриотизмом, демонстрирует истинный «отвяз» в явлении скверн. Рядом с персональными анафемами («Козырев — «шестерка» Буша») — вдохновенно-невнятные обобщения («Под властью люмпен-интеллигенции»), транс вызова («Нас остановит только пуля») соседствует с пророческим визионерством («Однажды проснемся... в Колумбии»)...

Но вот странно! Достигнув предела серьезности, «Правда», «Советская Россия» и «Рабочая трибуна» комбинируют гнетущую озабоченность типа «Нужны решительные меры» с юмористическим насвистыванием известных мелодий: «Сдается наш гордый «Варяг»?», «К сожаленью, день рожденья...». Выходит, оппозиционное свободомыслие знает у нас лишь один стиль, не зависящий от того, кто, когда, почему ушел в оппозицию и что именно он понимает под свободой и мыслью.

Надсадный комфорт смакования обкраденности, который стилизован в «Дне», зеркально дублирует стилизованный «Коммерсантом» возбуждающий дискомфорт предпринимательской суеты. Двояко вывернутые и отраженные друг в друге старосоветские газетные клише продолжают жить в постсоветской культуре.

Л ишь «Шесть соток», «Кот и пес», «Все для вас» и тому подобные листки, отпочковавшиеся от внеидеологических кроссвордов и прогнозов погоды с последней полосы какой-нибудь «Вечерней Москвы», сегодня вырываются из нашего замкнутого стиливого круга. Их роль, аналогичная мексиканским телесериалам, что налезает друг на друга в эфирном времени, двойственна. С одной стороны, они позволяют пережить всамделишный, близкий к дремоте, психологический уют. С другой стороны, лишь острее подчеркивают, что за забором вокруг шести соток или за стенами особняков, в которых плачут богатые, нечем успокоиться.

То ли дело раньше, когда гектар расправлял плечи и все мы были спутниками солнца...

Журнальный вариант главы из книги «Между Брежневым и Пугачевой», которая выйдет в свет в РИК «Культура»

У ВАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СЭКОНОМИТЬ!

Страховая
компания

АСКО

для подписчиков

«Столицы»,

проживающих

в Москве

и Московской

области,

предлагает льготные

страховые полисы

со скидкой 50%

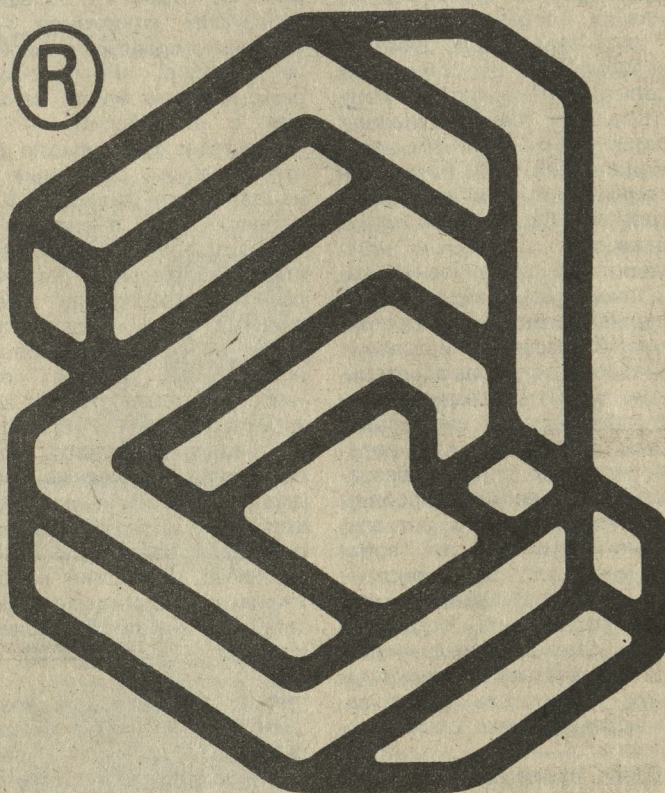
Заклучить льготный
договор страхования
от несчастного случая

смогут те,

кто подписался

на наш журнал

на полгода

АСКО

В № 32 с.г. опубликованы условия льготного страхования от несчастного случая для подписчиков «Столицы», а также перечень структур АСКО по Москве и Московской области, где Вам оформят *льготный страховой полис.*

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»
на 1993 год!**

Стоимость подписки,
объявленная редакцией:
на три месяца — 91 рубль,
на шесть месяцев — 182
рубля.

К этой цене местные
отделения связи приплю-
совывают свою надбавку.
Так, в Москве стоимость под-
писки на «Столицу» с учетом
местной надбавки составляет:
на три месяца — 152
рубля, на шесть месяцев —
304 рубля.

При попытках взять с подпис-
чиков больше указанной сум-
мы просим обращаться в ре-
дакцию. Телефон: 928-27-69.

АБОНЕМЕНТ на газету **73746**
журнал
"Столица" (индекс издания)
(наименование издания) Количество комплектов:
на 19 _____ год по месяцам
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)
Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
ПВ _____ место _____ лп-тер _____ на газету **73746**
журнал
"Столица" (индекс издания)
(наименование издания)
Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов:
пере- _____ руб. _____ коп.
адресовки
на 19 _____ год по месяцам:
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)
Кому _____
(фамилия, инициалы)

Как и в прошлом
году,
для подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____
Адрес (с указанием почтового индекса) _____
В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____
Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона.
В первом номере «Столицы» за 1993 год
будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

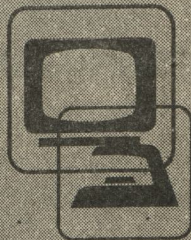
Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлению квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Холодильники, телевизоры,
часы женские и мужские,
электрические самовары,
электробритвы,
платки пуховые,
конфетницы хрустальные,
наборы (скатерть и
салфетки), матрешки,
термометры комнатные,
изделия из Хохломы,
альбомы для
фотографий,
нож и открывалка
«Хохлома»,
денежные призы —
все это
вы можете выиграть,
отправив по адресу
редакции правильно
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛИ ЗАВТРА!

**ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ
ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН,
ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО
НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!**

**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
«МММ»-ЭКСПО,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР,
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН
«МММ»-ОСТАНКИНО.**

**В оптовой и розничной продаже:
компьютеры и оргтехника, аудио- и видеоаппаратура,
электробытовая техника, модные одежда и обувь,
продовольственные товары, напитки.**

**УСЛОВИЯ ПОКУПКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ—ОПТИМАЛЬНЫЕ:**

- ЗА РУБЛИ**
- БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ**
- ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ И НАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ**

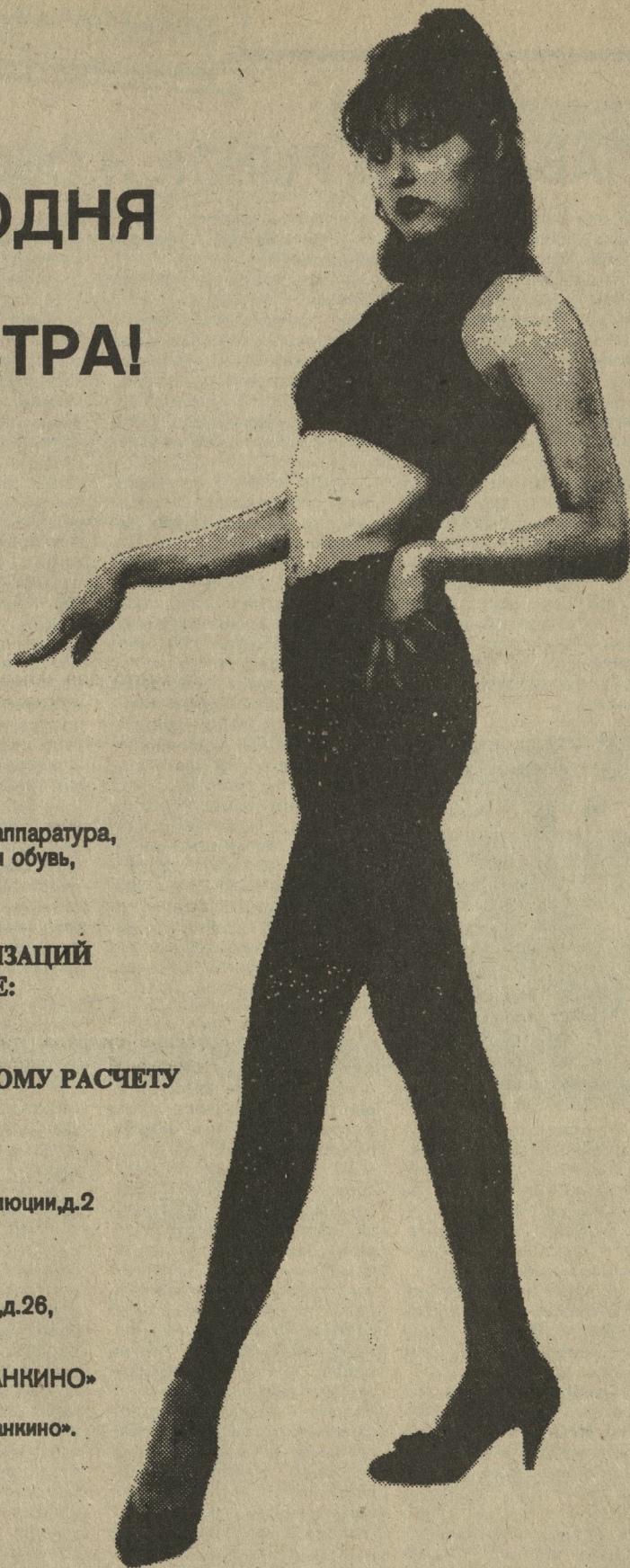
**«МММ»-ЭКСПО / пл. Революции, д. 2
/музей В.И.Ленина/
3-й этаж. С 9.30 до 18.00,
кроме воскр. и понед.**

**ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР Варшавское шоссе, д. 26,
м. «Нагатинская». С 9.00 до 18.00,
кроме субб. и воскр.**

**ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»-ОСТАНКИНО
ул. Ботаническая, д. 29, м. «ВДНХ»,
тролл. №№ 73, 36 до ост. Гостиница «Останкино».
С 10.00 до 19.00, кроме субб. и воскр.**

**111-00-65
111-20-70**

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

ПЛАВАНИЕ В РЫНОК И ОБРАТНО

Все-таки прав был вождь мирового пролетариата, когда сказал, что нам, дескать, надо «учиться, учиться и учиться». Следуя завету, мы и учились, правда, не тому, чему значительная часть человечества. Например, они учились пресловутому бизнесу, а мы — политэкономии социализма. А когда с социализмом и его политэкономией не заладилось, мы плюнули и решили: «Черт с ним, поглядим тогда, что за штука такая — бизнес». Нашлись и учителя. Среди них — американская компания «АмериРусс круиз компани». Два года она вместе с нашим благотворительным фондом «Интеллект» возит на теплоходе по Волге российско-американские бизнес-школы.

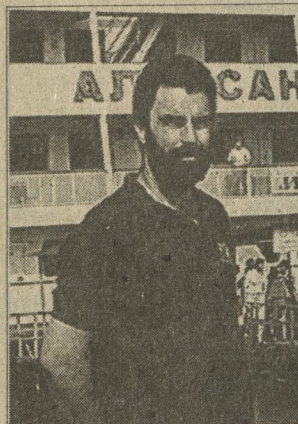

Фото Б. Кремера

Брент Браун, один из руководителей компании, наплавал по великой русской реке уже немало миль и через него прошла не одна сотня наших будущих бизнесменов. Сегодня он отвечает на вопросы «Столицы».

— Брент, обучение бизнесу в России — дело специфическое. Как вы относитесь преподавателей для своей бизнес-школы?

— Главный критерий, естественно, — они должны владеть материалом. Но не только академически, а иметь практический опыт. Они должны уметь работать с аудиторией. Занятия у нас — что-то вроде игры, в которую включены и лектор, и его «студенты». В США такой метод пользуется успехом и даёт прекрасные результаты. Наконец, мы выбираем тех специалистов, которые действительно

хотят помочь русским.

— Энтузиастов, говоря по-нашему?

— Да. Мы не платим им больших гонораров, зато даем возможность приобрести уникальный опыт работы в России. Мы не зовем тех, кого интересуют только деньги. Тому же учим и в своей бизнес-школе: надо уметь зарабатывать, но это не главное в жизни.

— Вы, конечно, догадывались, что начинать и вести дело в России будет не очень-то легко?

— О да, я ожидал, что будет трудно, и не был разочарован в своих ожиданиях: трудностей много. Например, тяжело работать без нормальных средств связи — ведь наша фирма находится все-таки в США и нужно иметь с ней постоянный контакт. Правда, сейчас стало легче. Раньше, чтобы дозвониться в Штаты, требовался час, теперь это можно сделать за 15 минут. Но мы, американцы, очень испорчены: мы не привыкли 15 минут крутить телефонный диск. Есть и другие сложности, например, одни и те же слова, понятия у нас и у вас могут иметь абсолютно разные значения. Впрочем, в процессе занятий, при общении это почти проходит, мы лучше понимаем друг друга.

— Вы провели в России уже достаточно времени, чтобы оценить перспективы развития бизнеса у нас в стране. Есть что сказать по этому поводу?

— Чем больше я узнаю здешние условия, тем больше удивляюсь: как люди вообще удитряются тут что-то делать? Ваше правительство не поощряет людей, которые хотят иметь и развивать свое дело. Этому препятствует система налогов. Я знаю немало американских бизнесменов, которые приехали сюда и пытались вложить в Россию деньги, но отказались от этой затеи: они привыкли к тому, что правительство практически не вмешивается в бизнес, что единственное дело государства — следить, чтобы с помощью налогов получить положенную долю. А у вас правительство вмешивается в бизнес постоянно, создавая этим множество препятствий.

— Может быть, стоит

взять в ваш бизнес-круиз членов нашего кабинета министров?

— Неплохая идея. Но в 1990 году исполнительный директор нашей компании Марк Стоттард встречался с некоторыми тогдашними руководителями и России, и Москвы, и других городов, читал им лекции, объяснял, что капитализм — это совсем не ужасно... Я думаю, если мы своим слушателям на бизнес-круизах можем объяснить, как там, в капитализме, все работает, то могли бы научить основам бизнеса и политических руководителей. Впрочем, политические лидеры везде одинаковы: они не любят менять то, на чем строится их власть. В США тоже так, поэтому мы, например, дорожим свободой прессы — мы верим, что, если люди могут писать правду, это позволяет вносить изменения в систему.

— В бизнес-круизах участвуют не только преподаватели или работники вашей фирмы, но и другие американцы. Кто они — просто любители путешествий или бизнесмены, у которых есть деловые интересы к России?

— И те, и другие. Школа ведь не ограничивается лекционным залом. Можно очень многому научиться, просто общаясь друг с другом. Хотя русских часто разочаровывает то, как мало американцев готовы немедленно завязать с ними деловые контакты.

— Почему? Если есть деловой интерес...

— Ну, интерес, может быть и в том, чтобы поделиться опытом, а не деньгами. Но все-таки мы хотим больше ориентироваться на бизнесменов, которые уже готовы вести дело в России, и будем проводить, так сказать, профессиональные бизнес-круизы. В прошлом году мы уже объединили банковских работников наших стран, а в этом году, в сентябре, — стоматологов. Большой интерес к таким круизам у компаний, занятых нефтью, лесоразработками. В общем, мы готовы научить вас тому, что умеем. А как Россия сможет распорядиться этими знаниями — зависит только от России.

ХРОНИКА

«Шелл» готов наполнить наши бензобаки, но не сразу

15 лет работало в Москве представительство знаменитой фирмы «Шелл». А в августе нынешнего года вместо него возникло акционерное общество закрытого типа «Шелл Россия», которое в конце сентября справилو официальное новоселье в особняке в Трубниковском переулке.

Акционерное общество готово предложить России все фирменные «шелловские» технологии — от разработки и разработки нефтеносных и газовых месторождений до химического производства. Все — экологически безопасное, как заверяют руководители фирмы, не зря же «Шелл» тратит многие миллионы долларов именно на экологические исследования.

— Мы пришли надолго, и нас не пугает политическая и экономическая нестабильность в России, — сказал журналистам генеральный директор АО «Шелл Россия» Пер Й. Улвевадет.

— А не пугают ли фирму наши многочисленные очереди на бензоаппаратных станциях и не собирается ли ведущий в этой области концерн создать собственную сеть АЗС на российских просторах? — интересовались журналисты.

— Мы рассматривали такой вариант, — ответил господин Улвевадет. — Но пока для этого нет условий, нет экономического резона. В частности, потому, что рубль не является сейчас конвертируемым, а цены на энергоносители остаются регулируемы. Как только эти проблемы исчезнут — мы готовы начать строительство своих АЗС. И, уверяю вас, будем это делать на таком же высоком уровне, как и в других странах.

ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ МАСС

Нижегородские реформаторы, известные ныне всему миру, явно не стремятся идти в ногу с правительством России. Вернее, они то на шаг, то на два опережают его. А то и делают шаг в сторону, что может рассматриваться Москвой как попытка побега с общей дороги реформ.

И вот в сентябре в Нижнем окончательно решили, что нужно приватизировать грузовые автопредприятия. Но... первым ударом аукционного молотка помешало спешное правительственное распоряжение, датированное аж 3 августа и почему-то дошедшее до адресата только через полтора месяца после предполагаемого подписания. Распо-

ряжение это строго-настрога запрещало приватизацию вышеозначенных предприятий.

Грянул скандал. Губернатор Борис Немцов звонил в Москву и, говорят, чрезвычайно резко беседовал с Гайдаром и Бурбулисом. После телефонной экономической дискуссии Гайдар все-таки пообещал Немцову переменитьсь. После этого комиссия Минэкономики России одобрила нижегородский вариант автомобильной приватизации.

Но тут вездливые апологеты социологических исследований задались вопросом: было ли, собственно, из-за чего скандалить и обрывать телефоны? И, по данным одного из опросов, проведенных в Нижнем, оказалось, что при необходимости что-нибудь перевезти с места на место гражданами лишь в десяти случаях из ста обращаются на государственные транспортные предприятия, предпочитая пользоваться либо услугами знакомых водителей, либо «леваков», либо «арендовать» машину своего собственного предприятия (как правило, не оформляя при этом должным образом документов). Самое интересное, что к услугам «частников», по данным того же опроса, с большей охотой обращаются как раз рьяные противники приватизации.

В общем, пока губернаторы да министры стратегические проблемы решают, спорят о моделях приватизации, процентных соотношениях и прочем, грузовой автотранспорт в Нижнем «явочным порядком» приватизирован на добрых девяносто процентов. По крайней мере, в части оказания платных услуг населению.

Андрей СМЕРНОВ (СН «Губерния»)

ЦИТАТА

Н. СМЕЛЯКОВ,
Волгоград

На днях увидел по телевизору небольшой сюжет о заседании «Московского круглого стола», где «независимые экономисты» оглашали очередную экономическую программу, как я понял, по ликвидации гайдаровских реформ. Потом поискал в газетах более подробные сообщения об этом мероприятии. Прочел. Ну и что? По-моему, как только экономисты начинают апеллировать к народу, а не к своим оппонентам, то на первый план вылезает политика, а не экономика: дайте нам власть, и мы вас осчастливим. А не заладится у этих — тут же другие подоспеют, со своей программой спасения. И, конечно, «многомиллионные массы», сплошь экономически образованные — не хуже тех профессоров, скажут: «Валяйте, теперь вы попробуйте!» И так до бесконечности, пока все доктора и кандидаты наук не проэкспериментируют? А там и по второму кругу можно будет начать, с военного коммунизма?

Путь в заманчивый мир бизнеса откроет профессия рекламного агента!

Позвоните по телефону (095) 928-70-17, и мы расскажем Вам об искусстве нового для Вас дела, которое гарантирует стабильность в жизни!

Мы платим высокие проценты от суммы договоров.

Звоните! (095) 126-10-77

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ЗАРАБАТЫВАТЬ МОЖНО И ТАК...

В последнее время частные объявления поражают своей откровенностью. Например, в Барнауле некий умулец не стал прятаться за лукавое «сообщу сто способов разбогатеть», а просто объявил через газету: «Продаю восемь способов бесплатного проезда на такси и пятнадцать способов мошенничества. Перевести восемь рублей по адресу...»

В одной из московских газет мелькнуло: «Подскажу несколько способов тому, кто хочет избавиться от тещи...»

Читаешь такие предложения и радуешься — вот и эти граждане вроде при деле.

ТРИ ЛИТРА ЗАРПЛАТЫ

Руководство колхоза «Октябрь» Зельвенского района Гродненской области решило проблему дефицита денежной массы просто: в счет ближайшей зарплаты сельчане могут теперь получить спирт из расчета 300 рублей за литр. За короткий срок реализовано более четырехсот литров продукта.

Местная ГАИ отмечает: количество дорожно-транспортных происшествий в районе резко увеличилось.

ИЛЬИЧ ПРОКОРМИТ!

Необычная сделка совершена в городе Брянске. Злешинский коллекционер Владимир Чазов решил расстаться со своей замечательной коллекцией ленинаны, в которую входит полное собрание сочинений вождя, несколько тысяч марок, значков, вымпелов, а также медалей с изображением Ильича.

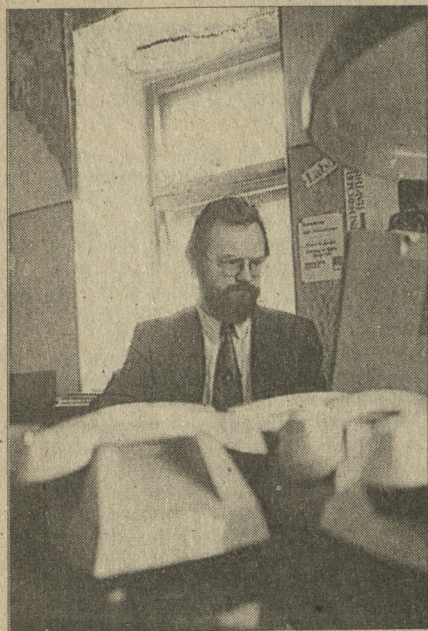
Покупатель нашелся довольно быстро — некая московская посредническая фирма (название которой держится в секрете) выложила за коллекцию сорок тысяч рублей.

Да, кстати, никаких идеологических мотивов в этой сделке нет. Чазов, по его собственным словам, любит и чтит Ленина, как и прежде. А расстаться с любимым детищем нужда заставила.

...А ТАКЖЕ КОМБАЙН С ВЕРТИКАЛЬНЫМ ВЗЛЕТОМ

В 1988 году в одной из войсковых частей, дислоцированных в Витебской области, бесследно пропал танк Т-10М. И вот совсем недавно длительные поиски таки увенчались успехом — умело замаскированная боевая машина обнаружилась неподалеку от хозяйственного двора совхоза «Горбачево». Как объяснил директор совхоза, боевую машину в свое время подарил (!!!) ему прапорщик войсковой части. Вопрос о предполагавшемся использовании танка в хозяйстве рачительный директор оставил без ответа.

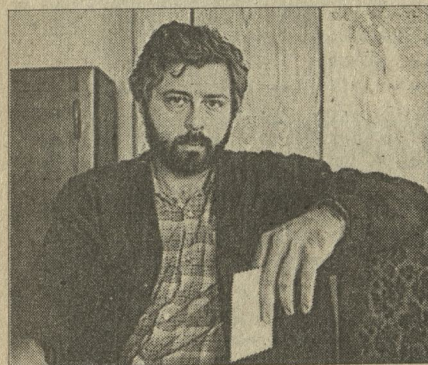
В.П.

Павел Кудюкин:
Если у нас еще осталось время —
дело пойдет.

ВПЕРЕД — К ПОСТРОЕНИЮ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА?

Взгляд на профсоюзы
из министерского кабинета

Андрей Фадин:
Если осталось...

А.Ф. В прошлый раз мы говорили о подступившей, совсем уже близко, волне безработицы. Понятно, что, каковы бы ни были ее масштабы, речь идет о встряске, какой постсоветское общество еще не переживало. Очевидно, однако, что судьбы страны зависят прежде всего не от безработных, а от тех, кто работает. Тебе как зам. министра, ответственному за социальное партнерство, много, наверное, приходится сталкиваться с трудовыми конфликтами, с делами профсоюзными. Что из себя представляют нынешние профсоюзы?

П.К. Можно выделить несколько типов существующих у нас профсоюзов. Большинство работающих формально состоят в старых профсоюзах, которые сменили вывеску, назвали себя независимыми, но сохранились в своем прежнем качестве. Строго говоря, это вовсе и не профсоюзы, а вертикально-корпоративные структуры. Они ведь и формировались по строго ведомственному признаку, совпадая со старыми отраслевыми министерствами или их группами, объединяли поголовно всех работающих — «от уборщицы до министра». До сих пор они не обладают самым главным признаком «настоящих» профсоюзов — независимостью от работодателя (то есть от администрации предприятий).

Численность их держится в значитель-

ной мере на социальной инерции. Дело в том, что при создании Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) и российских отраслевых профсоюзов никакой перерегистрации не проводилось. Первичные структуры ВЦСПС на территории России просто влились в ФНПР полностью. Членские взносы механически безналично перечисляются в Федерацию без заявлений от работников (такой порядок продолжает действовать на многих предприятиях). В результате многие из членов ФНПР даже не подозревают о своем членстве. Вот такой постсоветский анекдот.

Но главная сила старых профсоюзов состояла в распоряжении средствами государственного социального страхования. Так и продолжалось до августа, пока не вышел Указ президента № 822, но большинство работников до сих пор уверены, что больничные листы, разного рода пособия и льготные путевки оплачиваются из профсоюзных средств, и, соответственно, боятся все это потерять при выходе из профсоюза или вступлении в один из новых.

В принципе уже с июля 1990 г. все эти выплаты не должны зависеть от членства в профсоюзе, но мне известен ряд случаев, когда на предприятиях отказывались оплачивать больничный лист, давать льготные путевки на основании того, что

Фото В.Косарина

человек не член профсоюза. Профбюрократия ясно осознает, в чем ее сила, — и на этом рубеже «стоит насмерть»: буквально на днях ФНПР предприняла «контрнаступление» и, кажется, добилась от правительства приостановки выполнения Указа.

Есть и еще один «источник и составная часть» влияния старых профсоюзов. В условиях всеобщей «бартеризации» они превратились по сути в снабженческо-распределенческие кооперативы. Не забывая себя, они делят те блага, которые поступают на предприятия по бартеру.

А.Ф. Да, это все мало походит на знакомую по учебникам истории профсоюзную классику... И напоминает что-то другое.

П.К. Какая уж тут классика... Ведь классическим признаком — и орудием — профсоюза всегда были коллективный договор и забастовка. С точки зрения организации забастовок наши старые профсоюзы полностью импотентны. Они могут лишь паразитировать либо на стихийных выражениях недовольства, либо на «директорских» забастовках, организуемых реально администрацией предприятий.

Именно такими «директорскими» ставками были, например, в большинстве случаев апрельско-майские забастовки медиков. Как показали социологические опросы, наиболее активными сторонниками острых форм действий были... главврачи. Профсоюз же к организации забастовок имел достаточно косвенное отношение. Может быть, самое яркое тому доказательство — ответ лидеров профсоюза представителям правительства после переговоров в начале мая. Профсоюзники заявили, что не могут гарантировать прекращение забастовки на основе достигнутых компромиссных решений (т.е. подписать-то соглашение они подписали, а вот что люди будут их выполнять — сомневались). Это — показатель низкого авторитета старых профструктур даже среди своих членов.

Другой пример — редкий по скандальности провал профсоюза работников угольной промышленности, призвавшего ко всеобщей бессрочной забастовке с 1 июля. Сама по себе причина была совершенно реальной — нехватка наличности, но на этот призыв откликнулись только... 10 шахт в Ростовской области.

А.Ф. Твое отношение к старым профсоюзам я понял, и неудивительно, что тебя в их газете назвали «врагом профсоюзного движения». Но профдвижение сегодня — это ведь не только наследники ВЦСПС, есть еще и противостоящие ФНПР новые профсоюзы, родившиеся не в недрах коммунистического истеблишмента, а на его обломках. Что сегодня представляют собой они?

П.К. Да, действительно, вторая группа — это «классовые профсоюзы», они объединяют исключительно работников наемного труда, без администрации.

А.Ф. А разве представители администра-

ции госпредприятий не являются наемными работниками?

П.К. Являются. Но это наемные работники особого рода, представляющие работодателя (и фактически являющиеся им). За рубежом, кстати, они, как правило, не входят в те же профсоюзы, что основная масса наемных работников. И, найм директоров осуществляется специфически — контрактами непосредственно с органами госуправления (например, с Минпромом или Минтопэнерго), эти контракты в соответствии с Законом «О предприятиях и предпринимательской деятельности» должны быть согласованы с трудовым коллективом.

Последнее положение вызывает большое недовольство директората и министерств, но мы (Минтруд) пока что стараемся сохранить статус-кво, т.к. считаем, что такой порядок, при определенной его архаичности и «социалистичности» — хоть какая-то гарантия от произвола директоров. От имени коллектива согласовывает контракт либо Совет трудового коллектива (СТК), либо конференция.

Впрочем, СТК на предприятиях функционируют по-разному — где-то они в кармане у дирекции, а где-то пытаются вести самостоятельную линию, существует целая организация — Союз трудовых коллективов, которая базируется как раз на наиболее самостоятельных СТК.

А.Ф. Каков, на твой взгляд, вектор развития профсоюзного движения? Что произойдет с ФНПР?

П.К. Я думаю, что ФНПР будет потихоньку разваливаться, тем более когда государство отберет у нее монополию на управление средствами соцстраха. Это, видимо, усилит внутреннюю напряженность и центробежные тенденции, которые в Федерации на самом деле очень сильны. Параллельно будет продолжаться очень мучительный процесс превращения части этих структур в «настоящие» профсоюзы, включая переход целыми первичными профорганизациями в новые профсоюзы.

Этот процесс будет, по всей вероятности, очень длительным. Старые профсоюзы в традиционной форме будут в значительной мере держаться на функции «распределенческого кооператива», на своих тесных связях с директоратом и государственными органами.

Между прочим, ФНПР очень любит обвинять классовые профсоюзы, особенно «Соцпроф» и НПГ, что те становятся «госпрофсоюзами». На самом же деле, например, МПС или департаменты Минпрома, не говоря уже об администрации предприятий, зачастую отказываются признавать новые профсоюзы, говоря: «У нас уже есть свой профсоюз (имеется в виду бывшая «школа коммунизма»), с ним мы и будем иметь дело, а вас не знаем и знать не хотим».

Каждый раз, когда нам становятся известны такие случаи, Минтруду в моем лице приходится вмешиваться и защищать

права новых профсоюзов, напоминая, что в соответствии с Законом СССР «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности», который продолжает действовать на территории России, и Законом Российской Федерации «О коллективных договорах и соглашениях» все профсоюзы равны в своих правах.

К сожалению, возможности нашего воздействия здесь ограничены. Мы можем обращать внимание государственных органов или администрации предприятий на то, что они нарушают закон. Они же могут эти обращения игнорировать и выживать разными способами активистов новых профсоюзов (да и старых, когда они начинают себя вести действительно независимо). Это сейчас очень острая проблема, тем более что прокуратура и суды всячески стараются уйти от рассмотрения трудовых споров и обращений о нарушении прав профсоюзов и трудового законодательства.

На пути развития классовых профсоюзов, конечно, много и чисто объективных препятствий. Трудно быть классовым профсоюзом в обществе, где еще не сформировались нормальные классы и где нет нормального наемного труда. Ведь реально о наемном труде мы можем говорить в сколько-нибудь строгом смысле слова лишь в крупных промышленных центрах, где есть хоть какая-то свобода выбора. Житель же малого или среднего города, где есть два-три предприятия, полностью зависим от своего завода-фабрики-шахты: начиная от ведомственных яслей, куда он ходил ребенком и куда ходят его дети, и кончая тем гробом, который ему сделают на том же предприятии, когда он помрет. Все системы жизнеобеспечения, включая жилье, опять-таки завязаны на предприятие.

И даже создание рынка жилья не решит всех проблем такого рода, т.к. жилье в таких «моногородах» будет стоить дешевле и переезд из них будет очень затруднен, вырваться оттуда будет просто очень дорого стоить. Да и склонность к перемене судьбы, к поискам лучшей работы, профессии, места жительства у нашего работника очень низка. В этом смысле наш работник до сих пор остается полукрепостным не только по реальному положению, но и по психологии.

У меня перед глазами недавнее впечатление от поездки в Пермь в конце июля. Там пока еще количество зарегистрированных безработных меньше, чем количество вакантных рабочих мест, но из трех тысяч зарегистрированных безработных лишь двести человек согласились пройти профессиональную подготовку. Люди крайне неохотно соглашаются на пере подготовку, на смену профессии, даже без понижения социального статуса. Они предпочитают получать все более обесценивающее пособие по безработице (правда, часто подрабатывая «нелегально»), не иди получать новую профе-

ссию. Надеются, что все как-нибудь образуются, утрясется.

Увы, такому типу работника соответствует не социально-партнерский тип трудовых отношений, когда работодатель и организации трудящихся выступают равноправными субъектами, находящимися в состоянии «конфликтного сотрудничества», а корпоративно-патерналистский, когда работник надеется не на силу своей организации, а на «подачки с барского стола».

А.Ф. Подобный тип отношений, как и тип личности, и образ жизни, — это ведь продукт нескольких веков российской истории. Что здесь могут изменить профсоюзы?

П.К. Кое-что могут. Кое-что уже делают. Например, они могут стать в нашем все еще бесструктурном обществе классообразующим фактором, прививая работнику новую психологию «опоры на себя». Это было бы настоящей революцией в российской социальной истории.

Однако новые профсоюзы ждет тяжелая жизнь. Их развитие будет происходить на фоне падения общей численности членов профсоюзов.

Видимо, трудно рассчитывать, что они быстро встанут на ноги без какой-то поддержки со стороны государства. Это очень деликатная проблема, особенно для нас, где столь долго длилось государственство профсоюзов. Но в любом случае я считаю, что для профсоюза гораздо позорнее зависеть от работодателя, чем от правительства, а именно этим грехом страдает ФНПР. Нужно найти какие-то формы не только политической, но и материальной поддержки новых профсоюзов.

А.Ф. Создается впечатление, что наше общество всеми силами сопротивляется переменам в себе самом, а новые нормы отношений не столько возникают снизу, сколько вводятся сверху, классическим путем российских реформ. В свою очередь продавливание реформ сверху деформирует смысл реформ (разгосударствление социально-экономической жизни), заставляя власть работать в режиме самоусиления. Что делать в этой ситуации?

П.К. К сожалению, здесь действительно продолжается очень глубокая российская традиция. Слишком многие из нас хотели бы жить так, как привыкли, и не оознали еще, что это уже невозможно. Даже понимая это умом, в подсознании большинство надеется на чудо возвращения в безмятежные и относительно сытые «застойные» годы. Мы вообще общество во многих отношениях традиционное, точнее — квазитрадиционное, очень консервативное по своему общественному менталитету. Что до реформистской власти, то у нее выбор невелик. Лучшее, что она может сделать, — изменить правила игры. Но для этого она как минимум должна оставаться властью.

Елена КОЛЕСНИКОВА

ПРЕЗИДЕНТ АВВ — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО

Из окна моего гостиничного номера видны три ярко-красные буквы — АВВ. Они огромны и занимают чуть ли не треть стены шестиэтажного здания — офиса фирмы АВВ.

До отеля из центра Цюриха я ехала на бесшумном двухэтажном поезде, где эти же, только поменьше размером буквы были нарисованы как внутри салона, так и снаружи. Мне пояснили — такие красивые поезда делает АВВ. Наконец, на журнальном столе лежал номер «Форчуна», и с обложки, улыбаясь, смотрел бородатый президент АВВ — господин Барнвик.

ЛЮДИ — НЕ ДУРАКИ

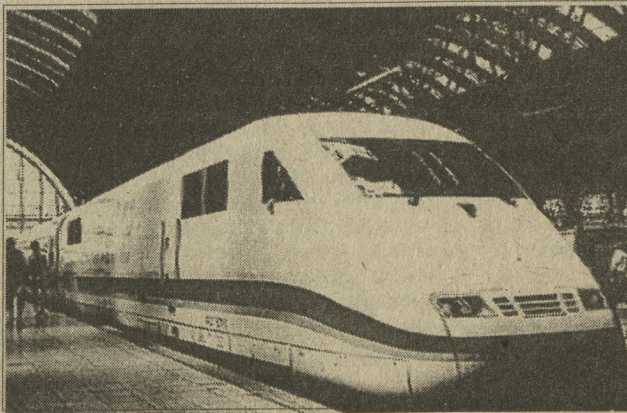
...Несколько лет назад Перси Барнвик, швед, которому тогда еще не было пятидесяти, присоединил шведскую машиностроительную группу АСЕА к ее швейцарскому конкуренту Brown Boveri. Понимаю, по нашим меркам — это вполне рядовая акция. У нас целые отрасли без конца то сливаются, то разъединяются. Но в том-то и разница — подобная реорганизация в Европе предполагает реальные перемены для огромного количества людей, привыкших прежде всего к стабильности. Это для нас, опять же, стабильность — одно из тех понятий, о которых принято лишь рассуждать. А для них — как данность, что-то вро-

де йогурта по утрам.

Итак, соединив конкурентов и добавив к этому еще 70 компаний в Европе и США, Перси Барнвик, в сущности, перекроил мировой рынок электрогенераторов, передаточного оборудования, скоростных поездов, автоматов и роботов, а также систем по контролю за окружающей средой.

Чтобы компания-гигант начала приносить прибыль, Барнвик закрыл десятки заводов, сократил каждое пятое рабочее место. Четыре года назад АВВ пришлось даже выстоять полугодовые (!) забастовки и демонстрации в Германии, пока арбитраж не убедил профсоюзы дать согласие на сокращение.

Из шести тысяч управленцев тоже

уцелели немногие — всего 480, и все они теперь разместились в одном здании.

Вскоре успех стал очевиден. Mitsubishi Heavy Industries отреагировала на него, например, в чисто японской манере — просто поставила «диагноз»: «Они агрессивны, как и мы. Это комплимент. Они что-то вроде суперяпонцев».

За консультацией к Барнвику стали обращаться другие крупные фирмы. Du Pont ввело Барника в состав правления. IBM консультировалась с ним о том, как сократить своих многочисленных бюрократов. «Я не принимаю объяснений, что нельзя изменить Европу, — считает Барник. — Люди не дураки. Они знают, что, если их компания неконкурентоспособна, их рабочее место не гарантировано».

ЧИСТОТА И СКУКОТА

...Когда предложили съездить в Баден и побывать на одном из заводов АВВ, я тут же мысленно придумала начало к своему материалу. Что-то вроде такого: «Чистый тихий цех, рабочие в стильных комбинезонах, тоже чистых. Никаких перекуров. Кругом автоматы: людей мало, машин — много...»

Представьте, все так и оказалось, даже добавить нечего. Едва я вошла в цех вместе с управляющим, сразу же пришлось вжаться в стену и уступить дорогу тележке-роботу. Она ехала с осмысленным и независимым видом, сама погрузила на себя деталь, вырвала обратно в узкий проход и повезла изделие на следующий этап обработки.

— Очень хороший работник, — заметил управляющий. — И платить ему не надо.

Рабочие на заводах АВВ получают гораздо больше, чем на аналогичных предприятиях других фирм. Поэтому национальный состав неоднороден. Лишь половина — швейцарцы, остальные (в основном) немцы и итальянцы. Из Германии, например, многие каждый день ездят сюда на работу, благо граница рядом и пересекать ее можно без проблем.

Средний заработок рабочих — от трех до трех с половиной тысяч франков в месяц. У персонала управления — в два—два с половиной раза выше. С этих сумм надо заплатить налоги и сделать различные выплаты, как тут говорят, на социальные нужды.

Я поинтересовалась — велики ли налоги? Оказывается, почти как у нас, даже поменьше — 10—12 процентов от суммы заработка. Но платить можно раз в год, прямо со счета в банке.

— Как живут на такие деньги? По

советским стандартам — отлично. Но вряд ли стоит повторять, что в мире все относительно. В Швейцарии богатые люди, а ведь мы все ориентируемся на самый высокий уровень, оценивая качество собственной жизни, носят, например, не просто «Роллекс», а очень дорогой «Роллекс». Тысяч за сорок франков. Не просто покупают бриллианты, а опять же — очень дорогие украшения.

Но на зарплату можно приобрести в кредит автомашину престижной марки, отдохнуть в Италии или Франции, нормально питаться и иметь собственное жилье. Не так уж и мало.

В маленьком бистро, которое находится прямо в цехе, я спросила рабочих, нравится ли им именно АВВ? Признаюсь — ответы удивили меня. Все почему-то в первую очередь говорили о своем коллективе — какой он дружный да хороший, а потом уж о зарплатах. Мировая известность АВВ их вообще не волновала.

— Очень важный момент, — сказал на прощание молодой парень, фрезеровщик, внешне похожий на нашего студента из университета. — На АВВ нет рабочих, все только служащие. И зарплату поэтому нам перечисляют раз в месяц, на счет в банке.

Вот они, европейские нюансы — я бы лично согласилась хоть каждый день зарплату получать на руки, лишь бы платили. А им, видите ли, важна периодичность, и она определяет служебное положение.

Что еще написать о швейцарском заводе? Брака почти нет, прогульщиков и опаздывающих — тоже. Уволить плохого работника — легко, хворого — почти невозможно. Оборудование все новое, постоять рядом — и то приятно. В рабочей столовой, как у нас в хорошем ресторане, разве что публика поспокойней. Мой коллега с радиостанции «Юность» вышел с завода счастливым человеком: «Вот скукота! — радовался он. — Ну как они тут живут, не то что мы».

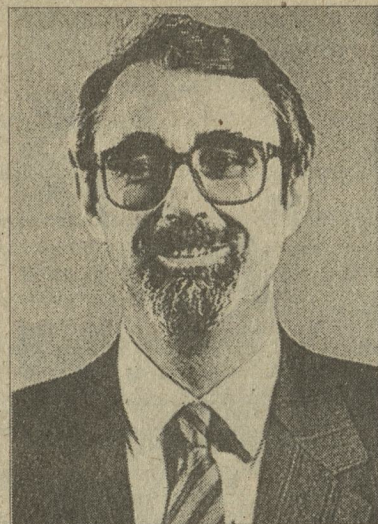
ПРЕЗИДЕНТ

Пока ехали обратно в Цюрих, в «мерседесе» зазвонил телефон.

— Господин президент переносит встречу, спешите!

Это сообщение произвело на наших спутников из АВВ потрясающее воздействие — они заволновались, стали умолять нас как можно быстрее заскочить в гостиницу за диктофонами и постоянно гнали водителя — скорей, скорей...

Персона господина Барника окружена ореолом таинственности и почти божественного почитания. Его любят, ему хотят нравиться, его боятся, на него надеются... Интервью с ним —

Президент АВВ — господин Барник

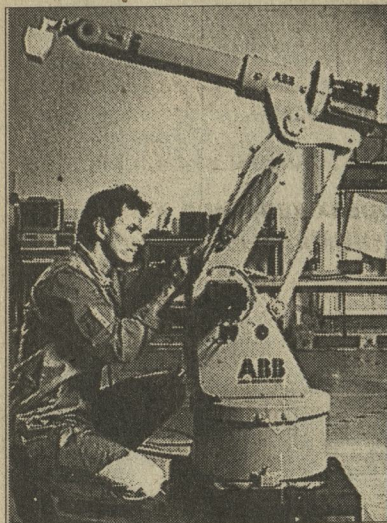
событие для всей фирмы. Привожу его почти дословно.

— **А кто готовит для вас информацию об экономике России?**

— Я получаю ее от наших людей в Москве, Санкт-Петербурге, Казахстане, Минске. У нас есть своя компания в Москве, 15 совместных предприятий в Восточной Европе. Ведь мы начали осваивать ваш рынок не сегодня, я приезжал в Москву в 1989 году, был в Ярославле, смотрел фабрику, построенную в 1911 году. А сейчас, когда «железный занавес» окончательно упал, мы хотим участвовать в объединении Европы. Надеюсь, что следующие 10 лет уйдут на создание объединенной Европы. Например, уже сейчас в Польше 10 тысяч сотрудников работают на АВВ. Мы думаем, что ваша страна и Украина станут внутренним рынком нашей компании. Конечно, вы можете спросить, зачем мы ставим на вашу страну, когда в ней столько кризисных ситуаций? Но я настроен оптимистично по отношению к России и Украине. Ведь имея свои компании в Польше и Чехо-Словакии, мы можем наладить экспорт в Россию, а это быстрые поставки и очень хорошее качество продукции. Через несколько лет, когда ваш рынок будет насыщен, они сами могут заняться экспортом и таким образом с нашей помощью интегрироваться в мировую систему.

— **Вы пришли на фирму несколько лет назад. Какие проблемы надо было решить тогда и какие сейчас?**

— Я стал президентом фирмы «АСЕА» двенадцать лет назад и пять — президентом объединенной фирмы... Объединив две компании, я бросил вызов самому себе. В «АСЕА» входили Швеция, Финляндия и другие Скандинавские страны, в ВВС — Гер-

мания, Швейцария, Италия. Затем мы купили предприятия в Америке и стали уже трансатлантической компанией. Потом «подкупили» еще 50 компаний. По всей Европе, включая Польшу, Венгрию, Чехо-Словакию. Здесь, в Цюрихе, своеобразный координационный центр компании. Мы всегда говорим, что живем на противоречиях: мы хотим быть местными во всех странах и все-таки оставаться международной фирмой. АВВ сегодня — это 1300 предприятий, а с другой стороны — единый организм. Вот в этом разрешении этих противоречий и заключалась моя работа в течение последних 5 лет. Теперь главная задача — создание новых предприятий в Азии и в Восточной Европе, поэтому много средств инвестируем туда.

Мы думаем, что на русском рынке для нашей фирмы очень большие возможности. Часто на Западе явно недооценивают Россию и ее человеческий капитал, ведь Россия — вовсе не развивающаяся страна! Если ваши предприятия перестроить и придать им рыночное направление, то можно рассчитывать на успех, которого мы достигли, скажем, в Польше, откуда экспортируем сейчас газовые тур-

бины на сумму около 70 миллионов долларов.

— *Сегодня бывшие крупные советские компании уже не существуют, да и на месте некогда сильного СССР появляются новые, не такие могущественные государства. Как вы представляете себе развитие отношений с ними?*

— Размеры страны — это не проблема для нашей компании. Мы будем делать то же самое в России, что мы делали в США. У нас будет холдинг в Москве, может быть, 20—30 компаний, и в Днепропетровске, и в Ярославле, и в Санкт-Петербурге, а в некоторых случаях — и совместные предприятия. У вас, повторяю, есть очень образованные люди и современные технологии, и все это убеждает меня в том, что не будет особой проблемы интегрировать ваши предприятия в мировую структуру. Конечно, могут возникнуть определенные трудности, если курс рубля войдет в стадию гиперинфляции, возникнут сложности для экспорта, импорта и торговли. Но в нашем плане предусмотрено, например, что если вдруг возникнет недостаток сырья на месте, в России, то мы знаем, откуда его взять.

И потом, я оцениваю предприятие по таким критериям: сначала люди, потом техническое оснащение, затем квалификация и возможности внутреннего рынка. Думаю, что у вас вполне возможно производить товары по невысокой цене, но высокого мирового качества.

— *Успех вашей фирмы связан непосредственно с вашим именем. Что вы думаете по этому поводу?*

— Конечно, чаще всего обращают внимание на человека, сидящего наверху. Вы, конечно, понимаете, что успехом фирма обязана своему коллективу. Среди наших сотрудников очень много высококвалифицированных работников. В Финляндии, например, у нас есть независимый менеджер, который управляет всеми

финскими предприятиями нашей фирмы. И если он плохо работает в Финляндии, то вряд ли моя личность может повлиять на улучшение его работы. Моя же главная задача — найти таких квалифицированных руководителей, которые могли бы эффективно управлять сотнями наших филиалов в 100 странах мира. Хотя, естественно, «музыку» заказывают наверху и все концепции управления компанией разрабатываются ее руководством.

— *За те дни, которые мы провели в Цюрихе и общались с вашими сотрудниками, не могли не заметить, что они говорят о вас, скажем так, с придыханием?*

— Не думаю, что существует культ моей персоны, но как-то сложилось, что президент стал символом того, что мы делаем. Когда дела компании идут успешно, тогда меня превозносят, как героя. Но если, изволи Бог, конечно, возникнет кризисная ситуация, то я буду считать себя несостоятельным руководителем. Кстати, и служащие, наверное, тоже.

— *Что вам интересно кроме работы?*

— Парусный спорт. Каждый год я совершаю плавания на яхте в Атлантическом океане. В море очень хорошо думается. Здесь, в Швейцарии, я люблю Альпы, хожу в походы, занимаюсь горнолыжным спортом.

И в заключение цитата из «Форчуна» о АВВ и ее президенте: «Он ожидает от своих сотрудников отказа от большей части свободного времени ради компании. Он допускает, что его честолюбивые сотрудники будут проводить до 30 часов в неделю дополнительно к своей регулярной работе в разъездах. Он считает, что есть люди, которые вообще не хотят вступать в брак, и не только потому, что карьера не позволяет, — просто они выбрали другой стиль жизни».

Другой стиль — это работа с утра до вечера на АВВ. А о результатах этого я уже написала.

ЛУКЪЯНОВ И БРАТ

Цены всегда низкие
Мы предлагаем:

- факсы, надежные и простые в работе, «ВАЛИДИАН»
 - матричные принтеры
 - картриджи к лазерным принтерам ЕПС
- КУПИМ наличные доллары

949-70-73,
949-60-11.

факс 949-70-73.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПЛАСТМАССЫ

Фирма, располагающая
пластмассовым цехом, выполнит заказ.

Приглашаем к долговременному
сотрудничеству.

Продаем пластмассу.

928-99-09

КВАРТИРА

ИЛИ

ДЕНЬГИ?

Проводимые фирмой «Атмос» лотереи «МАЛЕКС» — *это и то и другое!*
Суперприз — 3-комнатная квартира в Москве.

В связи с инфляцией денежные призы постоянно индексируются. Тем, кто НЕ ВЫИГРАЕТ в наших лотереях квартиру или коттедж, мы ВСЕ РАВНО построим их по МИНИМАЛЬНЫМ ценам!

Наши телефоны: 902-09-02, 489-05-53

Звоните, господа, и Вам обязательно улыбнется удача!

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Провожу экологическую экспертизу территорий под строительство.

Телефон: 412-86-22 Алексей

Две двухкомнатные квартиры рядом с метро «Октябрьская» и «Беляево» сдаю в аренду под офис или для проживания за СКВ.

Тел.: 466-15-86

Сниму однокомнатную квартиру недалеко от метро на участках: Динамо—Домодедовская, Третьяковская—Новогиреево, Баррикадная—Выхино. За рубль, не очень дорого, но порядком гарантирую идеальный.

Тел.: 928-99-09 Дмитрий

Меняю однокомнатную квартиру в Балашихе (15 минут до Москвы) на двухкомнатную в Балашихе, Москве или ближнем Подмосковье.

Тел.: 521-32-72, 521-30-38

Выездная фотосъемка произведений искусства.

Тел.: 264-52-41

Стрижка собак всех пород. Звонить до 11 часов утра по телефону 456-13-58. Тамара Александровна

Опытный преподаватель, владеющий преподаванием русского языка как иностранного, предлагает семьям иностранцев обучение детей 6—10 лет русскому чтению и письму.

Тел.: 137-16-29
Ирина Ивановна

Производственно-коммерческое общество с ограниченной ответственностью

«МЕТА»

предлагает:

1. Широкий ассортимент одежды и ТНП импортного производства по самым низким в Москве ценам.

2. Оптовые партии 2- и 3-камерных холодильников «Норд» в фирменном магазине-салоне «МЕТА», расположенном по адресу:

Ленинградское шоссе, 13.

☎ (095) 159-15-38

Предлагаем помощь одиноким престарелым жителям города! Медицинское обслуживание, помощь по хозяйству, услуги сиделки.

Тел.: 360-81-37

Продаем новый японский телевизор «Супра» (54 см) немного дешевле, чем в магазине. Или меняем с доплатой на другой телевизор поменьше или похуже.

Тел.: 928-99-09

Продаются высокопородные щенки американского коккер-спаниеля с отличной родословной. Гарантируется помощь в выращивании и прививке.

Тел.: 421-66-72

Сниму квартиру! Чистоту и порядок гарантирую.

Тел.: 393-21-48

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Квалифицированный химик-аналитик предлагает свои услуги в фармакопейном и химическом анализе различных видов растительного сырья и фитопрепаратов.

Тел.: 290-12-60 зв. с 10.00 до 17.00 (спросить 11-ю комн.)

Продаю: 3-комнатную квартиру в р-не м. «Дмитровская», за СКВ.

Тел.: 218-71-95

Молодой, изобретательный, надежный программист ищет работу в фирме.

Тел.: 928-99-09 Дмитрий

2-комнатную квартиру рядом с метро «Октябрьская» или «Беляево» сдаю в аренду за СКВ.

Тел.: 333-37-65

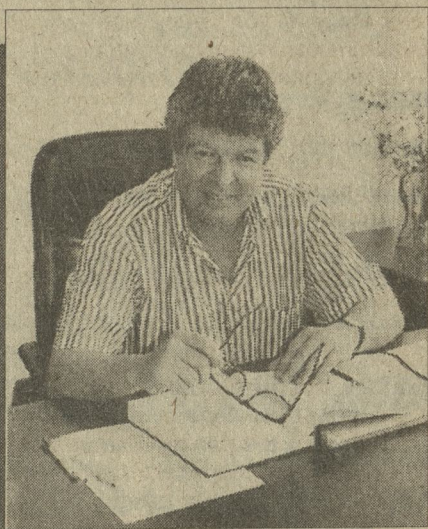
Автомобилисты! Беспроводная система охранной сигнализации для гаражных кооперативов — гарантия безопасности. Приглашаем агентов по продаже.

Тел.: 333-34-65

Меняю 3-комнатную квартиру (м. Таганская), м. «Площадь Ильича»), комнаты: 9; 7 и 16 кв.м., кухня — 7 кв.м., 4-й этаж. Без лифта. Недавно сделан капитальный ремонт.

На две однокомнатные квартиры или одну однокомнатную квартиру и хорошую комнату в коммуналке.

Тел. 381-98-89, 361-10-53, желательно вечером.

Разные пути ведут к материальному благополучию. Один из них — положиться на судьбу и рискнуть: угадать всего шесть цифр. Шесть счастливых цифр, и вы — миллионер?! Реально ли это? Генеральный директор компании «Олимпийская лотерея» Маркос Шиапанис рассказывал об этом нашему корреспонденту.

Миллионы —

мечта, которая может стать реальностью для каждого!

— Господин Шиапанис, Вы хорошо владеете русским языком...

— В 1968 году я приехал учиться в Россию, и вот уже 24 года живу, в основном, здесь. Для меня ваша страна — второй дом, я многое тут узнал и полюбил.

— Видимо, для Вас, как бизнесмена, в России нет секретов?

— По-моему, да! Одновременно с учебой я уже представлял коммерческие интересы различных кипрских и греческих фирм. Потом занимался туристическим бизнесом. Последние восемь лет моё дело — менеджмент и консалтинг. Нахожу, разрабатываю различные проекты, создаю возможности для их реализации. Знание местных условий очень помогает в моем деле.

— Появление спорта в Вашем бизнесе — это личное увлечение или продуманная коммерческая программа?

— Понятие «спорт» для меня достаточно емкое, занимающее в жизни человека заметное место.

Спорт разнообразен и удовлетворяет любые вкусы. Но я оказался в сфере бизнес-спорта, если иметь в виду лотто «Миллион», как творческий человек, задача которого найти средства для финансирования большого спорта. Одни предлагали эксплуатировать символику, продавать права на рекламу... Я предложил лотерею...

— А как возникла идея? Вы желали поддержать спорт великой страны?

— Не совсем так. В качестве консультанта Олимпийского комитета России мне предложили изучить возможность инвестиций в российский спорт. То, что это реализует греческая компания, чистая случайность. Могли быть немцы, шведы, американцы... Однако наша система, которую предложила фирма «Интраком», наиболее подходит для нынешнего состояния телекоммуникаций в России. Допустим, в Америке есть более прогрессивная, но с вашей она не стыкуется. Греческая же учи-

тывает сегодняшние технические трудности, она способна прогрессивно развиваться, параллельно с вашими линиями связи и совместно выйти на высший уровень телекоммуникаций.

— Господин Шиапанис, предложив оригинальный способ заработать деньги на развитии спорта, надо было найти и немалые стартовые деньги, чтобы запустить механизм лотереи.

— Разумеется. И деньги немалые... Мы понимали, что у Олимпийского комитета их нет. И с господином Коккалисом, владельцем фирмы «Интраком» (он, кстати, тоже выпускник советского вуза, что, видимо, сыграло определенную роль в принятии нашего решения) пошли на риск: договорились инвестировать свои деньги в реализацию этого проекта.

— На сегодня эта сумма уже составляет 20 миллионов долларов. Взамен Вы получите инфляционные рубли. Для деловых

людей это непонятный бизнес.

— Напротив, все понятно. Кто знает нас, Коккалиса и Шиапаниса, понимает и наш поступок. Мы учились в России, знакомы с ней и, главное, верим в ее будущее. Другие покупают недвижимость в Париже, Лондоне или Америке. Мы приняли твердое решение всю прибыль от лотереи оставить в России, вкладывать в заводы и фабрики, покупать акции компаний и банков. Деньги должны работать там, где их зарабатывают, это честный и джентльменский бизнес.

— А чем Ваша лотерея принципиально отличается от уже существующих у нас?

— Наш девиз: большой выигрыш и быстрота его получения. Это и есть главное отличие. Ежедневно вечером в среду мы заканчиваем продажу в киосках билетов очередного тиража. А на следующий день, в четверг вечером по первой программе ТВ после программы «Новостей» мы проводим получасовое шоу. Пока компьютер после тиража подсчитывает сумму выигрыша, приглашенные в студию 49 человек, по количеству разыгрываемых номеров в лотерее, примут участие в аттракционах, играх, викторинах, где также разыграют ценные призы: аудио- и видеотехнику, бытовые приборы... Телезрители же, узнав свои выигрыши, смогут получить их через 48 часов в сбербанке.

— Очень удобно. Кстати, Вы, видимо, знаете, у нас бытует мнение, что с государством играть в азартные игры невыгодно.

— Но, во-первых, мы не государственная лотерея. Нам не надо содержать и «кормить» большой аппарат. И потом, сорок процентов мы отдаем на выплату выигрышей, еще тридцать — Олимпийскому комитету, остальное — организационные расходы, выплата налогов и прибыль, которая в процентном отношении меньше, чем в любой другой лотерее.

— Господин Шиапанис, боль-

шинство читателей нашего журнала — москвичи. Им, безусловно, интересно знать, что получится в результате проведения лотереи их родной город?

— В Москве нами проделана большая работа. Начали с нуля, создали структуру в три тысячи рабочих мест с заработком 5—9 тысяч в месяц, обучили людей, привнесли иную культуру отношения к труду. Верю, компания «Олимпийская лотерея» станет образцом. Она построена на здоровых началах, опытными людьми, солидными фирмами. Это своеобразный вклад в новые экономические отношения в вашей стране.

По договоренности с правительством Москвы, с Олимпийским комитетом — 6 процентов от общей суммы пойдет на развитие столичного спорта: на содержание стадионов, оплату труда тренеров, детский спорт. По нашим расчетам — около 10—12 миллионов рублей в неделю. Уверен, лотерея решит не только спортивные проблемы города. Например, в Греции даже остаются деньги от лотто, которые идут на культуру, на реконструкцию зданий (например, миллионы драхм на реконструкцию Акрополя, других объектов культуры). И это не налог, это самостоятельное решение компании.

— Действительно среди москвичей с Вашего благословения появятся миллионеры?

— Конечно. В год приблизительно 100—200 человек. При чем выигрыш может составить несколько миллионов! И самое главное мы «производим» честных миллионеров, получив выигрыш в банке, человек может открыть собственное дело. Об этом я говорил в московском правительстве и хочу повторить сейчас: надо иметь готовые проекты, чтобы помочь этим людям вложить деньги в структуры города: купить магазин, здание, построить офис...

Со своей стороны мы создадим клуб миллионеров «Лотто «Миллион». Он не будет похож

на уже образованный в Москве подобный клуб. Мы займемся маркетингом, консультациями — и люди правильно распорядятся деньгами.

— О правилах игры я не стану Вас спрашивать, каждый москвич может их прочитать даже в вагоне метро, где они развешены. Первого октября прошел первый пробный тираж, следующие два — 8 и 15 октября, причем для игроков они бесплатны, а платные стартуют 22 октября. Спросить хочу о другом: как в условиях правовой и экономической неразберихи Вам удалось «запустить» ваш проект?

— Мы попали в непростой период в истории вашей страны. Едут на части, и каждый считает почему-то этот кусок своим, у каждого «куска» появился вдруг «хозяин». И со всеми надо «согласовать». Трудно было с местом, предпочтение отдавали коммерческим ларькам, торгующим водкой и пивом. А вы видите наши киоски? Они прививают культуру работы в уличной торговле. Теперь многие поняли, что мы рентабельней во всех отношениях. Сегодня почти все проблемы решены.

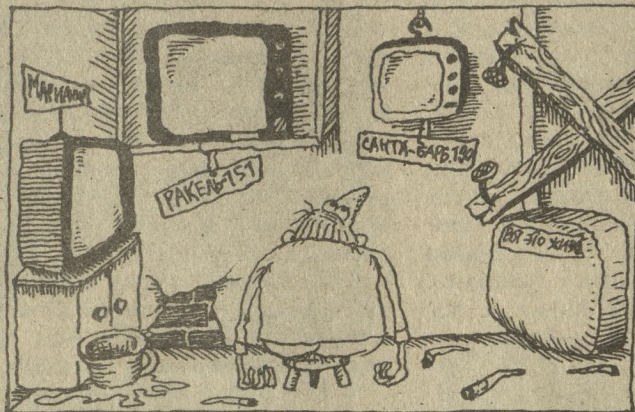
— Господин Шиапанис, судя по тому, что Вы рассказали, не только российским спортсменам не придется перед очередной поездкой на крупные международные соревнования пускать шапку по кругу, но и некоторые социальные проблемы города поможет решить лотто «Миллион»?

— Именно такая цель стоит перед нами. Олимпийский комитет России, как один из владельцев лотереи, получит достаточные средства на подготовку спортсменов. Мы приглашаем всех москвичей участвовать в лотерее, и удача обязательно улыбнется им. В этой лотерее не будет проигравших!

Беседу вел
Валерий РАЗУБАЕВ

«МЫЛЬНЫЕ ОПЕРЫ»

А-ЛЯ РЮС

Лавры Марианны не дают покоя отечественным режиссерам, которые решили, что телесериалы — это наш национальный киножанр. Они решили заполнить телевидение мыльными операми.

Сейчас — в одной только

Москве снимается несколько сериалов. Один из них — элитарный, интеллектуальный. Говорят, «тарковщина» — и все тут (абсурд! Элитарный сериал!). Уже разрекламирована мыльная опера «Мелочи жизни». С ней соперни-

чает сериал «Вот это жизнь!». Как видите, в ближайшее время о жизни мы узнаем все, что только можно.

«Вот это жизнь!» запускают по первому каналу «Останкино» в октябре. На целый год. Пятьдесят две серии по полчаса раз в неделю.

По словам режиссера «Вот этой жизни!» Юрия Беленького, сериал — он хоть и телевизионный, но делается «киношными» средствами. Видимо, имеются в виду мосфильмовские декорации, среди которых снимается фильм и ассистенты ищут постоянно теряющегося актера Игоря Бочкина («ЧП районного масштаба»). Потому что во всем остальном сериал от кинофильма бесконечно далек. Снимается он отнюдь не на кино, а на видео пленку, звук не дублированный, «грязный», потому что озвучивать весь фильм — слишком долго и трудно. Сюжет же достоин нашего времени: пятьдесят две серии мытарств ужасно цельного и «отсидевшего за марке-

тинг» главного героя. Но мытарства эти приводят бедолагу к логическому, по мнению Ю.Беленького, результату: он становится деловым и богатым, как Боровой и Тарасов, и намеревается даже участвовать в политических «раскладах». Зрителей ждет также небольшое потрясение: пафосная, «мужская» песня в исполнении... Филиппа Киркорова.

Вот такая «крутизна». Такой мы будем смотреть фильм.

Впрочем, его, конечно, можно и не смотреть — так же, как и другие «оперы». Но в таком случае придется развлекаться лишь информационными, политическими и экономическими передачами (сомнительный кайф). Потому что по телевизору перестали показывать нормальные фильмы. А тем, кто органически не приемлет марианн и изаур, и у кого в то же время нет «выдака», вечерами стало и скучно и грустно.

Елена АБЕРИНА

ИНОМАРКА... СДЕЛАННАЯ НА СИРИУСЕ

Как известно, Пермь — город аномалий. Стоит вспомнить П-ский треугольник — зону посадки всевозможных НЛО. А недавно Пермь стала родиной необычного изобретения. Впрочем, не совсем недавно. Изобретению тому — двадцать лет, а его автор Александр Бакаев был в свое время объявлен сумасшедшим и упрятан в психушку. Но полюса времени сместились, и бакаевский двигатель, работающий на воде (да-да, на той самой H₂O!), прошел испытание.

Фантастика? Возможно. Наблюдатели утверждают, что во время испытания фантастического преобразователя воды над трассой зависало несколько летающих объектов — энергетических шаров. Автомобиль на чудо-агрегате отмотал 20 километров. По расчетам изобретателя, у двигателя должны быть примерно такие характеристики: на 100 мл воды пробег 1000—1200 километров. За счет чего же он действует? Сие окутано мистической дымкой. Как, собственно, и образ самого Александра Бакаева. На свою

собственную пресс-конференцию изобретатель явился с некоторым опозданием и спокойно произнес: «Извините, меня задержали на Сириусе...»

Говорят, японцы предлагали Бакаеву за секрет экологически чистого двигателя 265 миллионов долларов. Бакаев отказался. Он хочет быть признан в России.

Юрий БЕЛИКОВ

«ТАЕЖНЫЙ ТУПИК»-2

Несколько месяцев назад в горы Алтая ушли семь молодых людей — три девушки и четыре парня. Они поселились в старом охотничьем доме у подножия ледников и возвращаться не намерены. Напротив, ждут, что к ним присоединятся еще несколько человек, причем с детьми. Пока отшельники ездят за продуктами в город, однако зимой «дорога жизни» исчезнет, и, значит, связь с цивилизацией будет полностью потеряна.

Только один из «беглецов» объясняет свой поступок желанием спастись в грядущей термоядерной катастрофе. Остальные не выдвигают

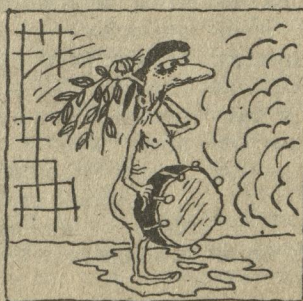
каких-либо вразумительных причин.

Знаменитые Лыковы жили в тайге полными отшельниками более полувека. Какой срок выдержат «новые робинзоны»?

Сергей ТЕПЛЯКОВ

КОНВЕРСИЯ В ПИОНЕРСКИХ КОМНАТАХ

Пионерские организации сегодня в школах — это не то, что раньше. Потеряли былые величие и помпезность. А в некоторых школах их вообще нет. Пылится пионерская атрибутика в специально отведенных комнатах. Начиная от горна и заканчивая барабаном.

Якутские водители «дальнобойщики» решили, что незачем добру пропадать, а посему принялись украшать кабины своих грузовиков горнами. От одного до трех горнов крепятся на внешнюю сторону водительской кабины, заменяя заводские клаксоны.

Горну применение нашли, надо подумать, куда бы приспособить барабан...

С.Т.

ЗНАЧОК С ШИРОКИМ ПРОФИЛЕМ

Продовольственный магазин «Рассвет» в Омске нашел остроумный выход из затруднительного положения; которое сложилось с мелочью. В обращение была запущена новая монета достоинством 40 копеек. Она представляет собой не что иное, как значок с профилем В.И.Ленина. В краткой беседе с продавцом удалось узнать, что монета имеет хождение только в данном магазине, однако его сотрудники настоятельно рекомендуют всем остальным торговым предприятиям города перейти на новый вид дензнака.

Эльза КЕПОЛАС

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ «СКЕЛЕТА В ШКАФУ»

Рабочий день благополучно подходил к концу, когда в кабинет начальника челябинского ГУВД В.П.Пустовойта забрел некто и поинтересовался, где бы ему заменить паспорт. Пустовойт, не отрывая глаз от рапортов, буркнул: «Дверь направо». Некто удалился.

Закончив дела, гражданин начальник открыл дверь гардероба, дабы надеть шинель... Однако помимо последней его взору предстал скорчившийся труп. Мороз прошел по коже бывалого милиционера, как написали бы мастера советского детектива.

Пустовойт принялсь обследовать покойного. В ответ покойный зашевелился и грязно выругался. Дальнейшее расследование показало, что «трупом» оказался тот самый беспаспортный, которого начальник отправил в дверь направо. Будучи в сильном подпитии, посетитель ошибся дверью и попал как раз в гардероб, откуда уже не сумел найти выхода.

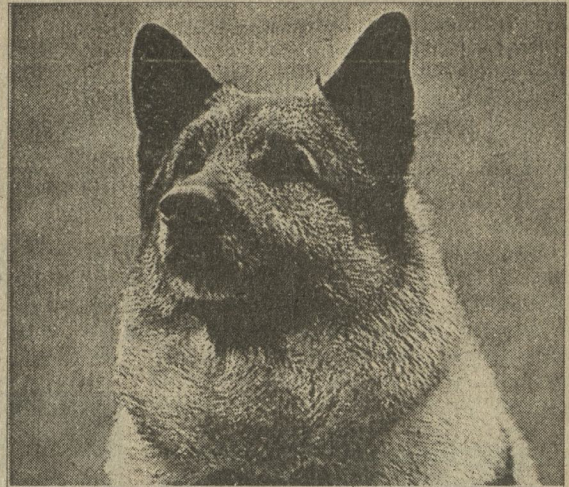
Виктор ЗОЛУХИН

МОЖЕТ ЛИ СУКА ПОДОРВАТЬ МАВЗОЛЕЙ?

Может. И не только сука, но и некоторые кобели, хотя, говорят, суки способнее. А утверждают это специалисты по дрессировке военного питомника «Красная Звезда». Качество его работы продемонстрировали их воспитанники на Первой Всероссийской выставке черных терьеров и московских сторожевых в подмосковном Дмитрове.

Зрители тихо удивлялись, что четвероногие участники показательных выступлений в наше смутное время еще выполняют хотя какие-то команды, невзирая на лица и национальность дрессировщиков. Надо заметить, что собаки умеют многое, из совершенно необходимого в нашей сегодняшней жизни: обезоруживают грабителей, минируют помещения, бегают с дозиметрами по зараженной местности, а также подрывают танки и БТРы.

Среди черных терьеров наибольшее число собак составлялось в открытом классе. Его победителями стали молодые, но достаточно известные собаки: Зомби и

Тер-Чикита-Треф.

Эксперты подтвердили, а зрители убедились в том, что давно подозревалось: поголовье сук много лучше поголовья кобелей. Все это не особенно радует. Особенно бледное впечатление (если не сказать более) произвели юниоры. Видно, перевелись на Руси не только настоящие мужчины, но и хорошие кобели. А единственной отличницей и победителем этого класса стала юная Голд-Ипси-Блэк Стар.

Будем надеяться, что со временем собак научат зани-

маться более мирными делами, нежели минирование подъездных путей. Но сегодня на дворе 1992 год, и нам в первую очередь нужны четвероногие друзья, способные защитить нас и наших детей от всех «прелестей» переходного периода.

Основной задачей выставки являлась оценка поголовья. Но для породы «московская сторожевая» она оказалась невыполнимой: в ринге было ровно «две с половиной собаки».

Борис ГЛЕБОВ,
Елена ГРИЩЕНКО

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Меня часто спрашивают: «Тебе не страшно? Смотреть на трупы, пересчитывать жертвы уличных войн, общаться со злодеями в следственных изоляторах?»

Я по складу характера, реалист и прагматик, не приемлю страусиных хитростей и всегда хочу знать наверняка, что происходит в объективной реальности. Если мир плох, то насколько он плох, кто виноват конкретно, каков он, виновник, из себя и, самое главное, есть ли из всего этого выход?

Так вот, труп или сидящий за решеткой преступник — это не страшно. Это всего лишь свершившийся факт, объект для отстраненного изучения, которому, увы, не поможешь и содеянного не исправишь.

Страшен процесс...

Теплым летним вечером

Елена САЛИНА

КОШМАР ОБРЕЧЕННОСТИ

мы с друзьями вышли прогуляться вокруг дома. На бульваре, возле самой дороги, стоял малыш лет двух-трех и с восторгом глядел на несущиеся мимо машины.

Как-то разом мы почувствовали себя неудобно. Ребенок стоял совершенно один, а машины мчались с колоссальной скоростью буквально в полуметре от него. Мы стали озираться — никого. «Мальчик, — тихонько, боясь испугать, зашептала моя по-

друга, — мальчик, иди сюда...»

И случилось ужасное. Этот кошмар до сих пор стоит у меня перед глазами.

Ребенок победно вскрикнул, как бы принимая игру, и с громким хохотом бросился на своих неуверенных еще ножках наперерез потоку машин.

Наши мужчины закричали, друг друга заплакала, я зажала виски ладонями и отвернулась, потому что знала т о ч н о, что увижу в следующую

секунду.

Но вопреки всякой логике ребенок добежал до противоположного тротуара. Кто-то из водителей вильнул в сторону, кто-то успел затормозить. А малыш, визжа от восторга, резко развернулся... и снова ринулся в автомобильную мясорубку. И еще, и еще раз — он так и носился челноком туда и обратно, пока все машины не остановились, а окрестности не огласились трехэтажным шоферским матом.

Тогда от дальнего дерева с трудом отделилась женская фигура. Загребая ногами, в дупель пьяная женщина кое-как доползла до дороги, взяла сына за руку и повела...

Страшно, когда не можешь изменить ситуацию. Но еще страшнее, когда менять ее бессмысленно. Этот ребенок обречен.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИТАЛЬЯНЦА В РОССИИ

Фото Э. Кудрявического

Три недели я путешествовала по незнакомому городу. Это был город, где можно пойти в любой ресторан, если ты голоден, взять такси, если спешишь, отправиться в ночной клуб, если хочешь развлечься. Город этот называется Москва. Москва валютная, Москва интуристовская. Она не скрыта от глаз, напротив, она слишком ярко выделяется на фоне нашей обычной жизни. Каждый день тысячи людей проходят мимо валютных магазинов, мимо мальчиков, торгующих сувенирами, мимо «метрополей» и «савоев». Все это существует рядом с нами, но для большинства из нас недоступно, как другая планета. И вот неожиданно для себя я оказалась в этой Москве.

Приезд

Мы договорились встретиться у Мавзолея, если будет хорошая погода, или в ГУМе у фонтана, если будет идти дождь. Каким-то образом Пино на второй день пребывания в Москве точно знал, где здесь надо встречаться.

Мой приятель — итальянец. Ему 31 год, он авиадиспетчер из итальянского города Римини на побережье Адриатического моря. У него есть ма-

ленький сын и жена, которая работает полицейским и ходит с пистолетом. Пино любит русскую литературу: Достоевского, Толстого, Гоголя, Солженицына и учит русский язык, чтобы читать их в подлиннике. Согласитесь, что это заслуживает уважения. В Москву он приехал с группой из 27 итальянцев на трехнедельные курсы в Институт русского языка имени А.С.Пушкина.

Этот институт и был первым ярким впечатлением Пино. «Ты знаешь, —

сообщил он мне серьезно при нашей первой встрече, — у нас в комнатах очень много маленьких животных».

— Серых и с хвостами? — спросила я, от ужаса забыв, как будет по-английски «крыса» (разговаривали мы большей частью на английском).

— Нет, — ответил он, — коричневых и с усами.

С этого дня в лексиконе Пино появилось слово «таракан».

Полюбовавшись еще некоторое время улицей Волгина, где находится

институт, и ее окрестностями. Пино перевел увиденное на язык европейских понятий и сообщил, что у них на Западе тоже есть такие места — районы бедности, наркомании и безработицы, куда нормальному человеку совать нос небезопасно. Единственное, чего он понять не мог, — зачем именно в этом районе понадобилось размещать Институт русского языка.

Но уже через несколько дней Пино с удивлением заметил, что среди этих свалок мусора, пустырей и безобразных строений ходят вполне приличные люди, некоторые даже в очках, с портфелями и хорошо одетые. И хотя по пути встречалось очень много «непривлекательных физиономий», решительно никто не всаживал себе в руку прямо на улице грязный шприц с наркотиком. После этого мой приятель повеселел и стал чувствовать себя более уверенно, возвращаясь по вечерам домой.

Надо сказать, что Пино — человек на редкость симпатичный. Живой, остроумный, непосредственный, он, несмотря на общепринятое мнение, что всякий иностранец — дурак, был очень неглупым и проницательным. К тому же он не собирался лить моем национальным чувствам, и если ему не нравились пьяные на улицах, всеобщая грубость и разный сброд, который ошивается вокруг валютных точек, то он так и говорил. Понравились же ему среди всего прочего: Кремль, старинные русские города, куда их возили на экскурсии, московское метро, песня Олега Газманова «Морячка» и лимонад «Лесная ягода». К тараканам он привык, понял, что появляются они большей частью по ночам, и каждый раз, по его словам, просыпаясь, приветствовал их: «Доброе утро. Пора вам уходить!»

Мы гуляли по дорожкам Загорска и Коломенского, по арбатским переулкам, по улице Горького. Потом Пино говорил: «Мне сказали, что здесь есть хорошее место, где можно пообедать. Оно называется «Арагви».

Ресторан

Десятки раз я проходила мимо этой двери, видела, как сторожат вход два швейцара, но ни разу мне не приходило в голову, что туда можно как-то проникнуть. Забавно, что пропуском в московскую шикарную жизнь стал мой скромный авиадиспетчер, в шортах, в сандалиях и с большой нарядной книжкой «Русские сказки», которую он держал в руках, потому что в сумку она не влезала.

Прежде всего нас спрашивали, каким образом мы собираемся платить. Услышав слово «доллар», беспре-

кословно проводили внутрь в зал, который всегда оказывался полупустым.

Итак, «Арагви». Называется все это «Дегустацией блюд грузинской кухни» и стоит на двоих 30 долларов. Столик был накрыт заранее, и стояло там не два, а четыре стула, так что первое время я ела с опаской, боясь, что придут остальные двое и скажут, что мы все у них съели.

Никакого намека на меню. Ни здесь, ни в других ресторанах, где мне пришлось побывать. Везде стандартный интуристовский набор: красная рыба, балык, холодный язык, ветчина. Из горячих блюд осетрина или киевские котлеты. (В «Арагви» шашлык, а из закусок еще лобио или сациви.) Если вам что-то из этого набора не нужно, можете не есть, но оплатить все равно придется. Иногда нас пытались лишить одного из двух главных компонентов — икры или шампанского. Но Пино свои права точно знал и восставал за справедливость.

Первый раз оказавшись в московском ресторане, Пино с интересом оглядывался по сторонам. Потом спросил: «Катя, как ты думаешь, кто все эти люди за столиками?»

— Я думаю, — ответила я, — что это криминальные элементы.

Он кивнул головой и убежденно сказал: «Да, я тоже так думаю».

К нашему столику подошел мужик с большой полиэтиленовой сумкой и на плохом английском языке стал предлагать нам купить у него десять банок черной икры. За соседним столиком пировала компания и растрепанная белокурая девица пыталась налить себе водки, а водку у нее отбирали, потому что девица и без того была хороша. В середине вечера по залу прошла жанчина, одетая так грязно и безобразно и шествовавшая при этом так медленно и торжественно, как будто она хотела сказать: «Хоть вы тут и икру жрете, а я все равно буду ходить, как мне нравиться!» В руках у нее была половая тряпка.

После обеда мы с Пино на минуточку разошлись в разные комнаты. Когда я увидела его снова, на лице у него было то растерянное и смущенное выражение, которое бывает у иностранца, посетившего советский туалет.

— Интересно, — спросил он, — если ужин на двоих стоит 30 долларов, почему они не могут положить в туалет пипифакс?

Честно говоря, я очень люблю красивую жизнь. Мне очень нравится подниматься по лестнице «Праги», отражаясь в зеркалах. Я люблю, когда в ведерке приносят шампанское и в вазочке черную икру. И надо брать ломтики поджаренного хлеба, мазать их

маслом, которое тут же начинает подтаивать, и ложечкой класть эту икру. И филе осетрины, обжаренное в сухарях и свешивающееся с обеих сторон тарелки, было очень хорошим. Но, доедая в той же «Праге» эту осетрину и прекрасно понимая, что я должна чувствовать себя вполне счастливой, я задумывалась, чего же все-таки мне здесь не хватает. И наконец сообразила. Веселья. Блеска. Ощущения праздника. Я ведь ресторанный жизнь изучала большей частью по художественной литературе, причем дореволюционной. «Жизнь в Стрельне, у Яра, только начиналась. Весело было входить туда, в огни, тепло, блеск зеркал, теплый воздух, пахнувший сигарами, шампанским и жареными рябчиками, отряхивать морозный снег с мехов...»

А тут... Четверо бизнесменов, трое русских, один «кавказской национальности», чувствуют пятого, «нашего друга Анджея из Польши». Сначала говорят о делах, потом напиваются и начинают вяло обниматься и клясться друг другу в вечной любви. Справа тихая, всего на несколько человек свадьба. Вполголоса кричат «горько!». В туалете ругаются ошалевшие от жары проститутки. Потом они мирятся и начинают красить губы и ругать какого-то Костю.

И это все? И это наша «сладкая жизнь»? Как она, однако, малособлазнительна! Стоит ли губить свою бессмертную душу для того, чтобы каждый день видеть такое количество жлобских физиономий?

— Могу с уверенностью сказать, что, вопреки всем законам логики, чем более недоступной становится наша шикарная жизнь для нормальных людей, чем дороже она стоит, тем ниже ее качество. Избранное общество очень уж у нас своеобразное. Что касается обслуживающего персонала, то все, что каким-то образом соприкасается с большими деньгами, особенно валютой, приобретает оттенок омерзительного, неуловимого хамства. Редко когда мне приходилось слышать столько мата. Очевидно, необходимость время от времени произносить минимальное количество вежливых слов, да еще на английском, ужасна для советского человека и нужно таким вот образом ее компенсировать.

Те, кто при этом представляет частный бизнес (например, продавцы сувениров на Арбате), выглядят еще прилично. Они, по крайней мере, показывают, что в вас заинтересованы. Если вам нужен браслет из янтаря, а имеются только серьги, то девица за столиком побежит и достанет откуда-то этот браслет, а если вы станете торговаться, то она будет кокетни-

чать и просить «помочь ее бизнесу». Но все, кто зарабатывает деньги, работая в государственных структурах — швейцары, метрдотели, таксисты, — это полный кошмар.

Такси

С первого же дня нас с Пино объединила страстная ненависть к московским таксистам. И здесь опять-таки частники лучше. С ними можно поторговаться. Водитель в машине с шашечками одарит нас великолепной улыбкой: «От «Интуриста» до Белорусского вокзала? За сто пятьдесят рублей? Несерьезно! Гоните пять баксов».

Пино в таких случаях не хотел платить доллары из принципа. Однажды в магазине он гордо прошел мимо валютной секции, торговавшей сувенирами, объяснив: «Я еще понимаю, когда уличные торговцы просят доллары. Но это государственный магазин, и они обязаны торговать за рубли!»

Интересно, что иностранцы, оказавшись в Москве, часто проявляют куда большую проницательность, чем наш народ с его скотским терпением. Просто они с детства не привыкли, чтобы над ними издевались. Один мой знакомый, немецкий бизнесмен, увлеченно рассказывал, как он боролся с московскими таксистами. Услышав слово «доллары», он кивал головой, садился в машину, затем просил остановить ее у ближайшего милиционера, выходил, объяснял, в чем дело, и требовал составить акт.

Немец этот был человеком практическим. Не думаю, что он всерьез рассчитывал перевоспитать в городе всех таксистов. Но, очевидно, его законопослушная бургерская натура не могла вынести того, что на его глазах происходит явное нарушение закона и он сам этому способствует.

Пино был итальянец, и в милицию мы никого не возили. Просто первой к машине подходила я, называла место назначения, и, если цена оказывалась приемлемой, мы с Пино садились внутрь, предоставляя водителю, услышавшему иностранную речь, шипеть и корчиться от злости.

И как они страшно ездят! Как мчатся по мокрой мостовой, как едут на красный свет, как шахаются от них пешеходы. Наиболее ненавистное мне проявление так называемой русской души: когда таксист, открыв окошко, чудовищным трехэтажным матом обложит слишком медленно, по его мнению, переходившую улицу (на зеленый свет, разумеется) старушку. После чего, обернувшись ко мне, поинтересуется, что иностранцы думают о Боге, конце света, о душе... Когда однажды мы с Пино не могли

поймать такси и спустились в метро, я почувствовала значительный душевный комфорт.

Покупки

За день до отъезда мы, как положено, отправились за покупками. В первую очередь Пино попросил отвести его в ЦУМ. Я решительно не понимала, что ему там делать, но просьбу его выполнила.

Возле секции головных уборов Пино вдруг устремился к прилавку. В отделе среди прочего продавались шапки типа той, в которой Михаил Сергеевич Горбачев в первые годы своего правления появлялся на трибуне Мавзолея. Черные, каракулевые, они носят веселое прозвище «Абрам-царевич». К этому-то царевичу мой итальянец бросился как родному, восклицая: «Аппарат! Аппарат!» После чего примерил ее на себя, посмотрелся в зеркало и снял, с грустью сказав: «Нет. Это было бы слишком смешно».

Как я поняла, классический имидж России в глазах иностранцев за последние 70 лет несколько изменился. Если раньше по заснеженным степям под колокольный звон скакали казаки, то теперь по тем же равнинам, под тот же звон на черных «Волгах» едут аппаратчики и генералы КГБ. В одном из коммерческих киосков Пино купил игрушечную модель черной «Волги». Я сообщила ему, что именно на таких машинах катаются у нас большие начальники, на что он с гордостью сказал: «Я знаю!»

Еще в России надо покупать механические часы. Их надо каждый день заводить, к тому же они тикают, то есть выглядят гораздо человечнее, чем электронные. Но механические часы на Западе стоят дорого. В Москве же их можно купить за полторы тысячи рублей или даже дешевле. Из этого следует, что Пино приобретал их десятками, чтобы раздаривать всем близким и знакомым.

Потом мы отправились на штурм Арбата. Арбат мы брали хорошо и шумно, тем более, что к нам присоединился приятель Пино, толстый и веселый Антонелло. Прежде всего была куплена десантная форма — потому что в ней будет очень хорошо в Италии ходить по лесу. Затем — книги «Эрмитаж» и «Третьяковская галерея», компакт-диски с записями «Катюши» и «Подмосковных вечеров». (Искали еще «Гимн Советского Союза», но не нашли.) Матрешки, разумеется, палехские шкатулки и, самое главное, огромный, очень тяжелый армейский бинокль. Пино долго торговался, проверяя качество, направляя его то на кинотеатр «Художест-

венный», то на высотку на Смоленской, и, наконец, приобрел за 40 долларов. «Зачем тебе в Италии бинокль?» — «Чтобы ловить рыбу». Увидев мой недоумевающий взгляд, он объяснил, что рыболову трудно найти на берегу подходящее место, приходится долго ходить, а имея военный бинокль, можно сразу оглядеть все окрестности.

После этого Пино стал смотреть на меня с беспокойством, повторяя: «Ты, наверное, думаешь, что связалась с двумя сумасшедшими итальянцами?» И объяснил, что итальянцы — самые лучшие покупатели сувениров («Это не значит, что мы самые богатые») и что во всех странах продавцы очень их за это любят и, увидев итальянца, думают: «Иди сюда, мой милый!»

Еще мы хотели купить балалайку, но в сумках уже не было места. Шел проливной дождь, Арбат закрывался. С тяжелыми сумками, промокшие, уставшие, мы отправились в «Интурист», в ресторан «Золотой зал», и упали на бархатный диванчик. Принесли закуски, принесли шампанское. В зале потушили свет, зажгли свечи. И началось шоу с кордебалетом, выступлениями поп-групп и танцами див.

Потом исполняли песни по заказу. Тут я заметила, что Пино, положив голову на руку, что-то очень внимательно слушает. Я тоже прислушалась.

*И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то же:*

*Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.*

К подъезду «Интуриста» причаливали блестевшие от дождя машины и медленно отъезжали, увозя пассажиров в темные московские дали.

Ничего, родная! Успокойся.

Это только тягостная бредь.

*Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб тебя не видя, умереть.*

Внизу в холле иностранцы звонили к себе домой — в Лондон, Венецию, Стокгольм, и, ожидая хозяев, по ковру бегала маленькая собачка.

*Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.*

*Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.*

Закрывались валютные киоски с сувенирами, и в темноте поблескивали пасхальные яйца, палехские шкатулки, янтарь.

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет...*

На следующее утро они улетели в Италию.

ЗА ЧТО НАС ЛЮБЯТ АНГЛИЧАНЕ И НЕ ЛЮБЯТ ФРАНЦУЗЫ

Было это в начале восьмидесятых годов. После окончания института я служил в армии, в одном из зенитно-ракетных полков ПВО в должности заместителя начальника расчета...

В главном зале командного пункта царил покойствие. «Готовность два», аппаратура выключена. Но хорошее не может длиться долго, и атмосфера спокойствия рассеялась с появлением в зале начальника КП капитана Григорьева.

— Почему вы не на политбеседе, товарищ лейтенант? — вкрадчиво-вежливым и, как всегда, негромким голосом осведомился Григорьев.

— А я в курсе всех событий в стране и мире, — стараясь говорить как можно небрежнее и увереннее, ответил я. — Регулярно слушаю «Голос Америки». И даже смотрю иногда программу «Время» — когда дежурю.

Однако стрела моего сарказма не достигла цели. В этом плане капитан Григорьев был непробиваем.

— Идите в ленинскую комнату, — ровным голосом велел он мне.

— Я же дежурный техник! — понимая тщетность своих усилий, попробовал все-таки отвертеться я. — А вдруг империалисты налетят?!

— Идите, идите, товарищ лейтенант.

Спротивление было явно бесполезно, и я неторопливо покинул зал. Войдя в «ленкомнату», спросил у замначпо разрешения присутствовать (на краткий миг понадеявшись на отказ), вышел свободный стул, сел и настроился на дремоту. По своему армейскому опыту я знал — отключка должна была наступить после пяти-десяти минут речевого воздействия на мой мозг, как необходимая защитная реакция организма.

— ...Вот сейчас вражеская пропаганда уверяет, что у нас в стране трудности с мясом, — вещал сонным солдатам со страстным воодушевлением и эмоциональностью замначпо. — Я вам по секрету скажу: через два-три месяца мяса во всех магазинах будет навалом! Вы можете спросить — откуда же оно вдруг возьмется? Докладываю: сейчас у нашего крупного и мелкого рогатого скота эпидемия! У всех — коров, лошадей, свиней! Их зарежут и пустят на мясо трудящимся!

От такого пассажа я не только не впал в отключку, но даже наоборот — непроизвольно издал нечленораздельно-изумленный возглас, разбудив этим половину близблиздевших солдат.

— Вы имеете спросить — как же можно продавать советским людям заразное мясо? — повернулся в мою сторону замначпо. (На лице — торжествующее удовлетворение.) — Вы, надеюсь, не забыли, что советская наука не стоит на месте?!

— Нет-нет, как можно об этом забыть! — я усиленно замотал головой, отводя подозрения в неверии в славную советскую науку. — Конечно, наш скот самый рогатый в мире!

— Да, так вот, товарищи... Мясо убитого скота обработают специальными лучами! — снова бросив пронизывающий взгляд на меня, замначпо веско добавил: — Ультра-фи-о-летовыми!

Должен заметить, что столь необычная информация потрясла лишь меня одного. Остальные «слушатели» пребывали в полнейшем равнодушии.

— ...Обстановка в мире продолжает оставаться напряженной! — замначпо внезапно резко изменил курс своей «лекции». — Особенно в районе Ближнего Востока! Вот, например, мы с вами, товарищи, несем нелегкую службу. Охраняем воздушные рубежи нашей социалистической Родины. Но некоторым товарищам приходится еще тяжелей... Вы, конечно, не знаете — поскольку это широко не разглашается, — что в Красном море уже несколько лет заперт наш флот. Несколько десятков кораблей, включая два линкора. Они пришли туда с целью оказания мощной поддержки нашим братьям-арабам в войне с Израилем. А теперь их оттуда не выпускают!

— Кто? — вырвалось у меня.

— Я не имею права назвать эту страну... — таинственно понизив голос, ответил замначпо. — Это может вызвать конфликт с очень серьезными последствиями...

Я остался сидеть с отвисшей от недоумения челюстью, а замначпо стал красочно описывать ужасы, выпавшие на долю экипажей наших линкоров и эсминцев: шестидесятиградусная жара, тайфуны, мухи цеце и крокодилы...

— А чем же питаются наши моряки? — немного придя в себя, поинтересовался я. Но смутить опытного политработника оказалось невозможно.

— Довольствие им доставляют на вер-

толетах, — без запинки парировал мой выпад замначпо. — Так же вывозят увольняемых в запас и привозят им смену.

Упоминание «увольняемых в запас» встрепенуло часть солдат. Однако, сообразив, что лично к ним это все-таки не отнесится, они вновь успокоились.

— ...А вот возьмите, к примеру, разработанный в США самолет-невидимку «Стелс»! — замначпо торжествующе обвел взглядом присутствовавших, нимало не смущаясь их апатией. — Поскольку он невидим для локаторов, нам придется по всему периметру нашей границы построить сторожевые вышки высотой пятьсот метров, на которых будут круглосуточно дежурить наблюдатели с биноклями! Каждая вышка обойдется в полтора миллиона рублей. Представляете, какие расходы предстоят нашему государству! Такими вот методами империализм пытается ослабить нашу экономику!

Эта тирада меня добила. Я уже не позволял иронизировать над очередной порцией комиссарского бреда. Бесполезно — у него вздора и ахинеи припасено столько, что вовек не разгрести. Да и какой смысл? Его от стремления нести чушь и околесицу все равно не отучишь...

— ...Очень значительным фактором, влияющим на международную обстановку, является отношение к нам, советскому народу, народов других стран, — вещал между тем замначпо. — Вот, например, англичане — они относятся к нам с сильной симпатией, можно даже сказать — с любовью! А как вы думаете — почему?

Я тупо смотрел на носки своих сапог, устав даже удивляться комиссарским «откровениям». Остальные тоже не горели желанием поддержать «беседу».

— Дело в том, что английская королева, как и все англичане, очень любит лошадей! А мы ей подарили самого породистого скакуна — другого такого в мире нет! — победно изрек замначпо. А затем в его голосе прозвучала досада, перешедшая в исполненный душевной боли трагизм: — А вот французы нас ненавидят!

— Так подарить ихнему президенту конягу — и дело в шляпе! — буркнул я негромко.

— Да не любят они лошадей! — расстроено отреагировал замначпо. — Французы — народ очень сентиментальный, они обожают собачек и кошечек! А наши дети, как вы сами знаете, часто мучают кошек и собак. А французские корреспонденты фотографируют это и постоянно публикуют такие снимки в своих газетах — вот поэтому-то французы нас и ненавидят!

Не знаю, сколько еще столь же интересного мог бы поведать нам замначпо, но его потрясающая лекция была безжалостно оборвана сиреной...

В. СТАРОСТИН,
старший лейтенант запаса

Москва

«ОТКУДА ПРИДЕТ СПАСИТЕЛЬ?»

С интересом смотрел телевизионный фильм Станислава Говорухина об Александре Солженицыне. Согласен со многим, что говорил писатель; но немало у него, на мой взгляд, спорного, упрощенного. Вот, например, говорит Солженицын, что Россию спасет провинция, оттуда, мол, придут новые, здоровые силы. Мысль не новая — ее любят обгрызвать и «патриоты», и «демократы». При этом обычно вспоминают Минина с Пожарским, как спасли они со своим «провинциальным» войском Россию, прогнали супостатов.

Но почему забывают, что из провинций, например, объявился и Гришка Распутин, что именно из «глубинки», из Симбирска пришел к власти Владимир Ульянов, который со товарищи (тоже, кстати, в большинстве — «провинциалов») залил Россию кровью? И разве не провинция дала нам последующих правителей высшего ранга? Не отсюда ли вышли и Хрущев, и Брежнев, и Сулов, и Горбачев, и Лигачев, и Полозков — несть им числа? И сегодня Ельцин, Руцкой, Бурбулис и многие другие, от которых нас, по мнению оппозиции, должна спасти провинция, тоже из этой самой российской «глубинки».

Я знаю провинцию не по газетным статьям — родился и всю жизнь (50 с лишним лет) живу в Вологде. Кроме, правда, пяти лет, которые учился в московском вузе. Мог, между прочим, остаться в столице, благо еще студентом женился на москвичке. Но уехал на родину и жену столичную с собой увез. Ни она, ни я об этом не жалею. Так что имею право судить о провинциальной жизни и нравах.

Да, провинция сохранила больше русской самобытности, она, что называется, «ближе к земле», к народной культуре, здесь меньше суетности, здесь человек, как правило, весь на виду. Все так. Но и здесь жизнь жесткая, часто жестокая. И к власти — пусть местной для начала — приходят обычно отнюдь не грядущие спасители России. Здесь часто ниже образовательный и профессиональный уровень (особенно в маленьких городах, на селе), люди меньше информированы и потому в большинстве своем очень неохотно соглашались на какие-то перемены. Обратите хотя бы

внимание на то, где жгут фермерские хозяйства — тут, в провинции. Чтоб не жил сосед лучше тебя, хоть и своим трудом. Так есть, и так было. Сегодня многие, включая Солженицына, с восхищением вспоминают стольшпинскую реформу. Но родилась-то она как раз в столице, а захлебнулась как раз в провинции.

И не надо нас, провинциалов, идеализировать. И заигрывать с нами тоже не надо. В одной стране живем, так что нечего ждать. Вологда или Нижний Новгород, Тверь или Омск дадут России достойных политиков? А если Москва или Санкт-Петербург — значит, не годится? Нам же целое ПОКОЛЕНИЕ, по-новому мыслящее, надо вырастить. И в столицах, и в областных центрах, и в дальних поселках. Вот в чем будет спасение.

г.Вологда

В.КУБАНОВ

КАК ВЫБИРАТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Не в столь отдаленном прошлом советские журналисты немало излили желчи на западную демократию в связи с тем, что ТАМ, «за бугром», президент может быть избран всего лишь третьей частью избирателей (но большинством из тех, кто явился на избирательные участки). На фоне наших традиционных 99,9 процента «за» выглядело это, конечно, нелепо и смешно. Тогда же ставился резонный вопрос: «А может ли такой президент говорить от имени всего народа?»

Можно, разумеется, все эти «докужие разлагольствования» списать на тоталитарное, недемократичное мышление. Но все-таки, согласимся, проблема существует. Особенно для нашей страны, где неучастие в каких-либо выборах довольно часто является специфической формой протеста.

Но в то же время нельзя продолжать выборную кампанию до бесконечности, добываясь поддержки того или иного претендента большинством избирателей.

Какой же выход? По моему мнению, Конституция Российской Федерации, проект которой крайне вяло обсуждается в средствах массовой информации, должна предусмотреть сокращение вдвое (то есть до 2,5 лет) срока полномочия того президента, который избирается не

большинством населения (но, разумеется, большинством тех, кто участвовал в голосовании). При этом такой президент не должен надеяться никакими дополнительными полномочиями. Следует предусмотреть и эффективную процедуру контроля за выполнением и президентом, и депутатами всех уровней той программы, тех обещаний, с которыми они выступали в ходе предвыборной кампании. Как бывает на самом деле, мы все очень хорошо знаем.

Л.ПОПОВ

Орел

РАЗВАЛИВАЕТСЯ ЛИ СТРАНА?

«Академкнига» на Тверской. Мне нужно подтвердить полученное открыткой предложение выкупить пятый том блоковского «Литературного наследия», ибо стоит он теперь 360 рублей. На втором этаже две наманкиуренные девицы, вальяжно развалившись в мягких креслах, ведут неторопливую беседу. Прошу их показать проспект дорогостоящего «Наследства» и слышу в ответ более чем раздражное: «У нас нет». На мое недоумение (все-таки «Академкнига») следует объяснение: «А вы что, не знаете, что страна разваливается!» После моего гневного похода к заместителю директора магазина и ее грозного внушения девицам одна из них — все с прежней томностью — проспект книги достала. И у меня на глазах перестала разваливаться страна.

Магазин «Книжный мир» на Мясницкой. С изумлением обнаруживаю большую стопку нераспроданных книг замечательного, недавно открытого нами поэта Арсения Несмелова. Цена (в твердом переплете!) — два с полтиной.

«Литературная газета». Литератор Игорь Золотусский в номере от 5 августа этого года пространно беседует с писателем Владимиром Максимовым. Тема беседы все та же — «страна разваливается, и это ужасно».

Так, может, лучше всю полосу «Литературки» отдать настоящим поэтам, писателям, критикам. Вернее — настоящим их произведениям, а не рассуждениям о «гибнущей России». Тому же Арсению Несмелову — в целях рекламы, чтобы читатель знал о поэте и его книге.

Тогда, возможно, и не придется

всем нам беспрестанно повторять: «Страна разваливается!» И патетически закатывать глаза...

Л.ГОРЧАКОВА

Москва

ОСЕННИЕ ОБНАЖЕНИЯ

(О «женихах Изауры» и прочих чудесах)

Кончилось лето. Наступила осень с ее нарастающей грустью, переходящей в печаль, с ее обнажениями и, наконец, чистейшей правдой первого снега.

Ну вот, Ельцин устами Назарбаева признался: мы строим рыночную структуру капиталистического типа. Спасибо за определенность. Случилось это в самом конце августа. Но к чему было так долго уходить от прямого ответа? — А все для того, чтобы, пока мы шарахались между поисками смысла в происходящем и отрицанием всяческого смысла, кто-то из числа посвященных успел натаскать с развалин старого мира вполне добротного стройматериала и уютно этап встроился в текущий день. Ему хорошо. А мне?.. Не очень. Даже очень нехорошо. Не потому, что не успела одной из первых примчаться на развалы за шакальской добычей, не потому, что характер завистливый, не потому... А просто — нехорошо, словно воздуха не хватает или словно бы закис он и протух донельзя. Он ведь и в самом деле закис и протух от переизбытка в нем лицемерной лжи... Неужели бы я, «задрав штаны...» носилась года три-четыре назад по митингам демократов, неужели бы агитировала своих ближних отдать голоса за Ельцина, знай, что замысливалось воздвигнуть на обломках коммунистического самовластья? Неужели у наших лидеров была стопроцентная уверенность, что население не увлечется капиталистическим завтра, если они тащат нас туда буквально за рога этиким костюмированным способом?

Увы, в свете этого столь масштабного обмана совсем прозрачными становятся обманчики типа ваучеризации всей страны. Совершенно четко прочитывается смысл этой «милосердной» акции, призванной сыграть роль дымовой завесы, отвлекающего момента от осенних экспансий оппозиции и все более разъяряющегося люда. В лучшем случае — это приятная иллюзия причастности к всеобщему делу

обогащения для тех, кто сам обнаживаться рад. Но я, в отличие от Александра Сергеевича, не умею радоваться, когда меня надувают. Всем известный «товарищ водитель такси», бывший депутат бывшего СССР Леонид Сухов, сурово сдвинув брови, однажды изрек: «Мы народ, нас много... мы простые и упрямые. И политики из нас такие же получают». Так вот, «простые и упрямые» на митинге партии «Трудовая Россия» 26 августа, собравшись под проливным дождем большим решительным массивом, уже призывали записываться в рабочие дружины. (Телевидение, небрежно скользнув камерой по митингу, этот момент умолчало. А зря...) Простые и упрямые, несмотря на всеобщую недооценку их ментальности, совершенно зеркально поняли поразительный ответ вице-премьера России А.Чубайса на вопрос, не опасается ли правительство, что люди, имеющие много денег, скупают ваучеры у тех, кто бедствует: «Скажу откровенно: мы об этом мечтаем, на это направлены наши серьезные усилия» (журнал «Столица», № 34). Спрашивается, для чего огород городить? Картина вырисовывается вот какая: к концу года, наносившись с ваучерами в зубах из конца в конец остаточной России, мы швырнем их в пасть какой-нибудь частной фирмы по скупке этих самых бумажек почти за бесценок. Там спрессуют эти бумажки в тугие тюки, загрузят в товарный состав и вывезут это добро... на свалку. Концы в воду — сказочке конец. Очень и очень скоро, как дым, как утренний туман, развеет наша память кокетливое слово «ваучер». А громокипящая осень минует, не принеся никакого вреда тем, кто соорудил этот бумажный заслон.

По тому же примерно сценарию осенью произойдет и еще одно судьбоносное событие — принятие закона о частной собственности на землю, столь вождельного для сильных мира сего... закона, пришедшего в тогу мученика и страдальца. Нам-то с вами что до него?! Нам и квадратного сантиметра — по ценам таким — не купить. Все по Монтеню, изрекшему четыреста лет назад примерно следующее: чем больше все изменяется, тем более остается на месте. Одни, как всегда, катаются, другие, как всегда, сапочки возят. А чтобы мы осенью не очень на богатеньких дулись, когда те начнут землю приватизировать, подмаслят нас «женихами Изауры» — так остроумно обозвал народ

уже пресловутые ваучеры.

Обижаться ли нам на тех, кто беззащитно нас надувает? Чего от них ждать иного... Еще год назад опять же журнал «Столица» (№ 28) устами публициста М.Глобачева резюмировал: «Перестройка... с самого начала была наступлением с обманными маневрами». Лозунги перестройки можно считать вполне воплощенными: «Для «верхов» — больше экономической независимости и свободы от политических догм. Для «низов» — больше унижений, нищеты и смертей». (Там же.)

Не спешите выбрасывать старые журналы!

Я пишу это в первый день нового учебного года. Сегодня День Знаний. Так не забудем и мы, взрослые, тех уроков, которые уже получили. Душа-христианка не соглашается с тем, что выхода нет, кроме как в капитализм. Скорее всего, его уже нет вообще. Я боюсь разрастания нашей трагедии в транстрагедию: очень уж все укладывается в предсказание знаменитой индийской ведуньи Мадхоби Ма, предрекшей в последующие десять лет уничтожение половины населения планеты от «черного человека на коне, сеющего смерть и разрушения». Предсказание было сделано в 1990 году. Как видим, счет открыт.

М.НИКОЛАЕВА

Москва

Самый большой телевизор!

Лучшая в СНГ видеопроекционная техника с диагональю экрана от 120 до 250 см. За дополнительную плату встраивается адаптер, позволяющий выводить на экран информацию с компьютера. Учебным заведениям — скидка.

Телефон:
928-99-09

Дмитрий КРЫЛОВ:

«И ТОГДА ВСТАЛ ВОПРОС О МОЕЙ ПРОФНЕПРИГОДНОСТИ»

Фото А. Маршани

Даже те, кто не смотрят «Богатых» и «Санта-Барбару», считают ниже своего достоинства разбираться в бесконечной телепопсе, не верят ни астрологическим прогнозам, ни статистическим выкладкам института Нугзара Бетанели, а итоги подводят сами, — словом, презирают «ящик», на самом-то деле являющихся едва ли не самыми прилежными телезрителями, потому что так не любить можно только то, что хорошо знаешь. Вот и со мной случилась смешная история. Мало того, что моим собеседником оказался популярный телеведущий Дмитрий Крылов. Мало того, что выяснилось, что я видела и совершенно для себя неожиданно

запомнила массу передач с его участием. Мало того, что он меня просто очаровал. Всего этого мало, главное — что беседовали мы неподалеку от включенного телевизора, совершенно не обращая на него внимания. Кто-то переключал с одной программы на другую, делал то громче, то тише. Когда я дома стала расшифровывать записи беседы, то оказалось, что телевизионный фон отлично записался, а местами даже забывает речь. Символично, а? Начиналась пленка так: «Приглашаем к телеэкранам ребят. Их ждет фильм Ассоциации детского телевидения «Как стать звездой».

— Мне всегда было интересно, откуда берутся звезды. Расскажите, Дима, что вы делали до того, как появились на экране в роли ведущего «Спутника телезрителя». Где учились, кем работали?

— Начало у меня было совершенно неинтересное — школа, армия... Хотя я довольно рано придумал, что хочу стать кинорежиссером. Но даже и речи об институте не было — меня с трудом вытянули в школе, закончил на тройки.

— Вот это да! Вы были хулиганом?

— Я был жутко ленивый и какой-то бестолковый. Запустил учебу где-то в пятом классе, так и не выкабался.

Года два после армии я где-то что-

то делал, даже снимался как манекенщик для «Журнала мод».

— ?

— А что — я был моложе, стройнее, занимался в театральной студии. А работал тогда дворником в Министерстве культуры. Был и осветителем, и еще бог знает кем. Пока не пришел в концертный зал «Россия» помощником режиссера и в это же время поступил на режиссуру эстрады в ГИТИС. Потом даже год работал на кафедре, преподавал. А на телевидение попал случайно. Действительно случайно: шел по улице, встретил Мишу Задорнова. Он спрашивает: «Как дела?» Я отвечаю: «Как — работаю на полставки в ГИТИСе за 55 рублей, снимаю комнату за 45, вот такие мои дела». А он го-

ворит: «Не хочешь пойти на телевидение? Там сейчас освободилось место редактора развлекательных программ в «литдраме?» Он поговорил с начальством, и меня взяли. Я должен был делать развлекательную программу взамен «Кабачка 13 стульев». Это был самый пик застоя, и ничего у меня не получалось — никто из драматургов и эстрадных авторов не хотел идти, потому что знали, что все вырежут. Года полтора так продолжалось, пока я не вышел на Марка Розовского, который согласился, и мы сняли передачу «Золотая рыбка». Ну, это не была победа советского развлекательного телеискусства, рыбка оказалась с запашком, хотя в ней были какие-то любопытные вещи, ведь Марк Розовский человек

одаренный и с буйной фантазией. Тогда встал вопрос о моей профнепригодности — мне уже предложили уйти, но тут подвернулся «Спутник телезрителя».

«А сейчас, дорогие телезрители, послушайте анонс наших дальнейших передач».

Эту анонсирующую программу должны были делать все редакции по очереди, но никто не хотел, а я сделал, и она понравилась. Тогдашний зампред Гостелерадио посмотрел и сказал: «Пускай вот этот «борода» и делает ее все время». Четыре с половиной года я делал «Спутник». Это было интересно, хотя я света белого не видел, но, как говорится в одном из монологов Жванецкого, «зато приобрел опыт». Как-то я даже подсчитал, что за это время сделал около полтора тысяч сюжетов рекламного характера по полторы минуты.

— А потом «Спутник» стал «Телескопом»...

— Да, началась перестройка, и я тогда снял какой-то безразмерный — двухчасовой выпуск первого «Телескопа». Я в нем был и остаюсь одновременно и ведущим, и режиссером, и автором. И название сам придумал.

— А я помню тот выпуск. В нем было много замечательных рубрик. Например — покаяние.

— Я не сам придумал эту идею. Несколько лет назад мне попалась на глаза заметка в «Московских новостях». В ней рассказывалось, что на одном западном радио — не помню каком — есть ежедневная утренняя передача всего на несколько минут, но она пользуется в своей стране большой популярностью. Там знаменитости рассказывают о своих не самых красивых поступках. Мне в тот момент показалось это интересным. Увы, в эфире пошел только один сюжет с Познером. Мы записали еще Валентина Сергеевича Зорина, но из-за технической накладки ролик стерся. А идею подвергли острой критике на летучке.

— Испугались, что придется каяться?

— Может быть. Ведь это требует большого мужества, экран сразу проявляет ложь. Не получится показаться в том, что ты украл копейку, а умолчать об убийственной старушке.

— А вам есть в чем каяться?

— О, еще бы, конечно.

— Но вы не стали подавать пример?

— Думаю, моя исповедь не была бы столь интересна и полезна людям. Если бы я ощущал себя какой-то значительной личностью, я бы сказал, что надо начинать с себя. Да... Это то, что называется вопросом на засыпку.

«Завершает нашу программу музыкальная передача для полуночни-

ков».

— А вам часто приходится врать с экрана?

— Я этого ужасно не люблю, но иногда приходится. И самое удивительное, что за ложью обычно следует мистическое наказание. Помню, я вел в прямом эфире первую передачу телеигры «5 плюс» и соврал.

— Это передача, где знаменитости, снизошедшие до публики, за выступление получают роскошные подарки от спонсоров?

— Да, а собранные средства идут малоимущим. Передача снималась в канун Пасхи, и я сказал, что хоть по церковным канонам в этот день еще продолжается пост и нельзя развлекаться, но один церковный иерарх сказал мне в личной беседе, что «5 плюс» — дело богоугодное, — соврал, я ни с кем не разговаривал. И тут прервалась техническая связь с «Останкино». Прямой эфир не получился, а передача вышла только на следующий день.

— «5 плюс», конкурсы красоты, песни, телеигры, концерты... Вас не унывает ведение программ, далеко не всегда высокого уровня?

— Некоторые конкурсы и концерты я веду только из-за денег. Иногда соглашаюсь, чтобы поддерживать себя в форме, ведь очень легко забываешь, что такое камера и общение со зрителями, если выходишь в эфир только раз в месяц. Потом, ведение концертов позволяет мне избавляться от скованности, от мандража.

— А мандраж все еще есть?

— Конечно, даже мои коллеги, часто работающие в прямом эфире, волнуются, попадая на шоу. Кроме того — это просто интересно. Это еще одна сторона жизни, которой не перестаешь удивляться. Кстати, ведение конкурсов иногда приносит свои дивиденды. Весной я вел с Таней Веденевой музыкальный фестиваль «Ступень к Парнасу», и спонсоры подарили нам по замечательному подарку: ей — поездку на Канарские острова, а мне Аэрофлот предложил слетать на Майами и отдохнуть там в отеле для летчиков. Я очень обрадовался, но сказал, что мне неинтересно просто отдыхать, и мы договорились, что я смогу проехать аж по трем городам. Буду снимать в Майами, Бостоне и Нью-Йорке. Бостон Аэрофлот не обеспечивает, но как раз ведение конкурсов и тому подобного дает возможность мне заработать на билеты, съемки и т.д.

— Разве ваши поездки не оплачивает телевидение?

— Нет, оно не платит даже суточных, «Останкино» сейчас бедное, и я не в претензии, хотя обидно: я сделал четырехсерийный фильм о Лондоне,

знаю, что многим зрителям он понравился, и я работал с удовольствием, но ни копейки не получил.

— Даже гонорара?

— Да, даже постановочных. Я в это время переходил из АТВ в молодежную редакцию, те и другие сказали, что я не их и платить они не будут. Но все равно мне ведь повезло — многие мечтают попасть за рубеж, а у меня есть такая возможность, и я хочу поделиться своей радостью, своим удивлением.

«...Эта часть горной Швейцарии необыкновенно красива...»

Я, рассказывая о заграничной жизни, показываю ее глазами простого человека с обывательской точки зрения, несколько поверхностно, но это и создает иллюзию присутствия. Поэтому я называю эти передачи «Непутёвые заметки».

— Началось все с Лондона?

— Да, там у меня появилась возможность купить камеру.

— Разве вы и снимаете сами?

— Я и автор, и режиссер, и драматург. Может быть, если бы работала настоящая съемочная группа, профессионалы, то вышло бы лучше, но что-то бы и потерялось...

Я приехал в Англию на эдинбургский фестиваль на неделю, но оказалось, что могу жить целый месяц. Не на что, но есть где. Я подумал, что попал в Лондон в первый, а может быть, и в последний раз в жизни, как же пройти мимо и не снять?! С собой у меня было провезенных тайком 800 долларов. Улетал я из Москвы 20 августа во время путча и взял с собой все деньги, потому что не знал, как все обернется. А вдруг начнется кровавая баня? Я не такой уж герой и быстро представил, как придется жить в эмиграции...

— Это не для печати?

— Как хотите. Кое-что я заработал на фестивале, занял у новых друзей и купил видеокамеру, на которой теперь работаю.

— Лондон оказался вашим самым дорогим впечатлением!

— Да, как первая любовь. Жил я там почти впроголодь, но к концу почувствовал себя совершенно свободным человеком. Я был полностью предоставлен себе. У меня не было никакого сценарного плана, просто снимал то, что казалось мне интересным, а потом попытался сделать из этого нечто художественно оформленное. После Лондона я разучился просто отдыхать: работал и в круизе по Средиземному морю — тогда получился фильм «Ограбление по-неаполитански», и в Берлине, который меня очаровал.

— Из Америки вы тоже привезете фильм «с любовью»?

— Если получится с любовью.

— И у вас по-прежнему нет никакого внутреннего плана?

— Да, это снова будут «Непутёвые заметки». В том-то и прелесть, что садишься в самолет и летишь в неизвестность. Есть у меня только сверхзадача — хотя это и банально, — знакомя с чужими нравами, помочь понять собственный мир, ведь осознаешь, как надо и как не надо жить. У них тоже много такого, что не стоит перенимать, а мы, к сожалению, обезьянничаем. Увы, кругом идет захлест: мы вырвались на волю и кричим, что у них все замечательно.

«Хотите сто миллионов прибыли? Нет ничего проще! Кирпич стоит 50 копеек, продаем по три пятьдесят...»

Но многое меня восхищает. Я был воспитан в наших догмах о том, что там человек человеку — волк, и меня поразило западное бескорыстие. Я даже задумал в свое время сделать вместе с американцами цикл передач, посвященных их благотворительной системе. Пока не получилось, но, может быть, когда-нибудь сделаю.

Честно говоря, я уезжаю в Штаты с тревогой в душе — не знаю, к чему вернусь. А с другой стороны, уезжаю надолго умышленно — пуская все уляжется, я приеду и пойму, что происходит. Две эйфории мы уже пережили — перестроечную и послегутчевую, казалось, что вот-вот все станет подругому. Но по-другому не становится. Отчасти из-за того, что сохранились те же порочные структуры, те же люди. Но где взять других? И большевики привлекали буржуазных спецов.

«Большая, маленькая и средняя собачки ждут своего хозяина по телефону...»

Сейчас телекомпания предлагает многим выйти за штат и работать по контракту. Они гарантируют определенную частоту эфира, я — определенного уровня передачи.

— А кто определяет этот уровень?

— В том-то все и дело. Мне это всегда было немного дико. Я понимаю, когда тебя покупает частная телекомпания, ты соглашаешься играть в их игры, потому что в тебя вкладывают деньги.

Я не тороплюсь уходить на контракт или в независимое объединение не потому, что боюсь оказаться вне государственных структур, и не только из-за того, что я такой осторожный человек. Страшно оказаться вытесненным коммерческой дешевой и страшно попасть в компанию не единомышленников. Конечно, замечательно создать, как Владимир Молчанов, группу людей с общими интересами... Хотя, по-моему, «До и после» тоже переживает не лучшие времена.

— Просто у зрителей сейчас наступил кризис восприятия.

— Наверное, а отчасти причина в том, что мы привыкли вносить в любую передачу, даже развлекательную, некоторую долю политической остроты. А интерес к таким вещам уже пропал.

Чернушная болезнь, впрочем, понемногу проходит. Оказывается, нужны и фильмы про золушек. Между прочим, ТВ собирается делать свои сериалы. Боюсь только, что наши мыльные оперы станут снимать не те люди. Казалось бы, жанр это примитивный, но, чтобы им заниматься, надо обладать и вкусом, и добротой, и многими-многими достоинствами.

Я не тщеславный человек, но меня иногда так и подмывает сделать несколько серий, чтобы доказать, что это возможно и, кстати, не слишком дорого.

Правда, ни разу не делал художественной картины, никогда не работал с актерами, зато сам снялся несколько раз в кино.

«У ведущего «Музобоза» Ивана Демидова новый имидж... Нам понравилось...»

— Знаю, вы были полковником Гастингсом в одной из экранизаций Агаты Кристи.

— Да, а потом еще сыграл в пяти или шести лентах в эпизодах. И не очень доволен своей работой. За исключением одного врача-гинеколога, я все время был собой — телевизионным ведущим или журналистом, а мне бы хотелось сыграть другого. Ведь в этом все удовольствие от игры в кино.

— Видимо, ваш экранный образ так притягательно действует не только на зрителей, но и на режиссеров.

— Да я и сам иногда становлюсь заложником своего имиджа. Не на экране, а в жизни. Раз уж я произвожу приятное впечатление с экрана, то стараюсь не обманывать сложившееся обо мне мнение.

— Хорошо, что вы не выступаете в амплу злодея.

— Да, наоборот — совершенствуюсь таким образом. В этом смысле, мне кажется, телевидение меня воспитывает. Во всяком случае, хочется думать, что я становлюсь с годами лучше.

Беседу мы на этом закончили, но ТВ внес в нее свои коррективы — а-чаровательная А-алена из «А-афиши» поставила логическую точку своим неподражаемым «Ча-ао». Тут запись оборвалась, потому что я торопилась домой, кажется, смотреть по телевизору что-то, а Дмитрию Крылову пора было в аэропорт.

Марина КАМИНАРСКАЯ

«...Свыше трех лет моя студенческая жизнь была связана с ночлежками. Я работал там этажным надзирателем с 1920 по 1923 год. В то время неработавших студентов не существовало».

Николай Ефимович Гранат рассказывает очень неспешно. Дроботная речь его — старого москвича — сродни артикуляционно отточенным монологам патриарха Малого театра Николая Анненкова. (Обоим, между прочим, за девяносто.) Николай Ефимович сам приехал в редакцию («Я не позволяю себе расслабляться ни на минуту»), сказал, что прочитал в «Столице» репортаж о недавно открытом «Доме ночного пребывания» и ему захотелось вспомнить о последних ночлежных домах, которые каким-то чудом еще сохранились в Москве несколько лет после 1917 года. «Вы уж извините, что отвлекаю вас от важных дел своими пустяками...»

Барон. Ты, старик, кто такой?..

Откуда ты явился?

Лука. Я-то?

Барон. Странник?

Лука. Все мы на земле странники...

М. Горький. На дне

Новая власть национализировала ночлежки, предала их остатки в ведение «подотдела домов ночлега», который, в свою очередь, входил в состав Управления недвижимыми имуществами Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Однако в народе называли дома по-прежнему: «Брянка», «Ермаковка», «Морозовка» (последние два — по имени богатых благотворителей).

«Ночлежки открывали свои двери около пяти вечера, — вспоминает Николай Ефимович. — К этому времени, а чаще задолго до него, вблизи ночлежки собиралась шумная толпа мужчин и женщин, привлекавших к себе внимание своим внешним видом. Жители ближайших домов хорошо знали, какие люди собираются здесь по вечерам, и старались обходить их стороной. Попытка заговорить или же только остановиться и пристально посмотреть на ожидающих, зачастую вызывала с их стороны агрессивную реакцию. А ночью проходить вблизи ночлежки было просто опасно. По действовавшему положению двери этих домов должны были наглухо закрываться с одиннадцати вечера до утра. Но этот порядок далеко не всегда соблюдался. Признаюсь, грешен: сам иногда выпускал ночью ночлежников для каких-то «неотложных дел».

Сервис послереволюционных ночлежек затруднительно квалифицировать даже как «ненавязчивый». Питание было представлено кипятком, тревожные мысли о

НОЧЛЕЖКИ ВРЕМЕН ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

постельном белье никому из посетителей не могли прийти в хмельную голову. Имелись топчаны с грязными матрасниками, которых, кстати, не всегда хватало. Спали «клиенты», разумеется, одетыми. «Хорошо помню случаи, — продолжает Николай Ефимович, — когда люди, впервые попавшие в ночлежку, засыпали не снимая ботинок, а просыпались без обуви. Не перевелись к тому времени ночные «умельцы».

В семь утра резкий звонок надзирателя будил «золотую роту», и уже в восемь вся эта толпа разбредалась по городу. «В опустевшую ночлежку приходили уборщицы. Но как бы они ни старались, в помещениях все равно оставался удушающий запах пота, грязного тряпья и хлорной извести».

Будучи студентом медицинского института, Николай Ефимович расширил ассортимент услуг своей ночлежки и вел прием больных. Такое невиданное дело не могло не расположить «контингент» к молодому «дохтуру». И что был за контингент — представить нетрудно: достаточно перечитать Гиляровского или того же Горького. Милиция в эти «богоугодные заведения» не заглядывала никогда, и народ чувствовал себя вполне безопасно.

Скрывалось здесь разномастное ворье. «Карманники» — «сотрудники» общественного транспорта, «ширмачи» — специалисты по рынкам и толкучкам, «берданочники» — поклонники чемоданов и саквояжей. Словом, виртуозы были те еще. Но при этом Николай Ефимович никогда не опасался, что его «надзирательскую» зарплату аккуратно вынут из кармана куртки.

Интересным, а заодно и не лишним назидательности для нынешнего расцветающего поколения «фаворитов луны» будет и такой один эпизод, доказывающий, что в среде тех воров соблюдались опре-

деленные этические нормы.

«К нам, в «Брянку», — рассказывает Николай Ефимович, — иногда приходили люди, обворованные на близлежащем Киевском вокзале. Сперва они обращались в милицию, но их зачастую отправляли к нам в ночлежку. Как-то раз пришли две скромно одетые студентки. Они уезжали на каникулы домой, и у одной из них «увели» сумочку с документами и деньгами.

Вызвал я к себе пару постояльцев и стал стыдить: полюбуйтесь, мол, кого обобрали. Не знаю, они ли именно были причастны к этому случаю или другие, но не прошло и получаса, как сумочка со всем содержимым была возвращена».

Среди представителей иных «профессий» в ночлежках околачивались, например, «фарисеи» — торговцы порнографической продукцией. «Они охотно рассказывали о своем деле. Хвастались своим умением безошибочно определить, кого из клиентов можно заинтересовать товаром».

Изредка заглядывали «каины» — скупщики краденого. Ну и, конечно, не обходилось без «профессиональных нищих». Николай Ефимович припомнил одного высокого старика лет шестидесяти, «базировавшегося» недалеко от Иверской церкви. «Всегда стоял он с непокрытой головой и был одет в куртку военного образца, из которой выглядывала матросская тельняшка. Внимание проходящих привлекали копна его седых волос и висящая на груди деревянная табличка с яркой надписью «Герой Севастопольской кампании». И ни у кого, по-видимому, не возникал вопрос, а мог ли он быть ее участником? Подавали же ему часто и помногу».

Однако большевистская революция подарила ночлежкам и совершенно новых людей. Был, например, один дьякон. «Он

все ходил к Страстному монастырю — видимо, его там подкармливали». Попадались бывшие гвардейские офицеры. На короткий срок как-то задержались в ночлежке участники Кронштадтского восстания — и исчезли неведомо куда. «Все мы на земле странники».

«Подошел ко мне однажды пожилой, плохо одетый человек. Как выяснилось, был это богатый в прошлом землевладелец, дворянин, член какой-то постоянной государственной комиссии. Последние несколько лет скитался он с места на место, устроиться на работу нигде не мог, прожил последние вещи, которые у него оставались. Единственной сохранившейся у него ценностью была обветшалая фотокарточка — на ней стоял он в парадной форме с эполетами и аксельбантами. Признался, что уже несколько раз приходил на Бородинский мост с целью покончить счеты с жизнью, но не мог найти в себе силы совершить задуманное.

У меня, по возрасту годившегося ему во внуки, он спрашивал совета: как ему дальше жить?»

...С ночлежками Николай Ефимович распрощался, когда заканчивал медицинский институт. А скоро их и вовсе не стало.

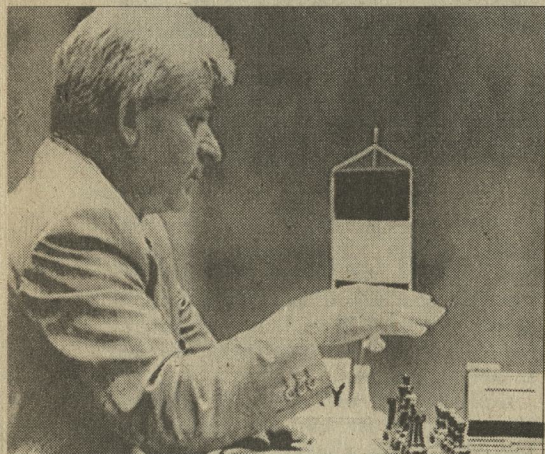
Куда подевались обитатели? Бог знает. Может, кто в управдомы переквалифицировался. Впрочем, Николай Ефимович вспомнил одну встречу.

Уже спустя годы он как-то шел по Смоленке в обществе очаровательных дам. «Ефимыч!» — донесся радостный крик с другой стороны улицы. Присмотрелся: кричали мужики, которых вел усиленный конвой. Бывшие ночлежники. Спутницы Николая Ефимовича были очень удивлены.

Алексей БЕЛЯКОВ

Гагик КАРАПЕТЯН

ФИШЕР — СПАССКИЙ: ШОУ ИЛИ МАТЧ-РЕВАНШ?

Первая половина матча, завершившаяся, как известно, со счетом 5:2 в пользу американца, так и не дала ответа на вопрос, вынесенный в заголовок. Не нашел его и я — даже приехав на Свети Стефан, естественно, с большими трудностями, на перекладных, пересекаясь с самолета на поезд, затем снова в полет и дважды воспользовавшись автобусом. Поэтому постараюсь лишь рассказать об увиденном, услышанном и прочитанном, а выводы пусть сделает тот читатель, которого интересуют не только сугубо шахматные рецензии об игре Спасского и Фишера.

Бесконечные и популярнейшие (правда, по нисходящей) дуэли двух «К» — Каспарова и Карпова, сопровождавшиеся политико-идеологическими и личностными раздорами, следуя парадоксальному эффекту бумеранга, сильно поубавили наш традиционный интерес к вечному популярным шахматам. И вот Фишер и Спасский, вновь сев друг против друга 20 лет спустя, кажется, придали этой игре «второе дыхание». Больше того, вновь став героями телепрограмм и газетных полос, они (пусть даже на время) затмили современных суперигроков. Какой-никакой, но все-таки праздник случился, и, помимо, многим людям стало немного радостнее на душе. Мы все-таки очень любим легенды, а Фишер — один из них, из самых таинственных. Его возвращение выглядит неким фантастическим приключением, к которому каждый любитель шахмат может считать себя сегодня причастным.

Конечно, настоящий хозяин великолепно задуманного спектакля, напомним, 43-летний Ездимир Василевич, владелец едва ли не крупнейшей корпорации Югославии — «Югоскандик» (банковский и шоу-бизнес плюс туризм, масс-медиа). О нем, все-таки

чрезвычайно «темной лошадке» с очень честолюбивыми помыслами, постараюсь потом написать отдельно, тем более, что договорился с ним об интервью: А вот первое впечатление от общения с ним (нередко, впрочем, ошибочное, и не только у меня) — стопроцентный авантюрист, коих и у нас в России, да и в любой стране, появляется предостаточно в эти смутные времена.

Однако истины ради стоит сказать, что Василевич из тех очень немногих «выскочек», у кого абсолютно все задуманные «авантюры» удаются на славу. Он не просто и не только купил сказочный и единственный в мире остров-отель «Свети Стефан». Здесь злые языки разносят информацию о том, что он бухнул то ли 570, то ли 170 миллионов долларов в многокилометровую ривьеру Черногории, при этом, как полагается, «отмывая» чьи-то грязные деньги. Называют разные известные фамилии и умопомрачительные «темные» операции Василевича. Но это так, слухи. А как бы там ни было, еще в конце июля-92 на бензоколонке у венгеро-сербской границы остановился роскошный «опель». Из него вышел 120-килограммовый Ездимир, коренастый мужик с комп-

лекцией спортсмена-борца, в широченном костюме, обвисавшем на нем, словно с чужого плеча, покуривая трубку. Заправщик безо всяких формальностей (кстати, я заметил, что Василевич ни с кем не держит дистанцию, начиная от официанта и кончая Фишером, до которого дотягивается и похлопывает по плечу) спросил о том, что с тех пор стало притчей во языцех: «Неужели вам удалось-таки уговорить Бобби приехать в Югославию?» «И не только «уговорить», — последовал мгновенный ответ всемогущего Василевича, — вон он в автомашине наблюдает за тобой...»

Аккредитационные бирочки журналистов на «матче века» красного цвета — весьма символического, если учесть бурную реакцию чересчур придирчивых сотрудников службы безопасности и самого Фишера на все «подозрительное» или просто вызывающее неудовольствие в поведении представителей прессы.

Ну а на зрителей, желающих посмотреть «живьем» на ожившую легенду, здесь, похоже, и не рассчитывали. Туристский пик позади, да и в сезон сюда из-за войны, дороговизны по причине экономической блокады ООН, галопирующей местной инфляции и

девальвации динара уже второй год не рискуют приезжать не то что итальянцы, французы и немцы, но даже сербы. В ближайших черепичных домах, трех отелях и одной вилле живет максимум пара тысяч человек, а весь местный люд занят, по сути, обслуживанием клиентов гостиничной «империи» Василевича. Случайный посетитель или шахматный фанатик, все-таки доехавший на Свети Стефан, платил 500 динаров за входной билет (на «черном рынке» один доллар идет почти за 400 динаров), но завтра уже ни за что, не желая повторить столь безобразный культпоход.

Для обзора игроков в зале, перегороженном передвижной стеной, был оставлен примерно пятиметровый створ, с 12 сентября перекрытый прозрачной ширмой. Надо иметь и баскетбольный рост, и безупречное зрение (бинокли здесь не выдаются, и не рекомендуется приносить их с собой), чтобы сквозь широченные слиты охранников, постоянно занимающих первый ряд, следить за психологическим состоянием Фишера и Спасского. В зависимости от настроения американца арбитры и охранники время от времени «усмиряют» публику, слишком громко шепчущуюся о вариантах развития той или иной позиции на доске.

Разумеется, у «подковы» безопасности вас пощупают вручную и спец-аппаратом с ног до головы, покопаются основательно в вашей сумке или аппаратуре, снимающей и записывающей. Но зато на всех этажах отеля «Маестрал» были установлены телемониторы: заказывай себе кофе «капучино» (со взбитыми сливками), сиди уютно и смотри бесплатно, сколько влезет. До нас дошли слухи, что некоторые зрители и журналисты остерегались проходить в зрительный зал больше одного раза за вечер из-за чрезмерного набора радиации под «подковой» безопасности. Не знаю, не проверялся — все может быть здесь.

Так и играют Фишер—Спасский почти без зрителей. А к середине сентября заметно поредели и журналистские ряды, что явно свидетельствует о снижении интереса к матчу-92, как и ко всякому марафонскому мероприятию. Чтобы взбодрить читателей и телезрителей всего мира, вероятно, необходимы будут периодические скандалы и скандальчики, на которых «собаку съел» (и не одну, а целую свору за всю свою шахматную жизнь) Роберт Фишер, Роберт Джеймсович, как зовут его тут «русскоязычные» журналисты. А Борис Васильевич, в силу своей врожденной интеллигентности, станет галантно поддерживать своего уважаемого

го соперника. Но рано или поздно окончательно должны сказаться и возраст, и хроническая растренированность соперников. Впрочем, и ожидаемое поражение «претендента» принесет ему заметное увеличение банковского счета, вполне достаточное на всю жизнь чете Спасских, их 12-летнему сыну-красавцу Александру и даже его будущим отпрыскам.

Когда я передаю этот материал, соперники еще не покинули остров-отель, хотя вторая половина матча должна пройти в Белграде. В лабиринте вилл и роскошных номеров, стилизованных под старину, в номере 118 «Свети Стефана» пока живет Фишер, охраняемый дюжиной сотрудников службы безопасности, нанятой Василевичем. Даже чрезмерно низко пролетевший вертолет — повод для широкозвездного заявления в прессе от имени и по поручению жутко капризного, как и 20 лет назад, американца. А если по пути следования его персонального темно-голубого «мерседеса» — на очередную партию в шахматы или теннисный корт — вспыхивал блик затаявшегося в засаде фоторепортера, то последнему несдобровать. Минимальное наказание — засветят всю пленку, максимальное — дадут по шее, если «штрафник» попытается сопротивляться.

Матч, даже если исключить огромные гонорары его участников, обойдется Василевичу очень дешево, мягко говоря. Но он уверен, что вернет потраченное. И с помощью весьма крутых цен, установленных им на телерекламу, телетрансляции, на видеокассеты, посвященные матчу. И благодаря продаже также дорогих сувениров с символикой матча (я и то не выдержал — заплатил целых 3000 динаров за футболку с тремя портретами главных действующих лиц, включая, естественно, Василевича, хотя на эту сумму мог спокойно прожить два дня в мебелированной квартире частной «кучи»). Вообще же должен пожаловаться от имени своих коллег на Василевича: ни одного сим-

волического презента, даже традиционную во всех пресс-центрах мира ручечку не вручил он журналистам на память, зато установил баснословную плату за пользование факсом или телефоном...

Что же все-таки главное в этом шахматно-коммерческом шоу, ибо в спортивном отношении «матч-реванш XX века» пока уступает (и явно) предыдущему поединку Фишер—Спасский 20-летней давности в Рейкьявике?

Фишер прорвался сквозь мощную блокаду вокруг бывшей Югославии, объявленную международным сообществом. Василевич с Миланом Паничем, премьер-министром Сербии, переехавшим в Белград из США, — кстати, пасаденским (штат Калифорния) земляком Бобби, — доказали всему миру (Панич приезжал сюда накануне торжественного открытия матча) шаткую «прозрачность» строгих санкций ООН. Это результат политической. Есть и экономический, точнее — финансовый. Он весьма ощутим для Фишера, а может стать еще более весомым. Конечно, «Роберт Джеймсович» понимает: сегодня явно опасно для его «непобедимого» имиджа тягаться с двумя «К», сменившими необузданного американца на шахматном троне. Следуя давнишней тактике, Фишер своими провокационными заявлениями подбрасывает «горящие угли» в успокоившийся было «очаг» единой семьи ФИДЕ (особенно после странноватого перемирия двух прежде заклятых врагов — чемпиона мира Г.Каспарова и президента ФИДЕ Ф.Кампоманеса), чтобы потом собрать гигантский, на порядок больший, чем в нынешнем матче, призовой фонд будущего, более грандиозного поединка. И вновь, естественно, за звание «чемпиона мира XX века», вконец запутав всю отлаженную за два десятилетия систему координат в современных шахматах.

Словом, Бобби, как американский доллар: даже 20 лет спустя он просто не подлежит девальвации.

Свети Стефан (Черногория), по факсу

★ ★ ★

р а Р е ж

226010, Латвийская Республика, г. Рига, ул. Кр. Валдемара, 8

КОНТОРЫ ПО ОБМЕНУ ВАЛЮТЫ

Телефоны (факс)

Секретарь	331970
Административно-юридическая служба	321341
Телефоны	
Справки по курсам обмена валюты	226024
Продажа и покупка валюты перечислением	325220

Владимир ГРИБАНОВ

Москва, Калуга,
Лос-Анджелос —
Объединились
В один колхоз.
(Исполняется на мотив
«Сан-Луи блюз»)

ЧУВАКИ, ПРИВЕТ АМЕРИКЕ!

Странные, очень странные отношения связывали нас с Соединенными Штатами Америки. С одной стороны, две супердержавы всегда тянуло друг к другу. Во время второй мировой мы были вместе. И в то же время... Советская пресса постоянно клеймила «американский империализм», они величали нас «империей зла». Даже когда лидеры государств публично жали друг другу руки, рядовым гражданам было «низзя-я-я». Ну а тех, кто все же осмеливался тем или иным образом проявить свои симпатии к Америке, здесь, в России, ждали лагеря, ссылки, а уж потом более мягкие «средства пресечения».

Поцелуй Мэри Пикфорд и музыка толстых

В первой мировой войне Северо-американские Соединенные Штаты были союзником Российской империи. Они остались ее союзником и после октября 17-го года, выступив в борьбе с коммунизмом на стороне законных российских властей.

Сейчас часто вспоминают: после прихода большевиков к власти в стране вспыхнул массовый голод. Но немногие помнят о том, какую продовольственную помощь оказала нам Америка, спасая от голодной смерти миллионы россиян.

В 20-е годы в культурную жизнь России вошли американская музыка, кинематограф, литература, бытовая мода. На экранах СССР появились американские фильмы с участием Чарли Чаплина, Бестера Китона, Дугласа Фербенкса. А популярная голливудская актриса Мэри Пикфорд снялась в Москве со звездами советского немого кино в очаровательной комедии «Поцелуй Мэри Пикфорд».

В июле 1921 года в парижском кабаре «Трокадеро» русский поэт Валентин Парнах услышал черных музыкантов из Америки, исполнявших неслыханную музыку — джаз. Вернувшись в Москву, Парнах организовал «Первый в РСФСР эксцентрический оркестр — джаз-банд». После нескольких концертов джаз-банд Валентина Парнаха пригласил работать к себе в театр знаменитый режиссер Всеволод Мейерхольд.

Новая американская музыка пришла по вкусу динамичным временам нэпа. Чарльстон, тустеп, фокстрот стали как бы визитной карточкой эпохи. Так в молодой коммунистический мир пришли два главных представителя американского искусства: кинематограф и джаз.

Уже тогда в свободной, раскованной музыке джаза большевистские идеологи увидели угрозу своему мрачному режиму. Нарком просвещения Луначарский заявил: «Я видел танец чарльстон и считаю его в высшей степени отвратительным и вредным».

Сутулый и тощий Максим Горький опубликовал в большевистской газете «Правда» злобную статью «О музыке толстых», в которой доказывал, что джаз опасен для коммунизма.

Сразу замечу, что через несколько лет джаз был запрещен Гитлером в Германии. Красные и коричневые одинаково ненавидели любое свободное проявление человеческих чувств.

...Однако в 30-е годы, когда в СССР окончательно утвердился режим Сталина, большевистское правительство открыто не выступало против легкой музыки и развлекательного кино. Заокеанский оптимизм эксплуатировался: людей нужно было отвлечь от невыносимых условий жизни. В это время на экранах России веселила народ американизированная кинокомедия «Веселые ребята» с участием джаз-оркестра Леонида Утесова. Выходили грампластинки, по радио и в кинофильмах звучал джаз Александра Варламова и Александра Цфасмана.

В те же годы США помогали России восстанавливать промышленность, разрушенную во время развязанной большевиками гражданской войны. Русские крестьяне осваивали американские трактора «Фордзон», русские рабочие обучались труду на американских станках, по улицам СССР бегали американские автомобили Форда. И в 30-е годы из развязанных большевиками голода и нищеты Россия выбиралась опять-таки с помощью американских специалистов и бизнесменов.

Одна чува хияля по Бродвею

В начале декабря 1941 года, когда гитлеровские войска стояли под Москвой, во вторую мировую войну вступили США. В этот день исход войны был предрешен. Героическая борьба Красной Армии и неисчислимые ресурсы США убеждали: «Гитлер капут».

Всю войну из Америки в Россию поступала помощь боевой техникой, продовольствием, деньгами. Началось культурное сближение двух великих народов. На экранах СССР повсеместно шли американские фильмы, Голливуд снимал доброжелательные картины о России. Военное поколение вдохновлялось «Сестрой его двоюродного» — Диной Дурбин. Звучал «Вальс свечей» из фильма «Мост Ватерлоо». Советские музыканты исполняли новинки американской эстрады, американцы играли советскую музыку...

Дипломатические отношения между СССР и США были установлены еще в начале 30-х годов. Симптоматично, что поколение рождения начала 30-х стало первым в России открыто демонстрировать свой интерес к Америке. Их было немного — в Москве и Ленинграде — «русских американцев», которые называли себя «штатниками». Кличка «стиляги» пришла позже. Среди «штатников» был будущий писатель Василий Аксенов. А бывший «штатник» — известный ныне джазовый музыкант Алексей Козлов — выступал со своим оркестром в августе 1991 года перед защитниками российского «Белого дома».

Появились «штатники» сразу после второй мировой войны — на волне симпатий к союзникам по борьбе с нацизмом. В это время на экранах СССР с бешеным успехом крутился голливудский фильм «Бурные двадцатые годы», названный в советском кинопрокате «Судьба солдата в Америке». Буквально на всех углах звучала песенка «Грустный бэби» из этого фильма.

Сначала сталинский режим не обращал внимания на «штатников» из-за их малочисленности. Однако их влияние на остальную молодежь было огромным. И когда в конце 40-х годов между СССР и Западом началась «холодная война», а внутри коммунистической империи — так называемая «борьба с безродным космополитизмом», в Уголовный кодекс СССР была введена статья ППЗ («Преклонение перед Западом»). По этой статье тысячи «грустных бэби» угодили в сталинские концлагеря за свою любовь к Америке.

...После смерти «усатого людоеда»,

в середине 50-х годов, был приподнят «железный занавес», разделявший коммунистический лагерь и свободный мир.

«Чу-чу!» — отправился на Чаттанугу джаз-оркестр Гленна Миллера в картине «Серенада солнечной долины». В моду входили грубоватый Хемингуэй и изящный Сэлинджер. Невиданные и по сей день, выстраивались очереди в кинотеатры — на «Великолепную семерку». Задорно закричал с рентгеновских пленок и громоздких советских магнитофонов Элвис Пресли.

Появились «стиляги». Центральным улицам во всех больших городах СССР молодежь дала название «Бродвей». Пестрое племя «чуваков» и «чувих», прогуливаясь на этих «Бродвеех», создавало свой жаргон, свои обычаи, свой стиль.

Не ходите, дети, в школу,

Пейте, дети, кока-колу!

Не вступайте в комсомол,

А танцуйте рок-н-ролл! — пели «стиляги».

Их было так много, что власть не могла их не заметить. Сначала последовала идеологическая критика «стиляг» в печати, сатира на эстраде. А затем, несмотря на заявленную хрущевскую «оттепель», начался и прямой террор. Любителей рок-н-ролла на танцевальных вечерах избивали славная советская милиция и комсомольские патрули. За чтение Хемингуэя студентов выгоняли из института. КГБ за высказанное вслух почтение к Америке заносил людей в «черные списки». По распоряжению высшей власти прямо на улицах устраивали облавы на «стиляг», которых тут же, без всякого суда, высылали в Сибирь на тяжелые работы.

В те годы «стиляги» на мотив своего любимого «Сан-Луи блюза» сочинили свою песню:

Двадцатый съезд

КПСС

Стиляг отправил

В МТС.

Стиляги трактор

Завели.

Колхоз назвали:

«О, Сан-Луи!»

Очень характерна здесь и скрытая насмешка над колхозами. Ведь именно в эпоху «оттепели» начались постоянные закупки хлеба в США, которые продолжают ежегодно и поныне.

Комми в джинсах пьют пепси

Длинные волосы и драные джинсы следующего поколения, охваченного американским движением «хиппи», снова привели в ярость большевистских старцев. Правда, русских

«хиппи» уже не сажали без суда в концлагеря, не ссылали в Сибирь. Но по-прежнему на них устраивали облавы на улицах, избивали в отделениях милиции и насильно стригли волосы. Но времена явно стали помягче: музыкантов «Машины времени» не отправили всем составом в Сибирь, их только поругал в «Комсомольской правде» сельский писатель-коммунист Василий Белов.

И все же отчаянное сопротивление молодежи стало приносить кое-какие плоды. В страну приезжали на гастроли джазовые оркестры Бенни Гудмена и Дюка Эллингтона. Разрешалось иногда проводить джазовые фестивали. На экранах появлялись, хоть и второсортные, американские картины.

В эти годы великий могучий Советский Союз освоил выпуск пепси-колы и жевательной резинки, которые еще недавно считались атрибутами американского империализма. А джинсы начали носить даже молодые коммунистические функционеры, разумеется, в неофициальной обстановке.

...В середине 70-х годов на короткое время — период «разрядки» — слегка улучшились отношения между СССР и США. В это время, после многих десятилетий запрета на эмиграцию, было разрешено некоторым советским писателям, музыкантам и ученым уехать на постоянное жительство в США. Кое-кого КГБ просто вытолкал из страны, как когда-то ВЧК—ОГПУ, — ученых, писателей, профессоров.

Стоит вспомнить, что сегодня в США нашли прибежище два наших нобелевских лауреата — Александр Солженицын и Иосиф Бродский.

...Остановить американское влияние не удавалось. В первой половине 80-х годов возникли многочисленные нелегальные рок-группы, исполняв-

ТОЖЕ СТУДЕНТЫ.

Рисунок С. СТЕЛАНИНА (Бразилия), присланный на конкурс Кроссворды.

СТЕЛАНИНА ИСПОЛНИЛА.

шие на подпольных концертах блюзовые песенки.

— Гуд бай, Америка! — вздыхал по неизбывной мечте «Наутилус Помпилиус».

Появились «рокеры» — отряды анархических молодых мотоциклистов. Открыто и бесстрашно собирались на свои «тусовки» разноцветные

«панки». Владельцы первых в СССР видеомэагнитофонов тайно показывали друзьям у себя в квартирах новинки американского кино, раньше доступные только «киноведам в штатском».

Власти вели с ними нешуточную борьбу: сотни «рокеров», владельцев видеомэагнитофонов, рок-исполнителей были арестованы и приговорены к длительным срокам заключения. Но коммунистическая система дряхла, как и ее вожди.

Пересечь океан

«Перестройка» Горбачева сделала Советский Союз открытым для ценностей иного мира. Людей перестали преследовать за приверженность американской культуре. За годы «перестройки» СССР посетили Дейв Брубец, Диззи Гиллеспи и много других известных американских джазовых музыкантов. На улицах появились американские автомобили, в магазинах — товары из США. По телевидению стали показывать американские видеоклипы.

Огромный успех у советских зрителей всех возрастов имел только недавно показанный в СССР старый голливудский шедевр «Унесенные

ветром». Книжные лавки заполнены американской литературой. Открываются границы. Они едут к нам. Мы — к ним.

Первый президент России официально заявил, что США больше не считаются в противниках нашего государства. Похоже, что преследования за любовь к Америке кончились в России навсегда. Новые поколения молодежи будут знать об этих репрессиях только из легенд.

...Недавно наш вице-президент повез в дар американскому народу памятник Колумбу. Мне же хочется поддержать предложение исследователя субкультуры «стиляг» писателя Виктора Славкина:

«Поставить памятник неизвестному стиляге. В Америке. В Нью-Йорке. На Бродвее. Многие из тех, кто любил Америку, натерпелись за свою любовь неприятностей, а то и вовсе получили за это «волчий билет» — так и не прошвырнулись по этому самому Бродвее. Пусть хотя бы постоят там. В виде изваяния».

Привет тебе, Америка, от русских друзей!

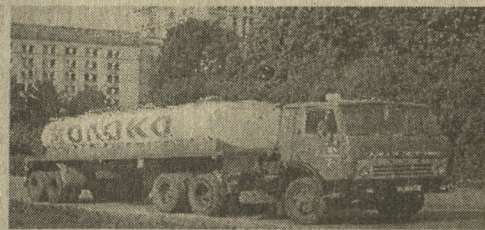

Автокомбинат № 6 (А/О «Молавто»)

осуществляет перевозки грузов в междугородном сообщении, в т.ч. скоропортящихся и наливных пищевых.

Рассмотрит вопрос о международных перевозках.

Сдаст в аренду за СКВ отдельно стоящее 2-этажное здание или часть его.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2.
Тел.: 218-01-61, 219-90-96
Телекс: 114296

АНГЛИЙСКИЙ ЗА ОДИН МЕСЯЦ ПРИ ПОМОЩИ ВИДЕОМАГНИТОФОНА ИЛИ КОМПЬЮТЕРА!

Для получения подробной информации конверт с Вашим адресом высылайте: 193019, Санкт-Петербург, а/я № 1. Факс 567-31-43, телетайп 121519 «Касса».

Предприятие «КВАНТ»

реализует видеофильмы и компьютерные обучающие программы для самостоятельного изучения делового и разговорного английского языка. Лексический объем *шесть тысяч слов*. Методика обучения сориентирована на выезжающих за рубеж и основана на использовании эффекта гипермнезии (сверхзапоминания), позволяющего за один месяц овладеть основами языка, запомнив при этом до четырех тысяч иностранных слов.

Фирма
ЭЛТЕК
предлагает
компьютеры

SIEMENS
NIXDORF

Гарантийное
обслуживание
в течение года
от фирмы
SIEMENS
NIXDORF

- Мини-корпус,
макси-возможности:
PCD-3Bsx/20.
- "Notebook" **PCD-3Nsx/16.**

- Оргтехника.
Безграничные
возможности

SIEMENS
NIXDORF

в решении любых проблем
представлены на
постоянной экспозиции.

«ЭЛТЕК»

119819, Москва,
2-й Зачатьевский пер.,
д.2, корп.7
Телефоны: 201-39-15,
201-48-04
Факс: 201-49-08

Алла Демидова
в роли Электры

Фото Н.Звагинцева

РОКОВАЯ ТРАКТИРЩИЦА

«Электра»
Театр на Таганке, реж.
Ю.Любимов

Описывать этот спектакль гораздо интереснее, чем смотреть. Описывая и радуясь собственной проницательности, можно подметить, например, недюжинную культурную нагруженность внешнего рисунка игры: речь и движение актеров подчинены выверенному ритму, жесты их, особенно А.Демидовой (Электра), живо напоминают пластику античных рельефов и вазописи. Можно отметить и оригинальную активность хора, в зависимости от событий впадающего то в некое буйное «дионисийство», то пребывающего в скорбном созерцании — но всегда в очень тесном, часто телесном, контакте с протагонистом. Можно обратить внимание на выдержанные в красно-кирпичной и бордово-коричневой гамме одеяния исполнителей и, возможно, увидеть в этих как бы неформальных одеждах, эстетика которых никак не связана с интересами стилизации, стремление соприкоснуться непосредственно с аттической почвой, ее мягкой красноватой глиной. Можно оценить также и музыкальное сопровождение (композитор С.Губайдулина)

— виолончельные и скрипичные пассажи, исполненные то одноголосной важности, то экспрессии, подобно древнему песнопению. Ну а если сподобит догадаться, можно, наконец, проникнуть в смысл сценографии, а через него — и в режиссерский замысел в целом. Тогда окажется, что легкие рифленые щиты и стеклянная дверь-вертушка, выполненные Д.Боревским и очень напоминающие салун в голливудском вестерне, как раз и являются без пяти минут оным салуном: речь идет о действительно существующем где-то в Греции кафе «Электра», в интерьере которого и происходит действие. После странного однократного факта включения посреди спектакля фонограммы группы «Queen» и вторжения на площадь перед микенским акрополем человека в джинсах и майке становится скучно описывать дальше. Хочется, дав себе волю, сказать, что в этом кафе нас вместо обеда угостили крошечным витаминным драже, может быть, и питательным, но бесплотным. Что действие идет вяло и маловразумительно, утопая в «режиссерских находках» вроде резонирующего в пафосных местах пространства сцены или постоянного использования вертушки для пластических экзерсисов. И что представления создателей этого арифметического (не

алгебраического) упражнения «об античном» не идут дальше представлений об «одержимости-мании», «пафосе», «энергии» и тому подобным общим местам, а для чего понадобились все эти хорошие вещи Театру на Таганке сегодня — решительно непонятно, точно так же, как непонятно, почему для постановки выбран перевод Ф.Ф.Зелинского, а не общеупотребительный перевод С.В.Шервинского. Смысл спектакля для его создателей, кажется, лишь в том, что «эсперанто претендует быть понятным всему миру, а на роль эсперанто в области искусства при постановке больших тем... имеет право античная эпоха» (Таиров). Остается в таком случае Рок от рок-н-ролла и немного задуматься над тем, что эсперанто так и не стал всеобщим языком.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

КРАСНОВ, КРАСНОВ

«Холод»
Ст.«Эрхус», реж.
Х.Эркенов

Если бы перед фильмом не раздали листочки с его кратким содержанием, а также объяснением того, что хотел сказать режиссер, — клянусь, я ничего бы не поняла. Я и так не особенно поняла. Но на пресс-конференции Хусейн Эркенов всем объяснил, что литературная драматургия свое отжила и в кино все не должно быть, «как в кино», а должно быть, как в жизни — просто фиксация впечатлений. Ну что ж, с кем поведешься, от того и наберешься. Впечатление первое: режиссеру Эркенову очень нравится фамилия Краснов. Наверное, поэтому одного из главных героев фильма — капитана Краснова — играет актер-дебютант Александр Краснов. По совместительству он —

автор и исполнитель глухо и неразборчиво звучащей в фильме песни. Впечатление второе: режиссеру Эркенову нравится актер Николай Еременко, который играет полковника Советской Армии, занимающегося в 1943 году депортацией малочисленных народов Северного Кавказа (каюсь, информация взята из краткого содержания фильма — из самого фильма что-либо понять трудно). Дабы показать всю сытость и низость «сталинских соколов», Еременко старательно демонстрирует второй подбородок. Которого на самом деле у него нет. Входит в роль. Цитата: «Вы можете говорить, что хотите, но я знаю, что у меня есть свой зритель. И уж ему-то мое кино понравится», — сказал режиссер злобным критиком. Вывод: мне очень бы хотелось посмотреть на этого зрителя. И, возможно, пожать ему его мужественную руку.

Жанна СЕРГЕЕВА

НИ СЛОВА О КУРИЛАХ

Выставка Московского
клуба икебаны
Музей кино (Киноцентр)

А что если ввести в наш обиход удивительные японские обряды цукими и юкими (любование луной и снегом)? Ведь прижилось же искусство «бонсай», и карликовые деревья в качестве символа преуспевания раскупаются крутыми брокерами нарасхват. Начать можно с момидзи (любование многоцветьем кленов), и прямо сейчас — погода шепчет. Вот и Музей кино в этом году открыл сезон выставкой икебаны и японской программой, дабы душу, измотанную борьбой вокруг акционирования Киноцентра и остальными известными обстоятельствами нашей жизни, успокоить ханами (любование цветами). Все элементы программы подобраны точно и тонко,

как и положено в японской композиции (с этой стороны Музей кино всегда был и остается настоящим японцем): клуб икебаны, подготовивший выставку, работает в стиле школы «Согэцу», которую возглавляет знаменитый кинорежиссер Хироси Тэсигахара, чьи всемирно известные фильмы «Западня», «Женщина в песках» и «Чужое лицо» были показаны в Киноцентре. Все было необыкновенно красиво и изысканно, и, как ни странно, зал на всех просмотрах переполнялся зрителями, вполне готовые к любованию чем-нибудь более естественным и имеющим большее отношение к искусству, чем плачущие богатые. Описывать икебану словами дело дохлое, если даже перевести японский корень «икэ» можно лишь сочетанием трех русских понятий — «приводить в порядок», «жить» и «помогать принять собственный образ». Лучше всего обратиться для точности к поэзии:

Цветы — весной,
Кукушка — летом.
Осенью — луна.
Холодный чистый снег —
Зимой. (Догэн)
Ни слова о Курилах
И акционировании. (М.К.)

Марина КАМИНАРСКАЯ

ДЕНЬ АНГЕЛОВ

Натальин день
«Гельман Геллери»

Появился повод дополнить новым смыслом модное слово «презентация». Два арт-критика — Наталья Семенова (специалист по русскому меценатству) и Наталья Троепольская («Огонек») — с успехом и в присутствии приглашенной богемы и художественной «тусовки» (художники, искусствоведы, галеристы, коллекционеры и журналисты) провели в известной и одноименной галерее Марата Гельмана автопрезентацию-именины. Пожалуй, это была одна из лучших выставок в «Гельман Геллери», поскольку отчасти осуществилась вымечтанная еще Пикассо смычка теории искусства и его практики. Кроме того, очаровательные критикессы неплохо смотрелись среди гельмановской экспозиции. Будем надеяться, что ангел по-прежнему будет им покровительствовать, хотя бы потому, что данный вернисаж не предполагал продажи.

В.Б.

ПОДАРОК ИЗ АМЕРИКИ

Григорий Марк. «Гравёр»
Нью-Йорк

Петербургец Григорий Марк, судя по стихам, человек замечательный, да и сами стихи, на первый взгляд непритязательные, тем не менее отточены дотошным мастером-гравёром. Недаром книжка российского гражданина, изданная в Америке, так и называется «Гравёр». Лишенный эмигрантской славы и — соответственно — воспаленного издательско-критического внимания, Григорий Марк живет для большинства незавидной, но собственной жизнью в родных пенатах. Однако люди, в буквальном смысле разбросанные по всему свету — те, которым он когда-то помог (кому жильем, кому деньгами, кому собственным риском, кому просто участием), — собрали некую сумму и сделали эту книгу — подарок к пятидесятилетию. Достойная, но при этом внешне неэффектная жизнь — залог его странных, порой угловатых, искренних стихов.

Стихи, как отдушина, как дневник, как способ самоосознания, как то, что не столько примиряет с чуждой действительностью, но и спровоцировано, одухотворено ею. Поэт по преимуществу лирический, Григорий Марк может быть и яростно беспощадным и горько безжалостным. Но едва ли не главное его свойство — свойство личности поэта — это щемящая деликатность, как бы застенчивая интонация. Можно сказать о нем, что он простодушен или — жестче — наивен. И нам, избалованным крутыми формальными находками XX века, в этом видится если не старомодность, то во всяком случае недостача. Но эту «недостачу» искупает одно важное обстоятельство: поэт не подает себя в роли бедного гения и не скорбит о своей обделенности.

Ирина ДАНИЛОВА

На обложке книги
использована гравюра
М.Шемакина из цикла
«Петербургские бредни».

григорий марк

ГРАВЁР

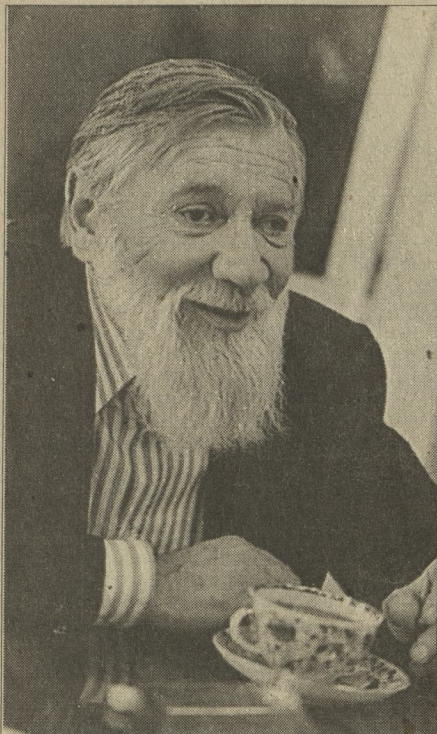

Фото И. Садовникова

**Всем известно:
руссофобию
измеряют терцами**

Первый раз его судили в Москве, в 1966 году — судья Л.Смирнов, прокурор О.Темушкин и славные русские писатели, литературоведы и журналисты — В.Кочетов, Арк.Васильев, З.Кедрина, Ю.Феофанов и другие. Второй суд над Абрамом Терцем проходил в 1976 году в эмиграции, после выхода «Прогулок с Пушкиным». В статьях Р.Гуля, С.Жабы, Р.Плетнева и прочих доказывалось, что Абрам Терц глумливо осквернил и злостно надругался. И вообще — раз Абрам столько цитат знает, то и в лагере он не сидел.

Третий суд над Абрамом Терцем открыл А.Солженицын в статье «...Колеблет твой треножник» («Вестник РХД», № 142), продолжил И.Шафаревич в газете «Литературная Россия», и с этой подачи составил дружный хор из С.Куняева, В.Бондаренко, Т.Глушковой и прочих «патриотов».

САЛМАН РУШДИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Последовательная антирусская политика... Фрагменты скандально известного пасквиля Абрама Терца... Человек... печатно заявивший, что «Россия-сука»...

М.Антонов, В.Клыков, И.Шафаревич, из письма в секретариат Правления СП РСФСР

«Прогулки с Пушкиным» — руссофобия и надругательство над Пушкиным. Совершенно ясно, что это хулиганство, причем не мелкое, а крупное. С последствиями... Все очень логично. Дантесу простительно, он не знал, «на что он руку подымал». Синявский и «Октябрь» знают. Дантес приехал сюда «на ловлю счастья и чинов», Синявский, видимо, на ловлю популярности и гонимых. Вот разница-то. Одно сходство, что оба — из Франции! (Смех, аплодисменты.)»

С.Куняев, из стенограммы выступления на пленуме российских писателей, 1989 г.

«Хотела бы я посмотреть на Абрама Терца, если бы он написал подобные же «прогулки» с Шолом-Алейхемом. (Аплодисменты.)»

Т.Глушкова, из стенограммы выступления на том же пленуме

С ним сложно общаться. Кажется, будто два человека слиты воедино. «Сиамские близнецы» Андрей Донатович Синявский и Абрам Терц неразлучны уже лет тридцать. На протяжении всей беседы в неспешное течение речи одного прорывался другой, и рассудительность Синявского, как правило, уступала под натиском ехидного сарказма Терца... А неизменная Мария Васильевна Розанова, под деспотическим каблуком которой пребывают оба, постоянно вмешивалась в разговор фразами типа: «Чепуху ты говоришь, Синявский, абсолютную чепуху! Ведь я же с самого начала сказала, что не надо его слушать!» И все-таки беседа состоялась.

— Что для вас Абрам Терц? Почему вы не выбрали себе какой-нибудь другой красивый и содержательный псевдоним типа «Горький», «Бедный», «Голодный», «Веселый»?

— Абрам Терц — это, конечно, не только псевдоним, это маска, кото-

рая, как это часто бывает, срслась с лицом. Конечно, я вступил в противоречие с русской и тем более советской традицией, которая очень любила красивые псевдонимы. Мой псевдоним не несет в себе никакой идеи, звучит не возвышенно, а, наоборот, — сниженно, но, главное, он ничего не обозначает, он подходит мне стилистически, имеет какие-то признаки моего творчества. Абрам Терц — это самостоятельный писатель с определенными пристрастиями, склонный к литературной игре, фантазии, гротеску, иногда он сознательно шокирует своих читателей. Абрам Терц пишет статьи и книги, которые не мог бы написать Андрей Синявский.

— «Зато» Синявский — профессор Сорбонны. Что дает вам преподавательская деятельность?

— Помимо заработка, это все-таки моя профессия, потому что по своему складу я не только писатель, но еще литературовед и критик. Французское преподавание сильно отличается от советского, об этом можно долго говорить, но главное отличие —

необходимость большей подготовки. В России существуют специалисты в каких-то узких областях и преподаватель может читать всю жизнь один и тот же курс. Во Франции профессор не может читать один курс больше чем два года — он растеряет студентов. И я здесь — исключение, поскольку уже шестой год читаю «Русскую поэзию начала XX века». Первые два года ко мне приходило очень много народа. Среди слушателей были даже простые старики-эмигранты. И я видел, насколько труднее им воспринимать какие-то вещи, чем французским студентам. Произошел громадный разрыв между поколениями эмигрантов, и эти старики уже совершенно не воспринимали футуризм, к примеру.

— А какие темы вы успели «пройти» за эти шесть лет?

— Начал я с символистов. Первый год был Блок, потом пошел футуризм, целый год читал Есенина... В этом году, наконец, дошел до раннего Пастернака.

— Хочется надеяться, что в следующем тысячелетии вы порадуете французских студентов лекциями о русской поэзии конца XX столетия.

— Ну, нет, я скоро уже перестану читать. По возрасту не подхожу для Франции.

— Чем ваш последний визит на родину отличался от предыдущих?

— Я не был здесь почти полтора года, интересно посмотреть, что изменилось за это время. Я спрашивал своих московских друзей: чем сейчас занимаются, скажем, чекисты? Мне ответили: не знаем, наверное, следят друг за другом...

— И вы решили лично проконтролировать?

— Видите ли, у нас старые счета с этой организацией. На собственном опыте могу судить о тех изменениях,

которые там произошли. Через двадцать пять лет после суда меня наконец-то реабилитировали. Но справку об этом мне в Париж не прислали. Мы узнали об этом по телефону от своих друзей.

— У вас сохранилась обида на государство?

— Нет, наоборот, обидно было, что реабилитировали.

— ?

— Для меня интереснее и почетнее считаться особо опасным государственным преступником, чем «нормальным» советским человеком, которого посадили «по ошибке». Я привык спорить с государством, и, когда оно говорит мне, что не было состава преступления, становится даже обидно...

— Хочется выйти на Красную площадь и крикнуть: «Был состав! Был! Хватайте меня!»?.. Насколько для вас важна живая связь с друзьями, оставшимися здесь?

— Видите ли, у нас несколько странное положение. Многие старые друзья уже поперемежились, но появились новые, молодые. И поскольку моя супруга издает журнал, возникают новые литературные и журналистские связи. Кроме того, со многими советскими мы встречаемся в Париже. Так что, в общем, мы улавливаем то, что происходит в стране. Хотя какие-то загадки для меня остаются.

— Какие, например?

— Ну, я думаю, такие же, как и у всех: что будет, как страна вылезет из этого экономического провала?..

— И опять всплывают извечные русские вопросы: «кто виноват?», «что делать?»..

— Как раз «кто виноват?» меня меньше всего интересует. А важно — «что делать?». Нет, даже не «что делать?», а «как вылезти?». Горбачевым и его командой были сделаны

две великие штуки: допущение гласности и отказ от агрессивной внешней политики, от идеи мирового коммунистического господства. А в экономике ничего или почти ничего не сделано. Интересно, сможет ли что-то сделать Ельцин. Время показало, что такие вещи, как «перестройка», или «революция сверху», должны происходить достаточно быстро. А когда столько лет только разговоры разговаривают, а жизнь народа становится еще хуже и реформы по-прежнему впереди... Александр II быстрее реформы проводил.

— Сейчас все предлагают свои рецепты спасения страны. У вас есть такой рецепт?

— Нет-нет, я же не общественный деятель, а писатель, частное лицо.

— А вот любимый вами Лимонов, тоже писатель и частное лицо, как-то сказал: «Когда снова начнут делить власть, надеюсь, окажусь где-нибудь поблизости»...

— Кажется, в прошлый приезд один журналист спросил меня, не собираюсь ли я вернуться в Россию. А я — встречный вопрос: «А зачем?» — «Ну, как же, может быть, выбрали бы вас куда-нибудь, в Верховный Совет...» Мне стало смешно. Я не считаю, что писатель должен заседать в Верховном Совете, в Президентском Совете, давать советы политикам, как надо управлять страной и поступать «не по лжи»...

— А как вы думаете, что было бы с Америкой, если бы Буш выбрал себе в советники писателей?..

— Он бы не смог управлять страной!

— Так, может быть, и у нас поэтому ничего не получается? может быть, писатели во всем виноваты?!

Ярослав МОГУТИН

Андрей СИНЯВСКИЙ

ПОХВАЛА ЭМИГРАЦИИ

Что такое для меня эмиграция? Это шум города издалека — чужестранного города, пение пилы или сверла, шелест автомашины, кто-то поливает цветы из кишки в соседнем садике, звонят колокола, бьют часы на

башне, и весь этот смешанный гул источает содержание, очень далекое от тебя, но по-своему значительное, исполненное смысла, на фоне которого, может быть, ты и грустишь немного, но и радуешься втайне: живут люди...

Это чужой язык на улицах, в который ты не вслушиваешься, звучащий, как щебетание птиц. На этом фоне ты живешь, пишешь, отгороженный фоном от жизни, все больше и глубже погружаясь в свою задумчивость. Мне

Речь при вручении премии «Писатель в изгнании» Баварской Академии изящных искусств (декабрь 1988 г.)

легче без языка: я вас не касаюсь. Я слушаю говор другой улицы, подведенной к моей голове.

В отличие от многих эмигрантов я не испытываю ностальгии. От нее заранее отучила меня тюрьма — точнее говоря, ощущение, что ты, человек, себе не принадлежишь и тебя в любой момент могут переправить куда угодно: со свободы в лагерь, из лагеря на свободу, или в другой лагерь, или в ссылку, или в эмиграцию. В результате таких «пересадок» вырабатывается привычка. Ну, пересадили в эмиграцию. Чего еще тебе надо? Ведь твои рукописи с самого начала были эмигрантами.

Чтобы это представить понятнее, сошлюсь на один сон, который мне периодически снится. Мне снится, что я нахожусь в лагере, отбывая уже второй срок за то, что написал в эмиграции. Лагерь совсем не страшный, обыкновенный лагерь, в котором я уже бывал по первому сроку, и даже иногда, во сне, я встречаю там старых моих лагерных друзей и знакомых. И думаю во сне: «Ну, хорошо, отсижу второй срок, но как мне после этого выбраться назад, во Францию, где я смогу писать? Наверно, придется выбраться через Израиль».

В итоге позволю себе сказать несколько добрых слов о том полезном и хорошем, что дала мне эмиграция. Конечно, это лишь небольшой аспект писательско-эмигрантской темы, притом — взятый из моего, сугубо личного опыта. И все же, находясь в эмиграции уже пятнадцать с лишним лет, мне хотелось бы положительно осмыслить этот опыт. Как говорил мне в лагере один старик: «Писателю и умирать полезно!» Но если даже умирать полезно, то почему нельзя извлечь позитивный смысл из факта эмиграции?..

В русской филологической науке начала XX века появился такой термин: остранение. Термин «остранение» происходит от слова «странно». Из него следует, что писатель вообще или, во всяком случае, некоторые писатели видят мир, самый обычный мир, как своего рода странность и потому эту странность изображают.

Простейший случай — Гулливер в стране лилипутов, где лилипуты в одном эпизоде выступают в роли писателей и потому описывают как нечто странное, чрезвычайное самые обычные вещи, извлеченные из карманов Гулливера: носовой платок, гребенку, карманные часы...

В широком смысле всякое искусство, возможно, это и есть «остранение». Искусство смотрит на мир новыми глазами, как бы не узнавая его, и пытается — в который раз — доискаться, что же это такое. Или, как говорил Пастернак, искусство начинается с того, что мы перестаем узнавать действительность.

В этом качестве эмиграция может помочь писателю. Ведь, попадая в эмиграцию, писатель становится иностранцем. Причем в двойном значении он оказывается иностранцем: и по отношению к странам, в которые он эмигрировал, и по отношению к собственной, родной стране, откуда он уехал, и, по-видимому, навсегда. И он перестает узнавать действительность, и пытается ее изобразить и осознать наново, исходя сразу из двух точек своего остраненного, своего иностранного положения.

Попробую это пояснить моим собственным опытом двойного иностранца. Проходя по маленьким улочкам старинных городов Европы, я не понимаю, что же это такое, и вдруг вижу — книгу. Книгу, написанную когда-то очень давно. Странную книгу. Поля в этой книге расположены не по краям листа, а посередине страницы — в виде очень убористой, выложенной плотным камнем мостовой. А шрифт находится там, где обычно у книги располагаются поля, — по краям, в виде нависающих над моей головой домов. Иногда же текст лежит под ногами, как мостовая, а дома представляются свайными постройками. И я не знаю в результате — что подо мною? Улица или страница? Город или книга? А может быть, и то, и другое?

Должен сознаться, что, и работая над текстом, я начал воспринимать его более пространственно, в более разветвленной и визуальной форме — в образах архитектуры и густо пересеченных ландшафтов. Это, мне кажется, влияние географии на форму прозы. Дело не в содержании. Ведь описываешь-то все равно, в основном, собственную жизнь. Но окружающие ландшафты меняют стиль, а для меня стиль — это главное. В Европе после России попадаешь в новые пространственные измерения, и это как-то соответствует твоим внутренним задачам в построении фразы, в построении абзаца. Меня, в частности, особенно занимает проблема прозы как пространства. Границы раздвигаются, и, попав за границу, ты становишься подданным территории более раскидистой (символом Европы для меня стало раскидистое дерево в парке в отличие от лесов и степей России), за которой стеной горизонта вновь встает колючая проволока.

Но можно рассуждать шире. Мне одновременно на Западе неизмеримо шире открылось то, что можно назвать воздухом и пространством истории. Может быть, отчасти это случилось потому, что из советского человека я в качестве эмигранта, по советскому выражению, был выброшен на задворки истории и в виде отброса ничего уже не делаю, а только созерцаю. Наверное, все люди рано или поздно, прижизненно или посмертно — оказываются на задворках истории. Просто в эмиграции это лучше и раньше доступно обозрению. Как-то яснее понимаешь, что все — пройдет.

Однако рядом с этим выброшенному на западный берег человеку становится виднее многомерность жизни. Наступает конец однолинейному сознанию в восприятии истории. Здесь воочию убеждаешься, что история развивается не по какому-то одному установленному руслу, а многими путями, порою весьма извилистыми, рождая изысканный и причудливый рисунок разных культур, городов и народов. Конечно, теоретически я и раньше об этом знал, но знал отвлеченно, умозрительно, а здесь этим дышишь, это впитываешь. Причем различные исторические слои подчас переплетаются. На европейском Западе Средние Века или эпоха Ренессанса не кажутся уж такими далекими. Так же как в Израиле, я вдруг заметил, что Библия здесь становится необыкновенно достоверной — достоверностью места, где все это совершалось. Такого в России я никогда не замечал. История оказывается у тебя под боком, причем сразу в нескольких срезах и вперемешку с современностью.

И, наконец, книга, на мой взгляд, пишется за границей действительности, за границей общепринятого, доступного, и даже за границей сознания. Не знаю, как у других авторов, но мне, прежде чем что-то написать, нужно дойти до каких-то границ жизни и попытаться их перейти, чтобы увидеть — искусство.

Книги пишутся в молчании. В полном молчании. В просторах одиночества.

Валерий ТУРОВСКИЙ

БЕЗ ПРОБЛЕМ

стали жить
российские телекомпании

И правильно, зачем усложнять себе жизнь, когда ее можно упростить? Верной дорогой идете, товарищи! Народ поймет вас и горячо отблагодарит за то, что в эту пору суровую вы проявили о нем отеческую заботу.

И правильно, потому как вы увидели, что празднование годовщины Великой Победы в Великой Августовской революции (я не иронизирую, именно Великой Победой комментатор «Вестей» назвал это событие) не вызвало ожидаемого воодушевления народных масс.

Слишком много несбывшихся надежд и ожиданий получили мы за этот год великого перелома. Поэтому Бог с ней, с политикой, подалше от проблем, конфликтов и прочих головных болей. Крути себе с утра до глубокой ночи престарелые кинофильмы и — «Отдыхай!» Теперь у нас «Праздник каждый день» будет. Обхохочемся.

Поворот российских телекомпаний на 180 градусов в освещении вопросов внутренней жизни закономерен и понятен. Но — неприятен. Время смутное, как-то там оно сложится, никто не знает. Поэтому самое правильное и мудрое сейчас — отсидеться, отмолчаться, сохранить. Пусть даже и ценой оболванивания вверенного телевидению населения. Которому, населению, вновь тихим ласковым голосом объяснили: «Хавайте, что дают».

Мы и хаваем. Мы привычные.

Но если даже Влад Листьев, человек принципиально, подчеркнуто далекий от политики, не выдержал и в каком-то интервью заявил, что перенос центра тяжести с собственной продукции на покорный прокат чужой свидетельствует о творческом оскудении телевидения. За точность слов не ручаюсь, только за точность смысла.

Рис. А. Зайца

А смысл в том, что все происходящее на всех каналах нашего доблестного телевидения можно определить одним словом — беда. А можно и двумя — большая беда.

Самое страшное воспоминание моей университетской жизни — это пятикратная пересдача экзаменов по политэкономии, когда измученные преподаватели ставили мне глубоко неза заслуженную «тройку», только бы меня больше не видеть никогда. Спасибо вам, сердешные! Но что-то все-таки от той давней зубрежки сохранилось в слабом мозгу, чтобы попытаться понять про ваучеры.

Не-а, ни бельмеса не смыслу. Первое время ТВ несло какую-то невразумительную жвачку про то, что сейчас-то все мы будем равны и вольны, а потом, отчаявшись дать вразумительный ответ, и вовсе поперхнулось, умолкло.

Вместо этого — «Зимняя вишня-2» второй свежести. А че, нормально, зачем народ бередить, приватизация какая-то, чеки, ваучеры, тем более что десять тысяч — это уже и не деньги. Все правильно, вы — молодцы, ребята. «Даешь кино!» — очень точную рубрику придумали коллеги из газеты «Семь дней», угодили-таки начальству.

И добро бы кино было нормальным. А то на одного «Бирюка» Романа Балаяна приходится шесть «Безмянных замков». Спасибо, хоть до ретроспективы Анджея Вайды додумались наши телевизионные мудрецы; вот только крепко я сомневаюсь, стоит ли в эту ретроспективу включать «Человека из мрамора» или «Человека из железа». Там ведь очень много политики...

Беспроблемное телевидение — что может быть бессмысленнее этого? Я не знаю. Свернув с магистрали на обочину, ТВ создает счастливую иллюзию нашей счастливой жизни. И

какую цену мы все за эту иллюзию заплатим — я тоже не знаю. Знаю только, что высокую или очень высокую.

По-своему прав Егор Яковлев в интервью газете «Известия», сказав, что люди устали от политики. Но от политики цен, скажем, они устали еще больше, но поди ж ты, ахают, обсуждают, вздыхают. Терпят. Традиционно политизированная страна не может по определению устать от политики. Мы вечные пикейные жилеты, это наш менталитет. И жалеть нас за усталость значит лукавить. Пока мы не забудем имена наших президентов, премьеров и спикеров, пока мы не отучимся различать их — мы будем продолжать вовлекаться в политические страсти. Это-то хоть понятно или еще раз объяснить? Впрочем, пустое все это...

Телевидение устало от своего зрителя. Ему надоело работать за своего зрителя. Поэтому, прикрываясь лицемерной заботой о нас, уставших, нас пичкают лошадиными дозами мыльных опер всех цветов и размеров. И попробуй заикнуться, что «Богатые тоже плачут» — недостаточно изящное произведение искусства. Бедные люди бедной страны все как один встанут на защиту завоеваний дна Луиса Альберто. На это у них силы есть, от этого они что-то не устают.

Бедная страна. Бедные люди.

В потоке и патоке богатых слез наше телевидение захлебнулось и засахарилось. Перенасыщенный раствор безвкусицы был явлен в середине сентября, когда в один вечер сошлись беспомощный видеоклип «О, Марианна», очередная сто семьдесят черт знает какая серия «Богатых...» и на десерт, чтобы все уже слиплось, встреча с Вероникой Кастро в Концертной студии «Останкино». Не много будет, натошак-то? Не-а, че там, мы привычные.

Я смотрел на эту маленькую нестаряющую женщину, и мне ее было искренне жаль. Дмитрий Крылов и Виктор Мережко, классно умеющие спасать любые ситуации, здесь ничего поделывать не могли. Ну смели ли они заподозрить, что мексиканская киноактриса не знает ни одного имени русского кинорежиссера? Даже Эйзенштейна, жившего и работавшего в Мексике. Такая степень неподготовленности и неосведомленности о стране, где тебя носили на руках, как минимум оскорбительна для страны. Но поскольку, как известно, мы привычные, то стерпим и это унижение.

И еще мне было жаль маленькую Веронику Кастро из-за того, что устроенное в «Останкино» в ее честь торжественное собрание партийно-хозяйственного актива могло вскрыть ей голову и она впрямь поверит,

что она не скромно одаренная кино-модель, а величайшая актриса современности.

Подмостки Концертной студии «Останкино» очень крепко осели. Если раньше быть туда приглашенным считалось честью и знаком особого отличия, то теперь туда запросто зовется всякий неленивый. В случае с В.Кастро все понятно — народ знает и любит своих героев. А в случае с Эдуардом Лимоновым, которого народ не любит, хотя и не знает? Что-то слышали краем уха, что он отпетый матерщинник и антисоветчик, а вот теперь ругаться по-грязному прекратил и горячо полюбил свою могучую советскую Родину.

Молодец, исправился, хороший мальчик. Лет пятидесяти. Свою «птерку» по поведению заслужил.

Лимонов заслужил то, чего заслужил. Надутый и пустой, он битый час что-то мямлил о своей роли в русской литературе и русской стране и так себе в этой роли нравился, что просто млеет от любви к себе, любимому.

В своих едких, как соляная кислота, заметках об Эдуарде Лимонове, печатанных «Столицей», Алла Боссарт предприняла удавшуюся на сто пять процентов попытку превратить «нашего» героя в персонаж трагикомический, для которого в этой жизни самое «главное» — чтобы костюмчик сидел». Других забот, кроме как выглядеть значительно дороже, чем есть на самом деле, у Лимонова, кажется, уже и не осталось.

Решив все свои проблемы, он оставил перед этой и, к ужасу своему, понял, что она — неразрешима. Костюмчик узок в плечах и широк в бедрах. Но признаться в этом людям или, того хуже и страшнее, самому себе — нет ни сил, ни вкуса, ни смелости. Подставиться под критический обстрел — это во сто крат жутче, чем подставлять свою горделиво сидящую голову под обстрел в Дубоссарах.

Но чего не сделаешь, на что не пойдешь, только бы удержаться на плаву, только бы взмыть на гребне очередной сплетни или шумихи, только бы вокруг все пенилось и пузырилось!

Без этой постоянной, неостановимой возгонки жизнь потеряет все очарование. А так хочется, так сильно хочется любви и восхищения, томности и неги, борща и негра!

Но вместо этого — ускользящая молодость, убывающий талант и уплывающая популярность. Вот и ярится на телеэкране, и тщится, и из своей изнеженной кожи вон лезет, а вместо многозначности и многозначительности слов, жестов, пауз происходит один только стыд, неловкость да балаганная клоунада местечковой яр-

марки.

Не от хорошей телевизионной жизни я так много места уделю этим двум провальным встречам в «Останкино». Это был хотя бы громкий, яркий провал. В критической же массе телепередач — аккуратное владение профессией, узнавание знакомого, инертность и отсутствие выдумки.

Один только Влад Листьев, шалун и выдумщик, никак не успокоится и все мается проблемами, как раздеться или как разбогатеть. Конечно, проблемы нудистов и бизнесменов — как раз именно те проблемы, которые стоят на переднем крае нашей разорившейся страны. Но это хоть забавно, озорно и темпераментно сделано. И главное — без натуги.

Чего не скажешь о «Поле чудес», а особенно о «Брэйн ринге», у ведущих которых зачастую не хватает элементарно поставленного дыхания, чтобы справиться с потоком и темпом выстреливаемых ими слов. От этого создается ощущение истерии, скандала и сумятицы. И не только в словах, но и в умах.

Как всегда импозантным и как с недавних пор соскучившимся предстает на экране Урмас Отт. Светская утонченность и утомленность его речей наводит на невольное подозрение, что ему заранее неинтересен ответ на его вопрос. Вопрос еще не прозвучал, еще звучит, а ведущему уже неинтересно. Иннокентий Смоктуновский как актер и не обязан философски формулировать свои ответы, у него другая профессия, но в телеинтервью было бы желательно, чтобы ответы все-таки имели большее отношение к задаваемым вопросам.

А может быть, они и не могли быть иными, если ведущему собеседник до конца неинтересен. А если неинтересен — то тогда зачем все это затевать и устраивать?

И над всей этой телевизионной скукоженностью, трогательной опасливостью огорчить зрителя, подсунуть ему слащавую сказку про белого бычка inferнально парит «Клуб Алана Чумака», которому усердно, чтобы мы, не приведи Господь, не печалились, изо всех сил помогают Луис Альберто, Ракель, все обитатели Санта-Барбары, всякие Антонио, Сары, Чучи и даже обезножившая тетька Чоли с подружкой тяжелой молодости.

Что и говорить, изысканное общество вламывается каждый день в наши квартиры и приторными голосами велит нам: «Отдыхай...»

Мы отдыхаем. Вот только увидим ли мы телевизионное небо в алмазах? Пока надежды на это возлагать не приходится.

ИВАН — РАЗРУШИТЕЛЬ ВОЛН

Его имя еще мало кому известно, но будет известно всем

Ивана проще называть Ваней, потому что во всем остальном можно запутаться. Кроме Вани он еще Охлобыстин (фамилия), кроме Охлобыстина — Чужой, Тотальный, Человек-Ангел, Разрушитель волн, Галл солнцеподобный и Демон соцреализма (воплощения). Ваня многолик, как мир. Известность принес ему фильм режиссера Никиты Тягунова «Нога», где он выступил как актер, а точнее, просто как Личность, на которую сегодня в кино большой дефицит. Личность взяла приз за лучшую мужскую роль на престижном фестивале отечественного кино «Киџотавр», что и принесло ей известность в ограниченном, увы, кругу критиков и режиссеров, если не учитывать, что Ваня — кумир вгиковской молодежи. Иван, конечно, не Вероника Кастро, но к нему известность придет, уже торопится, поскольку «Нога» загадочными русскими путями попала в видеопрокат, и достоверно известно, что кое-где кассету не возвращают, оставляя щедрый залог. А вообще-то Ваня — режиссер, он снял фильм «Арбитр». Но в свои 25 лет он еще и сценарист, и писатель, и философ, и все-все-все. Он только что закончил практиковать йогу и теперь, согласно этому учению, находится в «периоде недоумения». «Арбитр» — манифест этого недоумения, модель новой эстетики. То, что вы сейчас прочитаете, можно считать избранным из Вани, а его самого — явлением русского авангарда начала конца века.

Фото Э.Кудрявцовского

ИВАН ОХЛОБЫСТИН

Если бы я взялся рассказывать историю человечества, я рассказал бы ее так: «До меня были: Леонардо да Винчи, Магомет, Будда и Иисус Христос». Может быть, до кого-нибудь другого были Тютюкин и Егор Лигачев, но до меня точно были: Леонардо да Винчи, Магомет, Будда и Иисус Христос.

Мой фильм «Арбитр» сделан в эстетике абсолютизма. Объясняя. Когда появился Люмьер, поехал паровоз с экрана — людей хватил кондрашка, и они бежали из зала с мокрыми штанами. Потом привыкли, согласились. Потом Гриффит смонтировал голову с ногами — дамы падали в об-

морок, но тоже смирились. Уровень зрительского восприятия в данный момент готов к универсальной форме. Я не постмодернист, я — абсолютист. Хорошее должно собирать все. Мною движет закон всепримирения. Я хочу все сконцентрировать. Сейчас все смешивается, мы все знаем, у нас все было, мы переживали все, мы пережили огромную культуру — мы должны относиться к истории человечества как к истории своей семьи.

«Арбитр» — это румба на крыле самолета в полете. Мне не очень хотелось, чтобы это было понятно в сюжетном плане. Хотелось, чтобы люди отвлеклись от истории и наслажда-

лись сутью оной. Это как феерия, как ритуал. Я хочу работать как шаман. Там, где в фильме появляется первый титр, по моему разумению, у зрителя должно выключиться все.

Титр: «Это — цветы паранойи, они зацветают в предчувствии двух солнц».

Когда я снимался в «Ноге», я только что познакомился с супраментальной практикой — йогой. Я бороздил глобальный разум, косился на землю и подумал — какой я там Чужой. И взял псевдоним.

Потом я решил стать Тотальным. Я был актером, режиссером, сценаристом, я подумал — ну уж надо гайку до конца завинтить, и так конфуз идет: все сам — и в дудку дудит, и пляшет, и поет. Надо было под конец точку поставить.

Я люблю экспериментировать. Во ВГИКе сделал экранизацию радиоспектакля, идущего в эфире с помехами, называлась она «Чушь, или Рассказ ни о чем». Поездил с ней по фестивалям, в Чикаго был, призов каких-то наполучал, потому что чудная она вещь.

А вторую картину я сделал сразу после этой и назвал ее «Разрушитель волн».

Паша решил изменить что-то в своей жизни — жениться, предположим. А у него папа сумасшедший, у папы мания бродяжничества, а мама всегда сажает папу в клинику. Папа бежит из клиники, и в день Пашиной свадьбы убежал. Сын отдает ему свой смокинг, а сам в пижаме шатается по городу и сочиняет стихи: «Я — Разрушитель волн. Я стою на прибрежных камнях и разрубаю ребром ладони хрустальные холмы, идущие за горизонтом. Я знаю, что это бесплодное занятие, но я всегда буду этим заниматься. Даже в тот день, когда мое тело отнесет отливом в море, все будут называть меня Разрушителем волн, потому что у меня нет другого имени. Я — Разрушитель волн».

Я самореализуюсь в собственной иллюзии и так борюсь с банальным, тусклым. Надо внутри строить историю и отдавать энергию этой истории — это призрачные вещи, но можно сделать их реальными, если верить в них.

В кино меня деньги не интересуют. У меня были деньги, но я не был жаден. Мне нравились деньги как факт, как игрушки. В кино мне интересен сам поиск. Если не существует принципиальной основы в каком-то занятии, то не существует ничего. Из-за этого тусклость.

«Это не человек, это — Ангел. Я ему говорю: «Я пришел тебя убить». Он говорит: «Ты не можешь меня убить». И улетел. Я стою, а он улетел».

Любой человек может самовыразиться. Хочу найти этому форму. Питер Брук говорил о «священном театре». Играется спектакль и рождается чувство, которое невозможно сформулировать, но оно очень близко к обрядовым формам. Древние культуры от информации уходят в нюансы — такое ритуальное кино, от древних.

Познакомился с местными ментами в Сочи. За столом сидели, они «Ногу» видели, классные ребята. Мне менты нравятся, а бандиты нет. Не разделяю я уголовных кайфов.

Человек правилен только в мертвом состоянии. Жанр — это сразу мертвое кино. Я не уверен, что американцы способны чувствовать. У них массового бессознательного нет. Они хорошие, но у них одна таблетка от всего. «Какие твои проблемы?» — и таблетку сразу.

В девятом классе я крестился сам, потому что стало чего-то не хватать. Я осознал себя в третьем классе — мне купили велосипед, и я неожиданно понял, что умру. Вызвало это во мне чувство паники, поставило вопросы, с тех пор кумекаю. А это основные вопросы.

Теперь такое время, что можно либо погибнуть, либо начать жить настоящему. Это и есть конец света, но конец старого света, новое что-то придет. У нас народ выпестован бедой, он сделан таким, что в нем может зародиться все, и все лучшее. Сейчас все склонны к сарказму к концу столетия, надо его преобразовать в радость, откайфовать от того, что я есть, что мы есть. Все, что есть, уже достаточно для счастья.

С религией я разобрался так — изучал индийские дисциплины, увлекался, читал, но думаю, что Бог не делает ошибок. Если я родился в этой стране, среди этого народа, среди этой культуры, значит, это мне нужно.

«Вначале было слово. И слово было сказано мною. И слово было Я. Я так думаю. А когда не думаю, то вопрошаю: «Так ли, Господи?» Очередной раз столкнувшись с молчанием, я купил себе джинсы с лампасами и снял кинофильм».

Один из героев моего старого, давно утраченного сценария рассказывал о своей мечте так. Он хотел ложиться с первыми лучами закатного солнца, потому что он любил свою жену, и просыпаться с первыми лучами восхода, потому что любил свою работу.

Между небом и землей я выбрал бы небо. Хотя я не понимаю, как в раю может быть хоть один человек, если в аду есть люди. Не будет в раю ни одного — чувство человеческой солидарности не позволит, не с чистой душой в рай уйдешь. Кумекаю я, кумекаю...

С Ваниного на русский перевела
Наталья РТИЦЕВА

Никита
БОГОСЛОВСКИЙ

Заметки на полях шляпы

Ни в одной стране, кроме нашей и Германии, государственные деятели не правили под псевдонимом.

После перехода «на ты» президенты стали «Боря» (Россия) и «Леня» (Украина). Своей очереди дожидаются «Джорджи» (США), «Джонни» (Англия) и «Геля» (ФРГ).

Санкт-Петербург Ленинградской области. Екатеринбург Свердловской области. Да что мы все с ума посходили, что ли?

Джинн обиделся и полез в бутылку.

Разница между охотниками и Жириновским та, что охотники дичь стреляют, а Владимир Вольфович ее несет.

Восторги по поводу Марианны — это отдаленная реакция на «Ленина в Октябре».

Сергей ЧУПРИНИН

Что год грядущий нам готовит?

Не знаю, как для «рядовых» подписчиков, но для литераторов, журналистов, издателей нет чтения увлекательнее, чем анонсы в августовских — а затем в сентябрьских, в октябрьских — номерах дружественных или враждебных изданий.

И дело даже не в конкретном перечне романов, повестей, очерков, архивных материалов, которые «Нева», «Волга» или «Юность» намереваются опубликовать в грядущем году, — по опыту известно, что журналы обычно обещают больше, чем смогут дать. Что-то из запланированного и, может быть, даже уже подготовленного к печати все равно не поместится на журнальных страницах, будет вытеснено в процессе жесткого конкурентного отбора. А что-то из объявляемого редакциями и вовсе пока у авторов «в чернильнице». Недаром ведь одни и те же престижные позиции — например, «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева в «Новом мире» или «Генерал и его армия» Георгия Владимова в «Знамени» — повторяются из августа в август, а кое-что, поблистав год-другой в анонсах, так и исчезает из сферы редакционных (и читательских) ожиданий — как, скажем, безымянный роман Владимира Богомолова или «Богороди-

ца в снегах» Чингиза Айтматова.

И все же я бы не считал анонсы только царством несбыточного. Сопоставляя одни обещания с другими, квалифицированный читатель многое узнает и о журнальных предпочтениях, позиции той или иной редакции, и о процессах, которые вообще идут в литературном, писательском мире.

Ну, например.

Появление в анонсе «Нашего современника» имен Александра Зиновьева и Бориса Можаява ясно

свидетельствует о возрастающей, увы, приманчивости национал-патриотических, великодержавных ориентиров. И если дрейф А.Зиновьева к красно-коричневому краю литературного спектра вполне ожидаем — слишком уж пылко сей «патриот-заочник» и раньше защищал колхозы, глумился над Сахаровым и Солженицыным, обличал демократию, горевал об утраченном Россией имперском величии, — то поступок Б.Можаява, впервые на нашей памяти поставившего на кон свою репутацию, наводит на тревожные размышления: кто следующим — в очередь за Л.Бородиным и Э.Лимоновым, С.Есиным и Ю.Власовым — вступит на многих славный путь: неужто Владимир Максимов?..

Или вот еще. Очевидно, что в наступающем году основной упор журнальными редакциями будет сделан уже не на возвращаемые имена и книги, а на текущую, как у нас выражаются, свежую прозу. К «Знамени», еще в прошлом и в позапрошлом году отчетливо заявлявшему о себе как о журнале современной литературы и современной мысли, начинают, судя по анонсам, подтягиваться и другие ежемесячники. Что ж, надо ведь когда-нибудь и «Октябрю»

попрощаться с Антоном Ивановичем Деникиным, и «Новому миру» вспомнить о том, что он как-никак новый мир, и «Нашему современнику» перестать жить за счет растянувшегося на девять месяцев архивного романа «Побежденные»...

Лета явно клонят к суровой прозе наших дней, а следовательно, и к журнальному риску, ибо, согласитесь, одно дело с беспечностью рантье тиражировать то, что проверено десятилетиями, и совсем другое — привечать племя новое, неземное, изводя тысячи тонн словесной руды в поисках текстов, которые пришли бы в пору именно сегодняшним читательским ожиданиям.

Кстати, об ожиданиях.

Помню, как, заступив три года назад на должность журнального работника, я сформулировал свою редакторскую (и читательскую) мечту о романе — непременно сюжетном и динамичном, панорамном по охвату жизненного материала, сплетающем политические (идеологические) и любовные мотивы в единый узор, равно интересном, доступном и для высоколобовых, и для неквалифицированных читателей.

Как, например, «Обрыв» Ивана Александровича Гончарова.

Или, если брать образцы поближе, как «Тихий Дон», как «Мастер и Маргарита», как «Дом на набережной».

Увы мне, о романе такого типа в последние годы и помина не было. Я говорю само собою не об уровне — тут уж все от Бога зависит, — а о направленности усилий, о векторе, если хотите, авторских намерений и посягательствах. О том, что перестроенная словесность и перестроенная литературная периодика, начав с выполненных по нормам смысловой ясности и увлекательной сюжетности «Печального детектива», «Детей Арбата», «Белых одежд» или повести «Ночевала тучка золотая», вскорости сдвинулась в сторону произведений преднамеренно усложненных, эссеистичных, а не беллетристичных по своей внутренней природе. Перебрав в памяти позднюю прозу А.Битова, Л.Петрушевской, В.Макарина, Вик. Ерофеева, А.Кима, Р.Киреева, Е.Попова, В.Личутина, В.Пьецуха, многие, я думаю, признают, что им если чего и не хватает, то именно читабельности.

Слово «читабельности» звучит, конечно, дико, но без него не обойтись, выясняя причины заметного охлаждения публики к высокоуродной современной литературе и литературной журналистике.

Охлаждения, особенно нагляд-

ного на фоне по-прежнему устойчивого интереса к маскульту, к спешно переводимым на русский язык и вперегонки издаваемым А.Хейли и М.Пьюзо, У. Ле Гуин и Э.Арсан, К.Маккалоу и Р.Хайнлайн.

Возник своего рода конфликт: люди — пока еще — хотят читать, но не то, что предлагает им нынешняя русская литература, в одно историческое мгновение ставшая в большинстве своем элитарной, аристократически умственной, доступной и интересной незначительно — хотя, допускаю, и наиболее квалифицированному — слою читательской аудитории.

Что делать писателям?

Можно, конечно, лить горькие слезы, бранить издателей, выпускающих не то, что должно, и читателей, тратящих свои червонцы опять-таки не на то, что должно. А можно — и именно это лично мне сегодня интереснее всего в русской литературе — попробовать откликнуться на самые что ни на есть пошлые читательские ожидания, поработать в сфере «низких» жанров и «маскультовой» проблематики.

Как Василий Аксенов, создавший комический триллер «Желток яйца» и — вдогон «Строговым», «Волгиным», прочим соцреалистическим семейным эпопеям, вперекличку с суперпопулярными сегодня телесериалами — кующий свою «Московскую сагу».

Как Александр Кабаков, надеющийся взволновать и тонизировать тьму лысеющих-седеющих «мальчиков» своими авантюрно-эротическими фантазиями.

Как — к моему признанию, изумлению — Анатолий Ким, в романе «Поселок кентавров» изменивший паутинной словесно-психологической вязи в пользу грубой сюжетности, брутальному сарказму и брутальной же сексуальности.

Верю, что буду понят верно.

Я не Бог весть как высоко оцениваю наличные результаты этих экспериментов — В.Аксенов времен «Ожога», А.Ким времен «Белки» мне, не скрою, как-то роднее. Но я высоко ценю творческий непокой, не покинувший, значит, этих «артистов в силе», ценю сам дух эксперимента, вновь возвращающийся в литературу и, может быть, в чаемой перспективе возвращающийся литературу читательскому большинству.

Хочу обратить внимание господ писателей: сегодня сочинять нечто изысканно туманное, круто постмодернистское или донельзя интеллектуализированное значит следовать эстетической инерции. И

наоборот: работать с сюжетом, с «низкими» жанрами и темами синонимично сегодня поиску в зоне художественного риска, где, что называется, либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Хочу обратить и внимание господ читателей: судя по журнальным анонсам на 1993 год, судя еще в большей степени по рукописям, чья судьба пока окончательно не решилась, и литература и литературная периодика готовы развернуться именно в эту сторону: к читабельности, то есть к читателям.

Анатолий Курчаткин испытывает свои силы в жанре мистического романа, исстари — со времен Вельтмана и князя Одоевского — не дававшегося русским писателям. Бахыт Кенжеев ждет публикации в «Знамени» романа мещанского, попробовав осюжетить, материализовать и тут же спародировать самые что ни на есть стереотипные представления о том, как и чем живут нынче российские мультимиллионеры — брокеры да дилеры. Андрей Матвеев задался целью написать первый в нашей традиции чисто эротический роман, выбрав для столь экстравагантной литературной задачи традиционную форму романа плутовского. Ольга Новикова — едва ли пока не в одиночестве — исследует жанровые, стилистические, иные возможности того, что во всем мире безоценочно называется женской прозой и что только сейчас, в полуслучайных переводах начинает поступать на российский книжный рынок...

Ограничусь этими четырьмя примерами, понимая, как трудно и редакторам, и критикам (и читателям!) освоиться в новой для себя эстетической реальности. Только не говорите, что все эти поиски и пробы разворачиваются за пределами подлинной литературы, вне национальной традиции!

Какое там за и какое там вне — если Гоголь и А.К.Толстой уже баловали публику историями про вурдалаков и ведьмочек, кладя тем самым почин «маскультовой» литературе ужасов;

если Антоша Чехонте и Мих.Мих.Зощенко уже возводили зубоскалящую юмористику в разряд отечественной классики;

если Достоевский всю свою жизнь писал детективы, и, видит Бог, совсем не плохо получалось.

Во всяком случае, читабельно!

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА ПРО ЛЮБОВЬ

Наталья Макарова
в спектакле
«Двое на качелях»

Чувства, которые вызвал этот спектакль, почему-то хотелось скрыть. В крайнем случае говорить про это с иронией. В них было как будто что-то «стыдное».

В самом деле: простенький мелодраматический сюжет, незамысловато разыгранный, на фоне сумасшедших катаклизмов, разрывающих нашу жизнь, — что тут может так уж взволновать? Откуда в этом непрочном, беглом наброске, казалось исчезающем на глазах, возникало то странно щемящее чувство жалости и любви, давно на театре не испытываемое?

«Двое на качелях» в театре Романа Виктюка — очень скромный спектакль. Он настолько прост и внешне безыскусен, что некоторым кажется — это и не спектакль вовсе. Участие Натальи Макаровой придавало премьере оттенок сенсационности, который, безусловно, ограничен победно-сияющему имиджу последних спектаклей Виктюка, но этому его неожиданному творению чужд и только сбивает с толку.

Ожидания балетоманов были вдребезги разбиты с первых же минут. На сцену театра им.Моссовета вышла не торжествующая звезда, эффектно исполняющая свою прихоть, не великая балерина, завоевавшая мир, но драматическая актриса, незнакомая публике и даже — что самое главное — самой себе. Именно это рождение актрисы, постепенное ее открытие и было самым увлекающим в тот вечер.

Макарова вышла под аплодисменты зала и сделала несколько балетных движений. Конечно, она сделала их так, что дух захватило, но еще раз

Фото В. Баженова

то же самое она позволит себе только в финале, когда все уже будет кончено, и, что-бы удержать, продлить горькую минуту прощания, она встанет на пуанты. Начало же ей нужно было как будто для разминки или для того отчаянно смелого прыжка, который она решилась совершить. Она подошла к железной палке в глубине сцены и, как в собственное прошлое, вместо привычного зеркала взглянула на огромные, увеличенные фотографии своих балетных триумфов, а затем...

В чужое, полное опасностей пространство драматической сцены знаменитая балерина Наталья Макарова вступила робко, как бы на ощупь, пробуя ногой устойчивость пола. Эта беззащитная робость, эта пугливая доверчивость были столь натуральны, столь человечны, что можно, пожалуй, и согласиться: не спектакль. Как не были только спектаклями работы Анатолия Эфроса, имя которого, внезапно и неожиданно возникнув, уже не отпускало на протяжении вечера.

В этих «Качелях» была та же легкость дыхания, та же естественность строения, та же подвижная прозрачность рисунка.

Через 30 лет после первого знакомства пьеса У.Гибсона оказалась до смешного наивной там, где речь идет о переживаниях героя (влиятельный тесть и богатая жена), и на редкость трогательной в отношении героини — неудачливой балерины Гитель Москва. Имея такую актрису, как Макарова, Виктюк знал, что ему делать. Пьеса в его руках еще больше упростилась, моральные проблемы героя проброшены вскользь, и в спектакле, как выпаренная соль,

осталась лишь вечная и обжигающе грустная история любви, в которой ведущая партия принадлежит, как и положено, женщине.

Партнер Макаровой, Валентин Клементьев, играет достойно и с той мерой сдержанности, которая потребна этому спектаклю. Риску предположить, что причиной выбора его на роль была прежде всего внешние данные. Для маленькой худенькой Макаровой, конечно же, нужен был такой большой, неуклюжий, мешковатый партнер. Как, очевидно, нужен был тот устрашающий железный каркас, который выстроил на сцене художник В.Боер. Тут нет ничего обидного для Клементьева: у режиссера был свой расчет, а актеру имеет смысл вспомнить классическое уже партнерство Ольги Яковлевой и Николая Волкова, чтобы понять свои тут возможности.

А Наталья Макарова, вполне осознавая свое центральное место в спектакле, кажется, вообще не задерживается на том, чтобы что-то сыграть. Ее тело пронизывает некое стремление, неудержимое внутреннее движение, независимое от разума, слов и обстоятельств. Сентиментальный текст становится воздушным и необязательным, будто она не придает ему решительно никакого значения, а промелькнувший сюжет — таким простым и ясным, что, кажется, сыграть его ничего не стоит.

В игре Макаровой совсем нет ничего эффектного. Но именно это отсутствие усилия и еще медленное вхождение в роль, постепенность завоевания пространства — пьесы и зала — выдают большого мастера. От этой осторожной неторопливости, от этого всеми силами оттягиваемого приближения к неизбежному и возникали та напряженность и то тревожное предчувствие беды, которая непременно должна случиться с этой маленькой бесстрашной женщиной.

В Гитель, как ее играла Макарова, была удивительно нежная деликатность. Актриса как будто не решалась на чем-то настаивать, что-то жестко обозначать; ее явления были мимолетными, в одно касание, но оставляли, однако, вмятины и какой-то сладостно-печальный след.

Тело этой женщины не знает покоя, как не знает покоя ее душа. Это ее неустойчивые желания, неудовлетворенные стремления, беспокойные порывы сердца диктуют летучие мизансцены спектакля. А ее ноги — ноги балерины — ведут свою — самостоятельную жизнь. Недаром партнер целует ей не руку — ногу (одна из цепляющих «неправильностей» спектакля).

В качестве основного физического действия режиссер предложил актрисе привычную балетную разминку. Она делает ее постоянно и иногда почти механически. Когда говорит по телефону, когда готовит еду и даже в объятиях Джерри — ноги не забывают о балетных позициях. Поднимет вдруг ногу и забудет ее опустить. Или

с телефонной трубкой в руке неожиданно встанет на стул. Или ложится прямо в плаще на матрас, свернувшись от боли в жалкий комочек... Как знакомы эти блистательно нарушающие скучную правду мизансцены и как выразительны!

Необычайной была отточенность графически-острого рисунка актрисы, когда поза, движения рук, изгиб спины действуют наравне со словом, а точнее — опережают его. «Так бывает только в балете», — скажет кто-то и будет прав.

Все тот же Эфрос (интересно, известный ли Макаровой режиссер?) как-то сказал: «Драма — тот же балет, только со словами». Действие в эфросовских спектаклях почти всегда направлялось не психологической и тем более не бытовой логикой, но прихотливым и изменчивым музыкальным движением. По тем же капризным законам психологического гротеска творит Наталья Макарова. Природа ее таланта в основе своей — эксцентрична. И если искать аналогию макаровской Гитель (не для сравнения, разумеется, но чтобы избежать пространных пояснений), то это, конечно, Кабирия, с ее вопрошительно-извиняющейся улыбкой вечной жертвы и непобедимым душевным светом.

Соединение несочетаемого, разрушение привычного, нарушение, еле заметное, нормы — вот та едкая смесь, из которой состоит искусство актрисы. Острота и нежность, присутствующие одновременно, трагедии и героиня, уживающиеся в одной индивидуальности. Ломкий голос, неуверенные интонации, покорные плечи и — прямая спина профессионала. Жертва и стоик сразу. Эта робкая, тщедушная женщина, этот цыпленок, шагающий животиком вперед, как стойкий оловянный солдатик, безрассудно летит в любовь, как в огонь.

Жизнь маленькой Гитель, исполненная непреднамеренной грации, была увидена актрисой и режиссером как отважное дерзание. Ее мучительную неуверенность, ее неизбежное одиночество, которому она обречена, заливал ясный свет избранничества. За которое и последовала расплата. Ее божественный артистизм равно притягивал к себе Джерри и отталкивал — его основательной рассудительности тут было неуютно. И в финале, когда случилось все, что должно было случиться, истаивающая, но несмирившаяся душа поднимает Гитель на пуанты: Свой последний урок стоицизма она поведет в одиночестве стоя у балетного станка и вглядываясь в воспитательные фотографии «Жизели» — в этот парящий в воздухе знак своей подлинной жизни.

Марина ЗАЙОНЦ

Татьяна ОКУНЕВСКАЯ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Татьяна Окуневская — одна из самых загадочных театральных и кинозвезд 30—40-х годов. Она начинала в Реалистическом театре под руководством Н.П.Охлопкова, потом перешла в «Ленком», где сыграла множество ролей в классических и современных пьесах, а список фильмов с ее участием открывает знаменитая «Пышка», «Горячие денечки», «Это было в Донбассе», незабываемая «Майская ночь».

Блестяще начатая карьера оборвалась в середине 40-х, и вернулась Т.Окуневская на сцену лишь через десять лет.

Сегодня мы публикуем отрывок из воспоминаний Татьяны Окуневской, которые она пишет для журнала «Искусство кино», где они выйдут целиком в нескольких будущих номерах.

(...) Я теряю голову от Вены! Только из нее могли ворваться в мир эти пленительные вальсы! Это она делает людей веселыми, красивыми, непосредственными, их и война не изменила! Вена у них в крови! Центр города совсем не разбит, и я живу на самой красивой, утопающей в неопавших желто-красных листьях Гранд Опера Ринг, в самом красивом отеле «Империал», в самом красивом номере, это номер маршала Конева, а он живет под Веной, в Бадене. И солнце! Солнце заливает все! Небо голубое, голубое и такой же голубой ослепительный снег на вершинах Альп. А внизу так тепло, что можно на балконе загорать. И голову кружит «Я люблю тебя, Вена, горячо, неизменно», и плывешь, не касаясь земли! Моцарт не мог не быть Моцартом в этой благоуханной Богом стране! А мой психоз — чистота! Я впервые вижу, чтобы прислуга выносила постельное белье

после сна на балкон проветривать! Впервые хожу по коврам, в которых утопает нога, а ванна — не ванна, а бассейн, гуляю по четырем комнатам. Моя наглядка Арна, видимо, привыкшая к такой роскоши, спит только на пуховой подушке. А я? Я без привычки и упиваюсь комфортом, оказываюсь, это счастье вот так себя чувствовать. И самое главное — горничная: в белоснежном фартуке, веселая, что-то про себя напевает и ведь молодая уже! Ощущение, что ты живешь в своем доме: когда я занята, моя фрау выводит Арну гулять, это она сделала ей пуховое ложе и болтает с ней по-немецки, отчего Арна заходится в восторге, псам, конечно ж, тоже необходимо общение. Если у меня нет еды, моя фрау приносит мне из дома свою еду, несмотря на то, что здесь, как и во всей Европе, послевоенный голод. Я выучила несколько слов по-немецки, она по-русски, и

мы болтаем и понимаем друг друга! Я бы и представить себе не могла, что так может быть.

Теперь у меня не сопровождающий, а приставленный ко мне военный. Этот мой Лурье, конечно же, такой же «сопровождающий», как и предыдущие, только в военной форме — лошадка темная: художник, всю войну провоевал чьим-то адъютантом, знает все и вся.

...Концерт назначен на 10 января в концертном зале дворца Шенбрунн, в том самом, в котором Штраус дирижировал своими вальсами перед императором, как вспоминаю об этом — начинается легкое недомогание. Сопровождать будут наши музыканты, но это меня меньше волнует — даже если они и плохие, оркестровки Влахы все спасут.

...Я совсем сдурела от восторга.

Меня вывезли покататься на лыжах в Голубые Альпы!

Меня привезли в знаменитый Венский лес, мы сидим внизу под горой, в не менее знаменитой харчевне, в которой столетие хозяйничает одна династия и сейчас пять сыновей, здоровых, румяных, веселых, подают нам вино и пиво своего приготовления — дьявольски вкусно! Подвели лошадей: Лошади похожи на хозяев — веселые, игривые! Для тех, кто не ездит верхом, две коляски, и кортеж двинулся. «Я люблю тебя, Вена»... наваждение... нет... двое мальчиков в коляске с флейтой и скрипкой... состояние неправдоподобности... чем выше — больше снега... все ближе неприменно голубое небо... лошади выскочили на вершину... Дунай! Без конца и без края...

Правда, в знаменитой Венской опере восторг от меня уплыл, все, как у нас: такие же картонные мизансцены, так же поют, не шевелясь, лицом в зал, и лица эти бессмысленны и никакого отношения ни к образу, ни к тексту, ни к сюжету не имеют, такая же бутфорность, звезда с мировым именем, поющая Фиделио, пудов на пять... Закрываю глаза и упиваюсь ее чарующим голосом, музыкой, оркестром...

В музеи картины еще после войны не возвращены, и я дышу красотой домов, дворцов, парков!

А этот Лурье, мечтающий и рвущийся попасть в какое-то роскошное, открывающееся ночное кабаре, получил разрешение сопровождать меня туда.

На идущей вниз лестнице обволакивает тихий гомон, музыка, запахи духов, сигарет, кофе, лестница увешана фотографиями известных актеров с автографами, вдруг вижу и свою с обложки журнала, и идущий навстречу сияющий хозяин кабаре снимает со стены мое фото для автографа. Притемненный зал, уютный, затанутый в дерево, колонны, подпирающие второй этаж, тоже деревянные. Нас за столиком четверо: кроме Лурье еще двое в штатском, мумии, на них костюмы висят, как на вешалках, и видно за сто километров, что это наши военные. Мой генерал выглядел бы так же — бедный мой генерал, он выпрашивал разрешение пойти со мной сюда чуть не у самого Конева и получил отказ, но он совсем потерял голову и может появиться здесь в парадном мундире со всеми орденами.

Волнуюсь, скована, не предствляю, как буду смотреть на совершенно обнаженных женщин не в бане.

Зажглись прожектора. Сцена небольшая, как и все кабаре, уютная. Начался отличный концерт: танцоры, итальянская певица, немолодая, полная, зачаровавшая всех неаполитанскими песнями, зал, казалось, забыл о самом главном...

Неожиданная темнота, полились звуки музыки — и в свете сиреневого прожектора на фоне черного бархата двадцать, тридцать огромных белоснежных раскрытых страусовых вееров... и веера начали медленно закрываться, обнажая пленительные девичьи лица... шеи... груди... опускаясь к ногам... все вокруг не дышит... перед нами двадцать, тридцать живых теплых статуй... и так же медленно, на музыкальном кресендо, веера раскрылись опять... все погасло... как сон... но все уже ревело от восторга и я тоже!

Смотрю в лица мужчин — никакой похоти: восторженности! Но за своих сопровождающих волнуясь, они же не знают, не понимают, где сцена, где публичный дом, и бросятся, забыв про чины, покупать этих красавиц, а оказывается, красавиц вывозят из кабаре с полицией, их имена полное инкогнито, и если какая-нибудь из них себя рассекретит или, не дай Бог, назначит свидание, ее тут же, мгновенно, без единого слова увольняют, а платят им, оказывается, сколько ни один публичный дом не заплатит.

Поднимаемся наверх в бар. Моих спутников как ветром сдуло. Здесь тепло, потому что все в шубах, температура бодрящая, в Вене не хватает топлива. Кругом приветливые, как будто давно знакомые люди, так же, как с фрау, умудряемся понимать друг друга, они знают о моем концерте, собираются на него, без конца приглашают меня танцевать. В Австрии тоже голод, но в баре, кроме вина и кофе, есть какие-то вкуснейшие малясенские сухарики для закуски крепких напитков.

Ко мне подходит мужчина такой красоты, такого шика, что я не могу спрятать удивление, он улыбается — зубы, каких не смог бы сотворить ни один дантист мира, и черные огромные сливы глаз, смуглая кожа, копна черных крутых кудрей, огромный, с отличной фигурой, с руками аристократа, с сияющим на пальце бриллиантом! На чистом русском языке приглашает меня танцевать... где я все это уже видела??? Где?... Где?... Трансильванские Альпы! Там, в горах. Он молодой слепок того самого цыгана, певшего когда-то для нашей царицы.

Начинаю почти бестактно спрашивать, кто он, откуда? Цыганский барон! Ба, все, как в оперетте.

Мы танцуем и танцуем, не можем оторваться друг от друга, я взволнована как-то совсем знакомо. Барон заказал медленную музыку, обернул меня своей огромной меховой шубой, и мы снова танцуем и танцуем, его нежность пронизывает меня.

— Ох, другой век, украл бы я вас сейчас и увез в бескрайние дали навсегда.

От волнения я повисаю в его руках. Дольше оставаться уже неприлично.

Надо прощаться, мы выходим в холл, я протягиваю ему губы.

— Прощайте, в другом веке я бы бросила все и понеслась с вами в бескрайние дали.

В его глазах тоска, отчаяние, нежность, страсть, мольба.

Что случилось с двумя людьми в этот вечер, что связало их навечно...

Я выскользнула из шубы и пошла по лестнице, задыхаясь от слез.

Концерт прошел хорошо и совсем не похоже на предыдущие.

Дворцовый торжественный зал, нет сцены, нет занавеса, я выхожу петь, как в старину, почти рядом со зрителями, стиль концерта получился совсем другой. И публика! Мундиры, вечерние туалеты, после концерта целуют руки.

Вот и кончено все. Вызов в Москву. Почему? Я должна ехать еще в Германию и в Польшу. Случилось что-нибудь дома? Вызов через командование. Вызов от Берсенева. Но что могло случиться в театре? Берсенев же понимает, что я могу никогда уже больше не попасть за границу? Так хотелось узнать немцев не по нашим фильмам, в которых они еще тупее и глупее, чем мы, и поляков, которые мне чем-то близки, как литовцы.

Прощание с фрау меня перевернуло, я заглянула в себя, в свою душу, что-то безобразное, античеловеческое есть во мне, если я не ощущаю мир, как моя фрау. Плача и целуясь, мы стараемся понять нежные слова друг друга, и я каменею, узнав, что у нее погибли на фронте муж и единственный сын. На русском фронте.

Зачем пустили Дуньку в Европу! Не знала, не ведала бы, что люди совсем рядом живут другие, по-другому живут, и узнала не по нашим фильмам, что еще хуже, чем совсем не знать, в них все не так, как есть на самом деле, — в зарубежных фильмах что-то тревожило, удивляло, но было непонятным, незнакомым, а теперь я увидела воочию, поняла, пришло сравнение...

После таможни я заболела физически: мои оркестровки, неповторимые Влаховские оркестровки рвались на моих глазах в клочья вместе с национальными вышивками, альбомами, подаренными мне зрителями в разных странах.

(...)Переехали в новую квартиру. Борис привез роскошный «Мерседес», сделанный в Германии для кого-то из «высших», как и мой браунинг: у меня в моем шкафчике с бумагами лежит дивный маленький, как игрушечный, дамский браунинг, мне его подарили на фронте летчики. Чья женская рука

держала эту игрушку?.. Летчики ска-зали, что браунинг принадлежал чуть ли не самой Еве Браун, возлюбленной Гитлера, а кто ездил в этом «Мерсе-десе» с хрустальными вазочками для цветов?.. И неужели во все времена, во всех войнах грабят одни, потом у них же грабят другие? И куда, в какие руки попадут мои вещи, где еще по-бывают, сколько проживут?..

Я верчусь как белка в колесе: концерты, приемы, съемки и еще одна премьера в театре американского драматурга Лиллиан Хелман, в кото-рой я играю немку-эмигрантку в Аме-рике, играю безысходную ностальгию, кажется, получилось. Прилетела Хел-ман, похвалила меня.

В первую же ночь на новой квартире мне приснился цветной сон, я теперь стала видеть цветные сны: вижу, буд-то я плыву в густой темно-зеленой ти-не, разгребаю, разгребаю и, как только выплываю на чистую воду, тина снова смыкается, и передо мной и позади, а я все плыву, все разгребаю тину...

Я и город-то свой еще как следует не разглядела после приезда из-за границы. Что-то и здесь случилось плохое. В нем в два раза больше лю-дей, чем уехало в войну в эвакуацию. На улицах толпы. И сами люди не те, что уехали. Те несчастные мечутся, бьются, чтобы попасть в свои неиз-вестно кем занятые комнаты, кварти-ры — эти приехавшие грубые, по-спешные, неприветливые. Оказывае-тся, в Москву хлынуло Подмосковье, подмосковные города, деревни, фронтовики.

Как снег на голову прилет маршала Тито. Газеты полны его фотогра-фиями, интервью, встречами со Ста-линым. Жду приглашения на банкет в его честь и неожиданно получаю при-глашение от югославского посла на их прием и не в официальной резиден-ции, а в ресторане все той же гостини-цы «Метрополь».

Банкет со славянской широтой, несметным количеством приглашен-ных. Маршал удивительно интересен в мундире, который ему очень идет, стоит в стороне среди приглашенных, низко мне поклонился. Принимает го-стей посол Попович, тот самый, кото-рый пригласил меня в Югославию и си-дел на обеде у маршала по правую сторону от меня. Он задержал мою ру-ку, заглянул в глаза, как бы зная что-то важное, тайное.

Народу! Говор, смех, запах тонких духов, и действительно роскошный «Метрополь»: огромное пространство, в котором музыка звенит и разливае-тся: где-то в небе стеклянный пото-лок, сияющий паркет, в центре знаме-нитый фонтан, искрящийся блес-тками, — знаменит он тем, что у него низкий барьер и частенько, сильно

набравшись под влиянием Бахуса, в него падают джентльмены и даже да-мы. Зрелище веселое, шумное, когда под хохот зала ошалевшего пловца в вечернем туалете вылавливают и вы-таскивают на паркет; во время танцев гаснет свет и включается огромный серебристый шар, который, крутясь, все превращает в блески.

Поймала на себе взгляд маршала, он чем-то взволнован, возбужден.

Свет погас, все заискрилось, затре-петало от звуков музыки! «Я люблю те-бя, Вена»... Через весь зал прямо ко мне идет Тито. Зал замер, перед ним расступаются, он обнял меня, и мы поплыли в вальсе, я в своем, цвета крови, панбархатном платье, он в мундире с золотом, пожираемые ты-сячью глаз. Я не могла себе предста-вить, что маршал может так блиста-тельно танцевать, как танцевал Папа, как танцевали царские офицеры.

Никто больше танцевать не вышел.

— Ну, наконец-то я держу вас в свои объятиях! Я думал, что никогда не дождусь вас, даже моя разведка не могла выяснить, где вы. Я нарочно устроил этот прием и волновался, свободны ли вы, завтра у вас «Сирано», я могу прийти на спектакль?

— Что вы! Что вы! У нас в театре нет правительственной ложи, они же те-атр разломают, чтобы все-таки вас принять, и это уже будет на уровне ЦК.

— Тогда, разрешите, я приглашу те-атр с этим спектаклем к нам в Югосла-вию... А теперь, прошу вас, продолжай-те улыбаться, и вы слушайте меня, другой возможности поговорить с ва-ми у меня нет... Вы мне непреодолимо нужны, я ни жить, ни существовать без вас не могу, это уже давно, когда я увидел вас в войну в «Ночи над Белградом», это я приказал послу пригласить вас в Югославию... Нет, нет, улыбайтесь так, как будто мы болта-ем о пустяках. Я все знаю о вашей се-мье, но даже если бы вы согласились быть моей женой, между нами пре-пятствие непреодолимое: пока я не имею права на вас жениться, в стране смутное время, и я не должен женить-ся на иностранке, да еще и на рус-ской, вы же видели, как меняется к русским отношение после войны, да еще и жениться именно на вас. Но я приглашаю вас на свою родину в Хор-ватию, мы построим для вас в Загре-бе, который вам так понравился, сту-дию, вы будете сниматься в чем вы хотите, язык преодолееете, а на пер-вых порах вас будут озвучивать. Я все продумал. Вы видели, как к вам отнесся народ в Югославии, вы забу-дете все тяготы...

— Я не могу уехать из своей стра-ны... Но у меня тоже есть идея: приез-жайте вы к нам, вам будет уготовано

шикарное место в ЦК... Улыбайтесь! Мы же болтаем по пустякам!

И мы рассмеемся!

Я задыхаюсь от вальса, от волнения, от напряжения.

— Пожалуйста, думайте обо мне, продумайте все до конца, и, если мне не придется хотя бы в танце обнять вас в этот приезд, вы скажите о своем решении Владо, это посол, с которым вы уже знакомы, я ему абсолютно до-веряю.

Утром в театре репетиции нет, зво-нок Берсенева:

— Танечка, у меня есть для вас ра-достная новость! Звонил ваш маршал, спросил, сможет ли он прийти вече-ром на спектакль, и, когда я сказал, что это невозможно, спросил, может ли он пригласить театр с этим спек-таклем в Югославию! Вы представ-ляете, мы наконец вырвемся за грани-цу! Видите, какой успех у спектакля! Сегодня мы с вами должны играть блистательно.

Интересно — после того, как в те-атре стало известно, что Тито устро-ил для меня в Белграде прием, его стали называть «моим маршалом».

Играли мы вечером действительно хорошо, вдохновенно, особенно пя-тый акт, он и у Ивана Николаевича и у меня лучший в спектакле, и когда закрылся занавес, из зала донесся рев, а когда вышли к рампе, нас засы-пали цветами, зал стоя стал сканди-ровать.

Встретилась глазами с послом, он, оказывается, красавец. Я почему-то не обратила внимания на него, это редко со мной бывает, меня красота — и духовная и физическая — всегда останавливает. Я его не видела в мун-дире, а мундир ему очень идет, как и маршалу, почему же они научились всему этому, а мы никак не можем... Нет, все-таки европейские коммуни-сты интеллигентнее, человечнее как-то. Я так и не пошла в Германию. Интересно, какие немецкие комму-нисты... И вдруг выносят корзину, даже зал на секунду замер... сто, две-сти черных роз: «Они срезаны не мои-ми руками, но с тех же кустов нес-колько часов назад... Я беспрерывно думаю о вас, и не сможете вы совсем выбросить меня из сердца...»

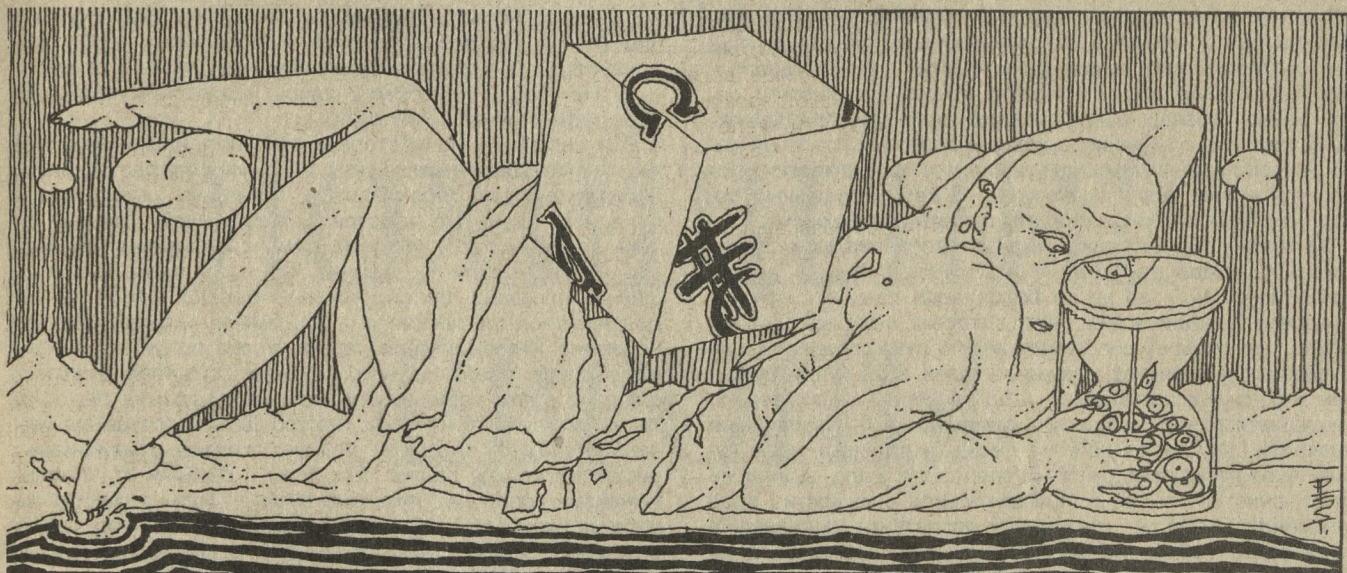

Рис. П. Стюенко

Игорь ТАРАСЕВИЧ

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Я нашел Формулу, но теперь бился над адекватным ее переводом. Обретенной она не существовала, пока знаки, нацарапанные тысячу лет назад по свежему бетонному кубу острием мастерка, не поддавались прочтению: то ли иероглифы — и я видел ученого китайца в красном халате, с заколкой в вороньем крыле над ушами, в черепаших очках, то ли ассирийская клинопись — я видел лопатобородого атлета в медных налокотниках, с коротким мечом, похожим на сечку для капусты, то ли иудейская каббала — видел тощего раввина в черной сукфейке, его руку с длинными узловатыми пальцами, то ли слово на старогреческом — возникал носатый Одиссей, удивительно напоминающий шурица, в ночной рубашке до половины ляжек, украшенной коленчатым орнаментом свастики; разобрать было невозможно, тем более, что бетон застыл тысячу лет назад, края шрамов оплавившись, затекли. Божий язык, быстро вытянувшийся, чтобы уколоть пока еще безгрешную плоть, блеснул перед глазами, как нож, тысячу лет назад, блеснул и погас; жертва видит этот блеск лишь однажды.

Рецепт, включавший количество цемента, количество щебня, количество песка и водо-цементное отношение, то есть дробь, представляющую соотношение воды и цемента, заключался в захватанном ксерокопированном наставлении; я сунул туда нос — дело казалось проще простого, — быстро смешал ингредиенты, руками, испачканными в серой кашеце раствора, взял испеченный бетонный блок и водрузил его под упдающий шип грубого снаряда, желая испытать образец на прочность. Представьте мое нетерпение: я был на тысячу лет моложе, подвал,

в котором проходило лабораторное испытание сотворенных частиц мироздания, еле-еле освещался, а на улице стоял уже зажженный Божий свет, мне хотелось туда. Еще хотелось есть, подходило время обеда, ведь лабораторка предвляла большую обеденную перемену, желудок сигнализировал лучше часов. Проклятый шип раз за разом проникал в мясо не желающего твердеть кубика, пока перед глазами у меня не сверкнула сталь! Разрезы тотчас набухли влагой и сразу же, видимо, начали каметь. Я засмеялся от удовольствия, еще не понимая, что не тело бетонного блока, а собственная моя душа отмечена вечной наколкой.

В подвале, говорю, казалось темновато, и я уж стучал копытами — рвался наверх. Я не стал разбирать магических штрихов, посчитав их появление само собой разумеющимся знаком ОТК* — печатью готовности.

На улице сияло солнце, шумела молодая листва, весело переговариваясь, шли ровесники. Бедра у девушек явно были крепче бетона. Я, стоя на пороге, вдохнул все это, словно только что получивший свободу узник, и тут же тень побежала по небу, грозно заговорили листья, посуровев, начали разбегаться мои товарищи, словно муравьи перед грозой. Я с отвращением видел, как дрябло колыхнутся груди девушек, как еле удерживают попу дрожащие ноги. Само здание, у которого я стоял, дрожало, готовое — вот-вот! — обрушиться на меня, как опадающее слоями варево цементного раствора, обрушиться, роняя

* Отдел технического контроля.

почти с адмиралтейского шпиля тусклую латунную звезду. Тысячу лет я глядел в сакраментальный рецепт, подсыпая составляющие, пачкал руки, тысячу лет я, устанавливая правильное водо-цементное отношение, заливал себя грязной жижей. Мир удавалось чуть-чуть подправить, но императив созидания, однажды рожденный, все не находил воплощения, пока я не понял, что просто рецепта мало, что нужна Формула, несущая в себе астральный заряд, что лишь заклятье придает крепость созданному.

За тысячу лет ступени в подвал пообвалились, в щелях проросла трава, выщерблины затянулись хрупкой песчаной корочкой. Я, до крови расцарапав пальцы, с трудом отодрал металлический лист, которым была заколочена дверь; со скрипом она отворилась. В луче света началось бешеное броуновское движение пыли. Мой кубик лежал там же, где я оставил его, — под ядовитым шипом, теперь упершимся в непроницаемую поверхность с нанесенными знаками. Вываживая ноги из песка, я подошел, взял кубик, прежде отведя рукой бесполезное жало, вышел на свет, считил песок с прямоугольной плоскости. Край шрамиков затекли; безумный ассистент, поставивший свое тавро тысячу лет назад, выполнил работу Господа Бога. Ассистент сам давно стал твердым, как кремень — химическая реакция за тысячу лет превращает человеческий костяк в материал неизменно прочный, — теперь разобрать магические письмена представлялось невозможным.

Еще тысячу лет я читал знаки. Море плескалось у моих ног, с танцплощадки шахтерского санатория доносилась дикая музыка, крики, рык, от окруженного колючкой белого домика на горе время от времени проблескивал в мою сторону глаз пограничного окуляра, бензиновое облачко падало с недалекого шоссе — пока кистеперая рыба выходила на сушу.

Быть может, арамейское письмо? Или если это иероглифы, то уж наверняка не китайские, а какие-то иные, сходные, но иные. Не послать ли фототелеграмму в Тайбэй*? Я видел Чанкайши в сталинском френче, со стеклом красного дерева.

Море наступало, отступало, затемняя песок и, уходя сквозь него, освещая его вновь и вновь. Вода просачивалась сквозь пальцы, оставляла в кулаке коричневую кашу. Рецепт уже не было у меня, Формула казалась во век непрочитаваемой, лишь двухтысячелетний опыт давал надежду на успех. За два тысячелетия я несколько не утратил студенческой самонадеянности.

— Я создам тебя. Понимаешь? Я создам тебя — еще на тысячу лет — так я горячим шепотом обещал женщи-

не, которая попыталась помочь мне разобрать магические штрихи. Мы познакомились в библиотеке. — Создам, понимаешь? Прикройся, все же люди вокруг, как-никак.

— Не говори глупостей, здесь нудистский пляж. Ты здесь единственный, кто одет.

Еще сильнее я почувствовал свое предназначение. Тут же я начал мять насыщенный водою песок, раз за разом набирая в руки строительный материал, складывая и складывая, пока она подставляла себя свету, свежее кубики. Бог с ней, с Формулой! Цемент и щебень, разумеется, отсутствовали — цемент тут не продавался, а за щебнем пришлось бы подниматься высоко в гору, но водо-цементное отношение я — по памяти — выдержал, как положено. Я создал свою женщину, она получилась весьма похожей, поверьте мне. Конечно, материал диктовал фактуру: нечто гориллообразное проявилось в ее облике, но тут уж я не виноват. Быстро-быстро составляя песчаные блоки, я построил дощатый сортир, зонтик-навес, рифленую ограду пляжа, сам пляж с белыми от времени лежаками, город над ним, еще выше — горы с цепляющимися за них облаками, а еще выше — синее небо, глядящее вниз, небо, из которого две тысячи лет назад высунулось смертельное лезвие, нанесшее неразгаданные знаки. Взяв мастерок под мышку, удовлетворенно я отряхнул ладони одну о другую. Мир был прекрасен. Оставалось вдохнуть душу в него, и я оглянулся, ожидая, что Господь, словно Госприемка, подпишет «добро» сданному строительству. Однако утверждения свыше все не поступало. Тогда я, кряхтя от вполне законной усталости, поднял так и не прочитанный, но уже испытанный две тысячи лет назад образец, совершенный по форме и стойкости, образец, уже имеющий неразгаданное, но наверняка освященное клеймо, и водрузил его в основание своего мира. Первым рухнуло небо, потом, мгновение еще подождав, упали горы, потом крики от танцплощадки приобрели иную тональность — это попадали там стены и крыша, шахтеры, матерясь, побежали врассыпную прочь, втягивая головы в плечи и напрасно прикрываясь руками, дома в городе словно бы получили подсекающий удар по щиколоткам, в катящемся облаке пыли шлепнулась плашмя пляжная ограда, рассыпались лежаки, с колёнкоровым треском порвался надо мною шелк зонтика, ушла под землю сараюшка с двумя нулями на дверце и, наконец, рассыпалась в прах женщина, успев, правда, в последний момент залепить мне здоровенную оплеуху. Струйки сухого песка потекли у меня из ушей, соединяясь с такой же струйкой, бьющей изо рта. Первой рассыпалась рука, держащая мастерок, потом вторая рука, потом я вдруг обнаружил, что стою на коленях, потом и колени подломились, мягко отсоединилась голова, и я стал песчаной равниной.

* Столица Тайваня.

Внимание антикваров

Выставочный зал

«САЛОН на БЕСОВОЙ»

Старинная мебель, гасы, живопись, фарфор, бронза и многое другое...
Вы можете приобрести любимые предметы экспозиции.

1-й Боткинский проезд, д. 2/6.
Тел. 946-09-77

По предъявлении этого объявления
ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ!

Аркадий Ипполитов

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

(«Метаморфозы» Овидия)

Слефогт. Девушка с быком

Едва Меркурий опомнился от своего приключения с Герсой*, как Юпитер уже поспешил дать ему новое поручение. На цветущих полях Финикии Юпитер увидел дочь царя Агнора Европу, и Меркурий должен был пригнать стадо коров к месту, где она прогуливалась в сопровождении прислужниц. Приняв образ белоснежного быка, Юпитер присоединился к стаду для того, чтобы соблазнить деву.

Речь идет о самом известном из всех приключений Юпитера, так как благодаря этому роману наш континент получил свое название. В литературной и художественной традиции миф о Европе приобретает множество оттенков — от простой любовной истории до сложнейшей отвлеченной морально-теологической аллегории.

История, рассказанная Овидием, дает простор для полета фантазии. Динамика повествования необычайно привлекательна. Сначала робкая дева испугана,

затем, покоренная нежностью быка, она начинает легкую игру. Осмелев, Европа венчает рога быка цветочными гирляндами, садится ему на спину и включается в похищение. Сначала бык медленно приближается к воде, постепенно все убыстряя и убыстряя свой бег, и вот уже он мчится по океану, Европа бьется в страхе, голосят на берегу прислужницы, свистит ветер, бьются волны — Европа несется неизвестно куда неизвестно с кем.

Юпитер привез Европу на

Крит, где в свое время прошло его младенчество, когда Рея прятала младенца от прожорливого Сатурна. И там царевна Европа родила Миноса и Радаманта, первых критских царей. Место, выбранное Юпитером, символично. Как известно, Крит был колыбелью европейской цивилизации, началом всех начал. Критяне необычайно почитали быков — в кносском дворце найдены фрески и скульптуры, изображающие священные игры юношей и девушек с быком. Любовная история Юпитера

* См. «Столица», № 36.

положила начало новому культу и новой цивилизации.

В XV веке чаще всего изображали первую часть истории. Невинные девы резвятся на цветущем лугу вокруг услужливо подставляющего шею быка. Эта сцена иллюстрировала всепобеждающую силу любви: даже повелитель богов становится игрушкой шаловливой девы.

В XVI веке художников больше привлекает момент, когда «бык Европу несет по волнам». Изображение делится на две большие группы: Европа в отчаянии бьется на спине довольного чудовища, как в картине Тициана, или более или менее удобно устраивается на этом неожиданном средстве передвижения, меланхолично предоставив себя судьбе, как на картине Гвидо Рени.

«Похищение Европы» Тициана было написано для испанского короля Филиппа II и входило в серию из четырех работ на мифологические сюжеты: «Диана и Каллисто», «Диана и Актеон», «Освобождение Андромеды» и «Похищение Европы». Три работы посвящены гневу богов: Диана наказывает Актеона, а прикованная Андромеда должна стать испуганной жертвой морскому чудовищу. Казалось бы, миф о Европе не входит в этот ряд печальных историй, но неожиданная трактовка Тициана превращает относительно счастливое любовное приключение в трагедию.

Бекман. Похищение Европы

Странное мерцание колорита, то ярко вспыхивающего розовым, зеленым и голубым, то погружающего все в полную тьму, создает ощущение катастрофы, как будто в темной ночной воде играют отблески пожара. Тело Европы сводит истерическая судорога, и она беспомощно зывает к своим спутникам, рыдающим на берегу. Из глубин выплывают страшные рыбы, подчеркивая опасность того мрака, куда уносит бедную царевну безразличный бык.

Европа, уносимая в неизвестность посреди грозного хаоса, превращается в символ всей европейской истории, и, может быть, поэтому Рубенс назвал эту работу Тициана «первой картиной в мире».

Совсем другая Европа у Гвидо Рени. У нее тоже не вызывает особой радости похищение, но, монументальная и спокойная, она испытывает лишь легкую грусть перед предстоящим путешествием. В картине все чересчур: голубое небо, веселенькие цветочки, рыжие волосы, роскошные груди. В красоте этой картины есть избыточность, доходящая до смешного, но в этой избыточности есть та высокая условность, что делает столь прекрасной итальянскую оперу, — и в звучных светлых красках Гвидо Рени слышатся упоительные звуки бельканто.

Гвидо Рени написал два варианта «Похищения Европы»: для короля английского и короля польско-

го. Англия и Польша были для Италии XVII века экзотическими северными странами. Европа Рени меланхолично бросает последний взгляд на родную Италию перед далеким путешествием к неведомым варварам, которых она одаривает своей неимоверной красотой.

В картине немецкого художника Макса Слефогта, написанной в 1902 году, читается аллюзия на то, как изображали Европу в XV веке. Девушка около быка — портрет возлюбленной Слефогта, Шарлотты Беренд, которая через несколько лет станет его женой. Использование античного мифа становится своеобразным признанием в любви, и прекрасная финикийская царевна превращена в дачницу, поглаживающую дипломированного немецкого быка.

В картине Макса Бекмана 1933 года Европа перекинута через хребет быка, как мешок с добычей. Стоит ли говорить, что в этом году бык умчал Европу в абсолютный мрак, и многим казалось, что злое тьма, предугаданная Тицианом, навеки поглотит дочь Агенора. В те же годы Пикассо создает свой цикл «Тавромахия», где бык становится символом дикой и слепой силы. Легкий флирт с быком девушки «бель эпок» с картины Слефогта закончился катастрофой.

Впрочем, Европа пока продолжает свое путешествие на быке.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

О богатстве цветовой гаммы красно-коричневых — от «ранжовых» до «бурдо» — размышляет обозреватель «Столицы» **Михаил ПОЗДНЯЕВ**.

Елена САЛИНА: «И тогда он ударил. Прямо в сердце, как это делал тысячу раз его суперагент. Девочка дернулась, и обмякла, и замерла, глядя ему в глаза широко распахнутыми, невидящими уже глазами...»

Десять лет назад в США увидел свет альманах «Каталог», куда вошли произведения семи неиздаваемых тогда в СССР писателей. Историю создания альманаха вспоминает **Николай КЛИМОНТОВИЧ**.

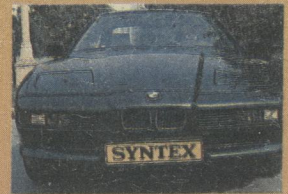
Гвидо Рени. Похищение Европы

Тициан. Похищение Европы

SYNTEX

Кв Б:Н

Престижный автомобиль — это ваше лицо и лицо вашей фирмы!

Новые «Мерседесы» (140-й кузов), BMW любой серии, скоростные «Порше» и «Вольво» всех цветов. Все это в автосалонах фирмы «СИНТЕКС» по адресу: ВДНХ, павильон «Транспорт» и павильон «Москва».

Тел.: 188-63-71
181-90-75